

АЛЕКСАНДР ДУБОНОСОВ

БОГАТЫРЬ

И ЗВЕЗДА СВАРОГА

Как же надоел этот проклятуший лес! А ведь так хочется свободы! Поглазеть на деревенских девок. Авось, даже пощупать... Силушку показать, в конце-то концов!

Богатырь я али кто?! Ну не протухать, же мне всю жизнь, гоняя нечисть по болотам?

А тут деревенская свадьба, коварный волколак преследует зеленоглазую девку, да целый отряд мужиков, пропал в Туманных топях...

Ну и что мне со всем этим делать?

Эх, была не была! Я только одним глазком...

ПРОЛОГ

Солнце уже зашло, но розовый закат ещё проглядывался сквозь кроны редких деревьев Туманных топей.

Их было семеро. Два дня назад из деревни выехало восемь, но утром мавки утащили Косого в заросли камыша.

Командир дозора деревенский плотник Феол посмотрел на мужиков единственным глазом и тяжело вздохнул. Его изрядно уставший, голодный и замёрзший отряд нуждался в отдыхе, но разбивать здесь лагерь — сущее самоубийство. Только последний дурак сможет спокойно спать в таком тумане, где они были лёгкой добычей. Но для кого?

За этим-то старшина Рознег и собрал дозор — обойти топи, да разузнать, что за напасть в их краях поселилась. Не болотники же так страшат купцов, что те стали обходить деревню стороной?..

Вокруг стояла глубокая тишина. Спёртый болотистый воздух давил на лёгкие, от чего и дышать доводилось с трудом.

Мужики, хмурые и злые, сохраняли молчание.

Феол же без усталости продолжал вести отряд через туман, прекрасно осознавая, что они вконец заблудились и уже несколько часов ходят кругами.

Старшина неспроста поставил Феола головой, ведь он один из тех немногих, оставшихся в деревне, кто на своей шкуре испытал настоящую ратную службу и пережил далеко не один бой.

Да чего уж, его многочисленные шрамы и солдатская выдержка говорили сами за Феола с первого на него взгляда.

Но даже у такого опытного воина, как Феол, от этих болот коченели пальцы и время от времени становилось жутко, чего уж говорить об остальных...

Последние розовые лучи окончательно скрылись за деревьями, но Феол так и не мог найти подходящего места для привала. Единственную сохранившуюся дорогу через топи окружала лишь тина и камыш, будто что-то вело всё дальше и дальше, в глубь болот.

«Проклятая тряси́на!» — Феол недовольно сморщился, вглядываясь в шуршащие сбоку заросли камыша. — «Отродясь такого тумана не встречал. Нужен огонь и добрый сон... Не хватало ещё, чтобы все умом тронулись!»

И тут конь замыкающего отряд рыбака Невела провалился копытом в мягкую почву, сильно качнув седока. От неожиданности Невел громко вскрикнул, чем напугал везущее его животное.

Мужики обернулись и увидели, как конь поднялся на дыбы и рванул вперёд, скинув с себя низкорослого всадника. Невел перекувыркнулся через лошадиную спину и уткнулся

бородой в мягкую болотистую почву.

Напуганное животное так и скрылось бы в тумане, если бы командир дозора, в последний момент не поймал его за поводья.

От ежедневной тяжёлой работы с топором Феол был очень крепким, он без труда смог остановить коня на скаку, сам при этом удержался в седле. Он резко дёрнул за кожаные ремни, отчего жеребец снова стал послушным и покорным.

Феол дождался, пока поднявшийся на ноги Невел закончит громко ругаться и отряхиваться от грязи и молча протянул поводья.

Он до последнего не хотел брать Невела с собой, но старшина настоял.

По его словам, прогулка по жутким болотам должна была пойти Невелу на пользу. Больно он достал деревенских хамским балагурством и неуместным шутовством, но, как Феол и полагал, вышло только хуже... Теперь же ему хотелось собственноручно утопить Невела в какой-нибудь ближайшей канаве, лишь бы больше не слышать его нытья.

«Теперь-то я понял тебя, старшина, ты надеялся, что этого дурня сожрут одним из первых!» — ухмыльнулся про себя Феол и показательно сурово нахмурил брови. — На, держи крепче!

Остальные мужики просто окинули Невела уставшим взглядом и, не проронив ни слова, продолжили путь. Сейчас им было не до шуток и не до глумлений.

— Феол, может, ну его, эти топи? — прогундел Невел, вытаскивая оставшийся мох из густой бороды. — Уже, считай, как двое суток по этому проклятому лесу кругами ходим! Признайся, что и сам понятия не имеешь куда нам топать...

Феол устрасюще сверкнул единственным глазом.

Невел же сделал вид, что не понял намёка:

— Ну, чего скажешь? Давай вернёмся, пока не поздно? А Рознег пушай старика с щенком посылает свой хлеб отрабатывать...

— Да захлопни ты уже, наконец, свою пасть! — резко прервал его Феол. — Знаешь же, что был дан приказ сведать, кто тут охальничать повадился, значит сведаем, чего бы это не стоило! И покуда не найдём — домой нам вороту нету. А, ежели кончина Косого тебя так заботит, то усеки на носу — он сам виноват! Нечего хлебалом щёлкать...

— Занудный вояка... — Невел, кряхтя, залез на своего ретивого скакуна и накрутил кожаные ремни поводьев вокруг руки. — Вот так тут все костями и ляжем, помяни моё слово...!

— Ага, — в разговор влез молодой, с редкими рыжими волосками под носом. — Все говорили Косому не подходить близко к воде, но нет же! Волокита! Но эта девка так пела, так пела... Как тут устоять-то?! Я и сам чуть было за ним следом не пошёл! А что?!

— Бестолочь ты, Вир! Какая там девка?! — один из мужиков безнадёжно махнул на молодого рукой. — Тот был дурак и ты туда же! Мавка это, самая настоящая! Своими глазами видал, что чешуя блестела! И вырви мне язык Яровит, если лгу! А коли веры нет, вернись и сам голову в камыши засунь! Поглядел бы я на лицо твоего папеньки, когда ты безносом через порог переступишь!

— А Кривому, всем знамо, лишь бы под чью юбку залезть! — поддержал разговор ещё один из мужиков. — Странно, что Невел его не опередил!

Среди мужиков прокатился лёгкий смешок, от чего Невел обиженно фыркнул и демонстративно отвёл коня в сторону.

— А ну, заткнулись! — прикрикнул на мужиков Феол. — И так тошно, вы ещё ор

устраиваете. Солнце село, и туман быстро сгущается. Пёс его знает, что в нём кроется. Поберегите силы... И вообще, я вам всем поражаюсь, как от такого шума нас вообще до сих пор ещё никто не сожрал?!

Мужики виновато переглянулись и замолчали. Вокруг вновь воцарилась тишина, нарушаемая лишь хлюпаньем копыт по влажной мягкой земле. Да макушки редких деревьев скрипели под ветром...

Чувство вины болезненно скреблось и внутри Феола, ведь он лично уговорил Косого поехать с ними, чтоб в дороге повеселее было. Занятно он, всё же, скоморошничал. Вот и повеселились.

И вправду, ну какой из них дозор?! Пастухи да свинопасы... Феол и так взял кого покрепче да половчее, хотя большинство из них меч и щит держали всего от силы пару раз за жизнь и то в последние несколько дней, а благодаря старику и за чудовищ слышали разве что из былин.

Сейчас, он больше всего на свете жалел, что с ним была не его прежняя, бывалая дружина... Вот тогда бы они навели шороху по этим гнусным болотам!

Феол оглянулся и увидел, что конь Вира еле плетётся и сам он выглядит мрачнее самой чёрной тучи. Командир придержал коня, пропуская мужиков вперёд.

— Вир, — он слабо окликнул молодого, поравнявшись с ним. — отвечай честно: тебе страшно?

Парень не ответил, но Феол по его взгляду и так всё понял.

— Раньше здесь такого не было. Топи цвели жизнью. Туда-сюда сновали торгаши со всякими безделушками и никто даже помыслить не мог, что теперь эти места будут нагонять такую жуть.

Вир напряженно сглотнул, а Феол подбадривающе улыбнулся ему в ответ:

— Признаюсь, мне сейчас точно так же страшно, как и тебе, как и им всем. — он потцовски положил руку на плечо рыжеволосого Вира и мрачно посмотрел на угрюмо ехавших впереди мужиков. — Боле того, сколько раз довелось выходить на сечу — уже не сосчитать... и каждый раз всё нутро ходуном ходило! Скажу тебе, что когда-то сказал мне воевода Руевит: «Страх, сынок, — это часть тебя и никуда ты от него не денешься. Он, как дикий вороной: либо ты возьмёшь в руки плеть и усмиришь его, либо он растопчет тебя, подведёт в самый неподходящий миг. И именно эта мастрота — душить его и сохранять ум холодным — возможно, однажды спасёт твою шкуру». Твой батька потому и упросил старшину, чтоб тебя с собой в дозор взяли и тут я с ним согласен. Тебе уже давно пора показать настоящую мужскую долю...

— Феол, я видел, как тварь вцепилась в горло Косого. Этот холодный ужас в его глазах... не хочу так же...

Голос парня дрожал и Феол его прекрасно понимал. Когда-то он и сам был на его месте. Таким же мальчишкой пятнадцати зим, трясущимся в третьей линии авангарда, в битве при Волчьих полях. Там Феол впервые познал ужасы сечи, там же и убил своего первого волколака...

— Именно, что к такому ни подготовишься, ни привыкнешь... За свою жизнь ты встретишь множество людей, что будут кичиться храбростью, но, как бы они не били себя пяткой в грудь, — каждый внутри страшится уйти в Иной мир. Такова наша мужская доля: либо ты, либо тебя. Прими её с мужеством, ведь никто, кроме богов, не знает, чего нам на роду уготовлено. Да, если честно, то и от них проку как-то не особо... Лучше на себя

надейся, на крепкий щит и острый топор. Вон, взгляни на мужиков! — Феол указал рукой на движущийся впереди отряд. — Виду не подают, а каждого так и колотит. Хоть и бывалые... Вот и ты — загони уже своего зверя в клетку!

Кони шли размеренно и ровно дышали. Животные не чувствовали никакой угрозы вокруг, значит, и Феол мог позволить себе немного расслабиться.

— Дай-ка мне свой меч. — Феол, поудобнее расположившись в седле, протянул Виру широкую, исполосованную шрамами ладонь.

Вир неуклюже вытащил клинок из ножен и протянул лезвие командиру. Холодная сталь коснулась руки и Феол крепко сжал кожаную рукоять, после чего несколько раз со свистом рассёк воздух.

— Добрый булат. Аяр отлично знает своё дело, и отец твой на монеты не поспешил... Ты поклонился Перуну перед выходом?

Вир утвердительно кивнул.

— Славно. — Феол взял клинок за лезвие и отдал Виру. — С мечом в руке и помирать не страшно! Всё, хватит сопли по щекам возюкать! Вдохнул, выдохнул и — вперёд! От каждого из нас сейчас зависит — вернёмся мы домой али нет.

Феол хлопнул ладонью по крупу разномастного скакуна Вира, и они вместе вернулись в строй.

Ехали медленно, вслушиваясь в каждый шорох. От чрезмерной сырости тело покрылось зябью. Кто-то из мужиков уже начал шмыгать носом и покашливать.

Одинаковые деревья, двое суток водившие дозор кругами, неожиданно закончились, и мужики выехали к пологому склону. Перед ними простиралось широкое озеро непроглядного тумана, с возвышающимся в середине него холмом, с мрачным иссохшим дубом на вершине.

Неприятное место, от которого уж точно ничего хорошего ждать было нечего...

Феол прислушался к сердцебиению своего скакуна и оглядел остальных лошадей.

Животные сохраняли полное спокойствие, но нутро Феола так и крутило в преддверии опасности, скрывающейся в этом тумане, а оно его ещё никогда не подводило.

— Стоять! — резко скомандовал он и поднял руку.

Невел подбил скакуна пятками и поравнялся с командиром.

— Скверное место. — Невел нервно почесал лысую голову. — Гузном чую, не нужно нам туда, Феол. Умоляю тебя, ну давай вернёмся? Старшина поймёт.

— Коль мы сдрейфим и стекаем, грош цена нам, как мужикам! — Феол сверкнул на товарища глазом и нахмурил брови. — А если сам сбежишь, то, когда вернусь, прилюдно нацеплю на тебя юбку и кокошник, чтоб даже твоего отца, в Ином мире, стыд пробрал!

— Погубишь ты нас, Феол, ой погубишь. — пробурчал Невел, явно недовольный ответом командира. Развернул коня и, качая головой, отошёл к остальным. — Мужик, не мужик, а со шкурой жалко расставаться за просто так...

Феол посмотрел на небо. Яркая луна хорошо освещала молочную пелену тумана. Прохладный ветерок приятно пробежался по лицу сурового командира дозора, но расстелившийся туман от ветра даже не шелохнулся.

Вдруг падающая звезда прочертила яркую, длинную линию на чистом ночном небе.

— Добрый знак. — сказал Феол и окинул взглядом мужиков.

В их глазах он разглядел сомнение и страх. Но не по его натуре было отступить перед опасностью. Тем более, что кони продолжали сохранять полное спокойствие.

От вида туманного озера по телу Феола пробежали мурашки. Он чувствовал, что именно здесь скрывается то, за чем они приехали на болота. Сделал глубокий вдох, выдох, снял круглый, окантованный железом щит со спины и повернул его лицом к себе.

— Защити, отец Велес! — обратился Феол к искусно выгравированной на умбаре медвежьей голове, накинул щит на руку и потуже затянул ремни. — Наполни, Перун, руки наши силой! Поддай, Стрибог, ветра попутного, под хвост скакунам нашим! Освети, Хорсолнцеликий, путь нам во тьме!

Их деревня осталась одной из немногих, кто ещё помнил и почитал богов, но больше всех — скотьего бога.

Мужики, видя, что их командир настроен решительно, последовали его примеру.

Феол обратил внимание на Вира, руки которого заметно тряслись, а голова то и дело оглядывалась на обратную дорогу.

Он хотел дать дёру, но что-то его останавливало. Значит, ещё не всё с этим мальчишкой потеряно! Добрый выйдет из него воин!

Когда молодой поймал на себе пристальный взгляд командира, тот улыбнулся ему и одобрительно кивнул, после чего с громким лязгом обнажил меч.

Остальные сделали так же.

— Вперёд! — мрачным, полным уверенности басом скомандовал Феол и первым погрузился в туманное озеро.

Без бравых речей. Без боевого клича. Коротко, по-мужски. Как и подобало настоящему воину.

Мужики, хмурые и молчаливые, хоть и недовольно, но последовали за ним.

Вир же, вновь ехал последним.

Его заколотило от страха, и он уже потянул поводья вбок, как дорогу перегородил Невел и выхватил ремни из его рук:

— Ты слышал Феола, малец? Всё, значит всё! — ехидным тоном передразнил командира Невел и потянул за ремни, направив коня Вира вперёд. — Чему быть, того не миновать!

Вир сглотнул, вдохнул, выдохнул, как советовал Феол и, закрыв глаза, вместе с Невелом скрылся в тумане.

Над молочным озером воцарилась мёртвая тишина. Не было ни криков, ни доносящихся лязгов мечей, ни даже шлёпанья копыт по болотной грязи — только тишина.

Которую внезапно нарушил Вир.

Он бежал вперёд, без коня, громко шлёпая ногами по раскисшей от воды почве, не видя ничего вокруг.

Запнулся, упал в грязь, но тут же поднялся и побежал дальше, не обращая внимания на стекающую по лицу жижу.

Рот заполнился мерзкой, склизкой тиной, глаза вот-вот готовы были выпрыгнуть из орбит.

От ужаса так перехватило дыхание, что Вир едва мог вздохнуть, когда хотелось кричать во всё горло.

Он помнил откуда они спустились. Во что бы то ни стало нужно было туда добраться. Он должен выжить. Он должен предупредить всех остальных, привести старика...

Вир так быстро мчался вперёд, что уже не видел — преследовал ли его кто-то. Он просто бежал. Падал, вставал и снова бежал. Только бы поскорее убраться из этого

проклятого места.

Что стало с остальными?

Плевать! С того самого момента, как он свалился с коня — Вир не оборачивался! Сейчас его волновала лишь только его собственная жизнь!

Лунный свет уже начал пробиваться через пелену тумана. Грязь закончилась, началась относительно твёрдая, но скользкая от влаги почва.

Появилась надежда. Подвели ноги.

Мокрое лыко скользило по траве и Вир, то и дело, скатывался вниз.

Нет, всё не может закончиться вот так! Он выберется, во что бы то ни стало!

Благо ещё есть руки и пальцы — крепкие и цепкие, от ежедневной полевой работы.

Он глубоко впивался ими в землю, стремительно взбираясь наверх.

Внутренний зверь победил... Страх полностью поглотил его и, казалось, даже прибавлял сил.

И вот, сквозь туман стали видны яркие звёзды.

Ещё немного усилий и этот кошмар закончится!

Рывок, второй и озеро тумана осталось за спиной. Он выбрался... Всё позади!

Вир сделал глубокий вдох, перевёл дыхание и... резкая боль пронзила спину и невыносимо зажгло в груди!

Последнее, что увидел Вир, была яркая летняя луна и пролетающая по чистому небу звезда, сгоревшая дотла.

И над топью вновь воцарилась мёртвая тишина...

Глава 1: «Гой еси, сын...»

А ведь всё начиналось довольно-таки хорошо...

Последние несколько дней ожидание предстоящих деревенских гуляний не давало Яромиру покоя.

Не терпелось настолько, что всю ночь перед долгожданным Ярилиным днём он проворочился с боку на бок и подскочил ещё до петухов, в надежде успеть переделать все дела по хозяйству и отправиться в дорогу как можно раньше.

Он же себе вовек не простит, если опоздает на Ерёмину свадьбу!

В избе ещё царил мрак ночи, но Яромиру это никак не помешало бесшумно прокрасться к выходу. Старик с детства учил его хорошо ориентироваться в темноте.

Как раз его звериный храп с печи гулко разливался по всей избе.

И всё же, излишняя осторожность не повредит! Не стоит старика беспокоить раньше времени, а то вдруг опять чего в голову взбредёт. И так отпустил с горем пополам...

Яромир снял с крючка свой единственный старый льняной полотенец и аккуратно отворил массивную дубовую дверь, которая в их доме не закрывалась ни на крючок, ни на засов, так как гостей у них никогда не было. Ни прошенных, ни непрошенных.

Только Яромир сделал шаг в сени, как старая половица предательски громко заскрипела под ногой.

Он задержал дыхание, замер, не отводя взгляда от печи, и с облегчением выдохнул: старик лишь всхрапнул, накинул на голову медвежью шкуру, перевернулся на другой бок и продолжил сон.

Яромир же медленно закрыл за собой дверь и вышел на улицу.

Старый отшельник заменил Яромиру родителей, которых тот никогда не видел. По

рассказам старика, он нашел Яромира около семнадцать зим назад, в чаще, что далеко на западе, за всеми известными Яромиру землями. С тех самых пор старик в одиночку и занимался воспитанием Яромира — суровым, но справедливым.

Яромир бодро подскочил к колодцу и столкнул в него широкую дубовую бадью, обтянутую стальным обручем, снял с плеча полотенце и небрежно бросил его на сруб.

Раздался крик петуха и первым из зверей проснулся большой черный пёс, тут же бросившийся в ноги Яромира, радостно скуля и виляя хвостом. Только Яромиру было совсем не до игр с псом.

Заскрипел ворот и через мгновение Яромир уже стоял с полной бадьей воды в руках. Он ждал, пока из сарая покажется наглый трехцветный кот.

Приметив пса, продолжавшего виться вокруг ног Яромира, кот припал к траве и стал подкрадываться, медленно и бесшумно, как при охоте на мышей и птиц. Он никогда не мог спокойно стоять в стороне, когда его черный товарищ так рьяно выпрашивал у человека ласки.

А Яромир всё держал бадью в руках и ждал, продолжая наблюдать за животными.

Кот, мягко ступавший по влажной от росы траве, был уже совсем близко, а пес так увлёкся Яромиром, что и не чувствовал приближающейся опасности.

Усатый хищник изготовился.

Яромир тоже напрягся.

Кот прыгнул и Яромир размашисто перевернул на себя бадью. Бодрящая ледяная вода окатила и Яромира, и пса, и кота.

Звери, не готовые к неожиданному утреннему умыванию, сорвались с места и скрылись за баней, от чего Яромир не сдержался и закатился звонким смехом.

Теперь этим шерстяным пройдохам вылизываться на всё утро работы, так что будет не до драк.

— Холодная водица — проснуться сгодиться! — со смехом крикнул им вслед Яромир и потянулся, широко расправив могучие плечи.

— Тебе, лишь бы тех, оже слабже обижать! — из сеней на крыльцо вышел старик, зевая и почесывая густую седую бороду. — Давай, сынка, ты меня побори!

Яромир обратил внимание, что лицо старика было мрачнее обычного, но, вспомнив какой сегодня день, не стал придавать этому значения.

Чрезмерно строгий старик и так не отличался особой веселостью, а в Ярилин день его совсем лучше не трогать. Когда все почитали солнечного бога песнями и плясками, лишь один старик скорбел и на отрез отказывался рассказывать Яромиру по чему.

Яромир взял со сруба колодца полотенце, отерся, улыбнулся старику и размял руки.

— Свадьба свадьбой, а утренняя борьба — дело неотложное и обязательное! — старик снял всю перештопанную, но так любимую им льняную рубаху и аккуратно сложил её на длинной скамейке, приколоченной к стене возле крыльца. — Не забывай: мастроту свою ежедневно точить надобно, а не то однажды она тебя в самый нужный миг подведёт!

— Сегодня уж точно моя возьмёт! — Яромир встал перед стариком в боевую позу и встряхнул руками, всем видом показывая, что он готов к борьбе. — И ты сам тогда пойдешь корову доить!

— Ох, посох не под рукой! Всыпал бы тебе по самое не хочу! Но уклад, есть уклад: кто первым на траву ляжет, на том и двор! — старик густо свёл разросшиеся пучками брови. — Правда, пока ещё мне ни разу не довелось испытать на себе такого счастья... Оже, сынка,

нападай! Авось, сегодня твой день?!

Яромир попытался ухватить старика за руку, но увлёкся и забыл про ноги, чем его опытный соперник и воспользовался. Рывок, движение тела вперед и вот ноги Яромира оказались выше головы, а сам Яромир — на земле. Старик хоть и был на вид уже в преклонном возрасте, но здоровья и мастерства в ратном деле ему было не занимать.

— Ну что, богатырь, бодрит земля-то? — старик с легкой улыбкой протянул руку Яромиру. — Рано тебе бахвалиться. Учиться ещё и учиться!

В стороне пригона громко заржал и застучал копытами по новым березовым пряслам конь Траян, будто бы смеясь над очередным поражением Яромира.

Яромир же бросил на него косой обиженный взгляд, принял помощь старика и поднялся с мокрой от росы травы.

Конь, явно расстроенный, что всё так быстро закончилось, фыркнул, зашлепал губами и отошёл в дальний угол загона, где, в отличие от обычных деревенских лошадей, завалился на подстилку из сена, специально подложенную для него стариком.

Странная лошадь, но, за прожитую со стариком жизнь, Яромиру довелось повидать вещи куда более чудные, чем лежащий конь.

Солнце едва показалось из-за горизонта, а небо уже залилось ярким красно-розовым заревом, предвещая собой особенно знойный день.

— Погоди, будет ещё время! — обиженно ответил Яромир старику, сбросив для него бадью в колодец. — И тогда, хоть раз да окажешься на земле и будешь сам всю бабскую работу выполнять...

— Ишь ты какой! А ты меньше уши развешивай на то, оже тебе эти олухи деревенские талдычат. Ты на нашем дворе баб когда-нибудь видал?! Вот и аз нет. — старик отодвинул Яромира от ворота и сам принялся крутить железную ручку, поднимая бадью. — И аки мы вдвоём живем, то и всю работу по хозяйству тоже сами делаем и для себя! Не заглядывайся на то, аки люд простой дела ведёт. У них свой уклад, у нас — свой. Жизнь может так извернуться, оже ты сам всякую работу делать уметь должен и не важно — бабская она или нет.

Старик вытащил бадью и выплеснул воду на Яромира, вздрогнувшего от неожиданности.

— Хороша водица? — улыбнулся старик и снова бросил бадью в колодец. — Вот и зверью так же было. Негоже слабых обижать. Они-то тебе ответить ничем не могут.

Яромир бросил взгляд на баню, где кот и пес вылизывали мокрую шерсть, злобно поглядывая в его сторону. После укора старика Яромиру стало неприятно, но поучительно.

— Э-эх! — старик перевернул очередную бадью уже на себя. — Ну-ка, сынка, подай мой рушник.

Яромиру далеко ходить не пришлось, так как он заранее всё подготовил и уже стоял рядом со стариком, держа сухое полотенце в руках.

— Какой другой дед сел бы себе на печи, — старик благодарно кивнул и стал медленно отирать тело от воды. — ноги свесил и понужал тебя, молодого! Аз же, покуда сила позволяет, хоть раз тебя в труде одного оставил?

Яромир не ответил и виновато потупил взгляд.

Ведь и правда, старик никогда не чурался работы: и дров сам нарубит, и в огороде, и во хлеву — всегда во всем Яромиру помогал, хотя деревенские старики лишний раз за мотыгу не возьмутся, покуда кто рядом помоложе есть. Так у деревенских заведено — старость

всегда в почете. Вот что им и остаётся: сидеть на лавочках, дымить трубочки, поучать молодых, да с тоской вспоминать оставленные за плечами зимы.

— То-то... Да и не по мне это — бока отлёживать, пылью и паутиной порастать. А так — всё по-честному. К землице припал? Вот и топай коровой заниматься, покуда до выкупа в деревню успеть хочешь.

Женили деревенского кожевника Ерёму на дочери кузнеца Аяра — Алесе. Старика с Яромиром тоже пригласили. Только старик наотрез отказался идти и Яромира до последнего отпускать не хотел. Но все-же, по ему одному известной причине, передумал и разрешил Яромиру отправиться одному.

— Отец, может всё-таки со мной пойдешь? Как никак нас братья нас обоих звали... — Яромир припал к земле и сделал несколько отжиманий. — Братья трепали, что на свадьбах забавы всякие бывают... песни там, пляски. Ох бы поглядеть, кто из вас в борьбе ловчее: ты или Рознег.

— Ещё бы с деревенским старшиной аз мастротой не мерился. — возмутился старик, потягиваясь из стороны в сторону. — Старшина хоть и знает толк в сече, но он же обиду страшную затаит. Прикажет и люди платить нам перестанут. Оже мы тогда с тобой делать будем? Запомни: с таким людом, аки Рознег, дружбу нужно крепкую держать и не гневить понапрасну.

— Эх... — расстроено выдохнул Яромир, встал и принялся делать наклоны к ногам. — Но я бы ничего не пожалел, хоть раз увидеть...

Яромир поймал на себе пристальный, холодный взгляд старика и тут же осёкся. Старик всегда так смотрел, исподлобья, когда Яромир делал или говорил то, что тому было не по нраву. Поэтому, во избежание выслушивания долгих нравоучений, а того хуже нахождения на свою голову незапланированной работы, лучше было просто замолчать и заняться уже имеющимися делами.

— До коли аз тебя еще вразумлять буду? Не по мне это — с деревенскими якшаться. Тем более перед кем-то там силой кичиться. — старик, не любивший разговоров о жизни за пределами их двора, ещё сильнее нахмурился и повысил голос. — Аз тебя отпустил?! Поклонись, доделывай обещанное и топай, а меня не трогай! Или ты дома остаться захотел? Так это аз тебе быстро устрою! Работы кругом ещё непочатый край!

— Отец, смилуйся, — Яромир встал напротив старика, сделав самый жалобный вид на какой только был способен. — Я и так из кожи вон лез... за три дня работы на две недели наперёд переделал. Можно же..., ну хоть раз?!

В стороне громко заржал Траян, словно поддерживая мольбы Яромира.

Старик молча окинул Яромира грозным взглядом, посмотрел на Траяна, закрыл глаза, сделал глубокий вдох, выдох, после чего продолжил, но уже нормальным, спокойным голосом:

— Так уж и быть! Ты славно потрудился и за остальным хозяйством аз сам пригляжу. Разрешаю вернуться на третий день. А мне и здесь любо — в тишине и спокойствии! Ты же — пошевеливайся! На Ярилин день солнце особо быстро поднимается... Но, сначала, не забудь за воду и корову.

Старик зашёл в сени и через мгновение вернулся в красивой рубахе с косым воротом, украшенным древним письмом. В руках он держал искусно отлитый железный гребень.

Рубах такого покроя Яромир никогда не видел на деревенских, а старик одевал её исключительно на Ярилин день.

И хотя Яромир был обучен общей грамоте и письму, но совершенно ничего не смыслил в письменах древних.

Старик лишь говорил, что это слог «старых», а кто такие эти старые — говорить наотрез отказался.

Старик подошёл к загону и отворил для Траяна калитку.

Конь поднялся, махнул гривой, вытряхивая из неё запутавшуюся в длинном волосе солому, и медленно вышел во двор.

— Ну, вот и ещё один круг пролетел... Ты помнишь, какой сегодня день? — старик с любовью потрепал коня за морду.

Траян тряхнул гривой и слабо заржал.

— И аз его не забыл. — вновь заметно помрачнел старик, запустив пальцы в золотые волосы Траяна. — Пойдем, златогривый, причешем тебя. Яромир!

Яромир, только что повешавший мокрые полотенца на прясла и собравшийся идти в сени за подойником, оглянулся на зов старика.

— Ярило скоро покажется... Мы с Траяном уединимся на холме. Будь добр, не тревожь нас.

Яромир понятливо кивнул.

Старик положил широкую ладонь на морду Траяна, сделал пару легких хлопков и медленным шагом отправился в сторону калитки.

Конь, в свою очередь, тяжелой поступью последовал за ним.

Из круга в круг, в один и тот же день красеня, когда солнце было самым большим и жарким, старик расчесывал Траяна на холме за домом и молча наблюдал за рассветом Ярилиного дня.

Так и случилось и в этот раз.

Теплые лучи летнего солнца пробивались через стволы и кроны деревьев и падали прямоком на мрачное лицо старика, а золотой волос Траяна так сверкал, что обжигало глаза. Старик медленно водил гребнем по конской гриве и не сводил взгляда с небесного светила, как и Траян. Издалека Яромиру казалось, что в глазах коня поблескивали слезы.

Старик лишь раз за шестнадцать зим обмолвился, что так они с Траяном оплакивают близкого для них человека и впредь запретил Яромиру спрашивать про это.

Яромир же, немного понаблюдав за ними, зашёл в избу, набрал в маленькое ведерко теплой воды, прихватил в сенях новехонький подойник, которым старик Веня рассчитался с ними за прогнанного овинника, и пошёл в пригон к корове.

В невысоком бревенчатом пригоне было темно. Света от маленького оконца, проделанного в одном из верхних бревен и затянутого бычьим пузырем, явно не хватало, а резкий запах навоза и сена так ярко бил в нос, что казалось будто сами стены за много зим пропитались им.

Яромир сделал шаг и под ногой всхлипнуло что-то очень мягкое и скользкое. Он взглянул вниз и грустно вздохнул. Ведь ещё с вчера всё здесь было вычищено дочи́ста, но за ночь Милка успела-таки оставить на пороге подарок в виде добротной коровьей лепешки.

Плохая примета.

— Только новые лапти достал. Эх! — недовольно пробурчал Яромир, трясая ногой и стряхивая с лыка коровий помёт. — Вот, Милка, ты мне удружила, так удружила!

В глубине пригона раздалось грозное мычание, за которым последовал гулкий цокот копыт по деревянному настилу. Из темноты на свет медленно вышла бурая корова, опасно

выставив длинные рога на Яромира. Всем своим видом она показывала, что была готова к атаке.

Яромир нахмурился, медленно опустил подойник и приготовился.

Он действовал первым.

Задержал дыхание, рванул вперед и, пока Милка сообразила, что к чему, он уже схватил её за рога.

— Му-у-у! — ехидно передразнил Яромир Милку, улыбнулся и легко помотал её головой в разные стороны. — Что ни скажи — страшная зверюга! Какие там лешие и боруты, когда тут есть целая ты!

Милка довольно замычала и облизала большим шершавым языком слишком близко подставленное лицо Яромира. Он поморщился, наспех отёр слюну предплечьем, взял висящую на входе лубяную веревку и привязал Милку к клетке за рога.

— Сегодня не вычешу. Некогда. — твёрдо заявил Яромир и игриво почесал корову за рогами.

Милка довольно мотнула головой.

Бурая корова Милка была любимым собеседником и отдушиной Яромира. Она всегда внимательно слушала, смотрела понимающим взглядом и никогда не перебивала, не спорила и не отвечала. Проще сказать, оставалась самой что ни на есть обыкновенной коровой, а не как этот чудной Траян, чванливо старающийся походить на человека. И за эти самые качества Яромир души в Милке не чаял.

Все мысли Яромира занимал только предстоящий поход в деревню. Тем более, это первые в его жизни гуляния, причём без бдительного надзора старика! И Яромир не хотел на них опоздать, поэтому так торопился, что забыл привязать Милкин хвост.

Яромир подставил низкую лавку, опустил подойник под вымя, омыл его, смазал жиром и уселся доить. Не прошло и мгновения, как об богатыря уже терся и мурчал наглый кот, в надежде на то, что ему перепадёт немного свежесвыдоенного молока.

— И каждый раз так...

Яромир по обыкновению начал разговор с Милкой полусшепотом. Он всегда с ней так говорил, чтоб ни старик, ни Траян ненароком не услышали, как он её жалуется.

— Понимаешь, надоело мне сидеть с ними в этом Темнолесье. Яромир — то, Яромир — сё. Благо хоть отпустил. Представь — ещё и одного! Да ещё и не на работу! Когда такое видано?!

Милка снова протяжно промычала.

— Вот и я диву даюсь!

Яромир погладил Милку по боку и почувствовал, как нетерпеливый кот, сходящий с ума от запаха молока, сильно боднул его головой в ногу.

— Попрошайка усатый! — усмехнулся Яромир и пустил несколько струек из вымени напрямиком в кота.

Кот прыгал вокруг, жадно ловя каждую каплю. Получив желанное, он сел поодаль, с явно довольным видом вылизывая мокрую от молока шерсть.

— «Малой ещё. Всему своё время»... Лишь бы только поучать. А коль чего не по нему, то сразу за посох хватается. — Яромир обиженно топнул ногой и едва успел увернуться от пролетающего возле уха хвоста. — Был бы родной отец, так ведь нет же... Сам всю свою жизнь по лесам попрятался и хочет, чтобы и я, так же как он. Ну уж нет! Мне уж как почти семнадцать зим, а я дальше Туманных топей и не хаживал. Может я мир поглядеть хочу?! Ну,

как, пойдешь со мной?

Милка повернулась и пристально посмотрела на Яромира туповатым взглядом.

— Значит, решено! Возьмем седло Трояна, запрежем тебя и пустимся галопом по лесам!

Вот потеха-то будет!

Яромир встряхнул руками, будто погоняя коня поводьями, сильно напугав при этом кота, который стрелой пронёсся между коровьих ног и скрылся в темноте пригона.

— И что это за "баб тут у нас нет"? Вот возьму и приведу девку, пускай хоть зашибёт. Как пить дать: пальчиком поманю, и любая моя за мной хвостиком увяжется! Будет нам каши варить и вот — тебя доить. Хотя, кого я обманываю... Что бы ни было, старик всегда оказывается прав. Но не может же быть всё только так, как он скажет?!

Яромир забылся и сильно дернул Милку за вымя, за что тут же получил жгучий удар хвостом по затылку. Богатырь почесал голову, тихо выругался и обратил взгляд на дальний угол пригона, из темноты которого на него торжествующе сверкали два желто-зелёных глаза кота. Ещё один урок...

Яромир отвязал Милку и, весело подгоняя, выгнал её на выпас.

Он взял ведро с молоком, закрыл за собой калитку пригона на задвижку, после чего отнёс молоко в избу.

Тем временем солнце уже поднялось над деревьями. Старик закончил с Траяном и отпустил его со двора. Радостный от полученной свободы, конь рысью скрылся в тени леса.

— Занеси ведро в дом, — наказал старик Яромиру. — Аз сам сегодня займусь надоем, а ты иди, закончи с водой.

Яромир зашёл в избу и поставил подойник на скамейку, стоящую справа от двери, после чего снова вернулся во двор. Он опростал дубовую бочку, стоявшую между баней и сараем, от застоявшейся в ней воды и принялся наполнять её чистой из колодца. Стоило сделать виток, как из-за верхнего колодезного бревна, побаиваясь, выглянул пёс.

— Почему так? Сорокаведерную бочку поднять могу, а старика побороть не хватает сноровки. Как бы мне такую же мастроту обрести? — говорил Яромир псу, выливая очередное ведро в бочку. — С водой ещё этой возиться. Запрягли бы Траяна, съездили к речке и делов. Хоть какой-то от него прок был... Тут верхом до Тихой рукой подать. Разом бы все ведра и бочки набрали, а то так таскай их по одному. Благо хоть колодец есть... Надо же было старику в этой проклятущей глуши поселиться.

Солнечный блик от воды попал прямоком в глаз Яромира. Он прищурился, смахнул пот со лба рукой и посмотрел на небо. Времени у него оставалось всё меньше и меньше. Яромир, чуть ли не бегом, наполнил бочку и заменил воду во всех поилках и мисках.

Наконец, управившись со всеми делами, Яромир снова освежил себя водой из колодца и отправился в избу собираться в дорогу, прихватив ведро с водой для ручной мойки.

Ещё с вечера он приготовил свою самую опрятную льняную рубаху с вышитыми красной нитью рукавами, подаренную пасечником за то, что юный богатырь спас его улыи, от медведя, повадившегося их разорять. Пасечник же ещё и бочку меда пообещал им со стариком к зиме приготовить.

Старик учил, что любой труд должен иметь свою цену.

Яромир поднялся на крыльцо, скинул замаранные лапти под дальнюю скамейку в сенях, и зашёл в избу, больно стукнувшись головой о низкую притолоку. Сильно уж торопился.

Он почесал зудящую от боли макушку и поставил ведро с водой на скамью, что стояла слева, возле большой русской печи застеленной бурой медвежьей шкурой, на которой так

любил спать старик.

Сам же хозяин дома сидел на лавке, в красном углу, где вместо идола стоял крепко сколоченный дубовый стол. По словам старика, он давно разочаровался в богах, поэтому и места им нет, ни в его доме, ни в сердце.

Старик завтракал пшеничным хлебом с молоком, внимательно всматриваясь в шкуру лесного черта — борута, висящую на стене напротив, прямоком над лежанкой Яромира. Чёрная шерсть игриво поблескивала в солнечных лучах, пробивающихся через срединное слюдяное окно с деревянной задвижкой.

Жесткий длинный волос так сильно щекотал Яромира по ночам, что он не выдерживал и несколько раз бросал эту шкуру на пол, за что каждый раз получал страшного нагоняя от старика. Да и признаться: Яромиру было как-то не по себе спать рядом с тем, что при жизни жестоко убивало людей.

Старик же в одну душу твердил, что эта шкура должна висеть именно здесь и нигде иначе. Что именно из-за неё никто за столько зим не нашёл двор старика. Говорил, что сильное колдовство в ней скрыто. В конце концов и спорить со стариком было бесполезно.

При виде Яромира старик окинул его тяжелым взглядом.

— Садись, позавтракай. Добрый хлеб аз вчера испёк.

— Значит, каши снова не будет? — проворчал Яромир, доставая из посудника, стоящего напротив устья печи, рядом с ларем, увесистую дубовую кружку, которую любой другой человек принял бы за небольшой бочонок.

— Ишь ты какой! Коль аз соблаговолил тебе пойти на гуляния и смилостивился, оже за хозяйством сам присмотрю, ещё не значит, оже теперича буду для тебя кашеварить. Аз тебя, детина, и так кормил, и поил, пока ты тряпки марал. Вот этими вот руками пеленал и с ложки потчевал. Так что не забывайся... И вообще, сам должен старику каши варить! Из уважения! — старик недовольно хлопнул ладонью по столу. — Мне-то и этим наесться хватит, а ты молодой. Тебе вдоволь нужно. Откуда силушке богатырской братьяся? Да и свадьба... А там девки! А где девки, там и хлопцы! А там и кулаки в ход!

Яромир улыбнулся старику и сел на против, налил себе полную кружку молока из глиняного кувшина и тут же залпом её осушил.

— Куда деревенским колупаям до меня, отец? — Яромир демонстративно напряг мясистые руки, закалённые постоянной тяжелой работой и тренировками. — Я их всех — одной левой!

Старик перебил его, снова громко хлопнув ладонью по столу, да так неожиданно, что Яромир вздрогнул.

— В бесконечный раз повторяю — никаких кулаков! Понял? — старик вновь грозно нахмурил брови. — Уметь драться это одно, а уйти победчиком без драки — другое. Тут своя мастрота нужна. И не забывай про старшину. Наш стол и сытая зимовка сильно от него зависят! А в ноги кому-то кланяться аз не стану. Аже за тебя... Лучше голодом просижу, чай не впервой! И тебе наука станется!

— Не гневайся, отец. — Яромир постарался успокоить старика, хотя внутри всё так и свербело ответить ему чем-нибудь таким-эдаким. — Я мигом. Туда и обратно.

— Да это разве ж аз гневаюсь? — слабо улыбнулся старик и отломил ломоть от краюхи хлеба. — Всё забываю, оже там за невеста-то такая, раз у этого колоброта — Ерёмы, терпежа до вересеня дожидаться никакого нет? Всё никак девку эту не припомню.

Яромир сполоснул кружку в рукомойнике, прибрал ее на место и подошел к вещевому

шкафу в дальнем углу избы, от которого на весь дом пахло лавандой, в избытке разложенной внутри него, чтобы моль не поела хранящиеся там зимние вещи.

— Видел ты её, отец. Дочь кузнеца Аяра — Алеся. Волосы черные — как смоль, глаза зеленые — точно изумруды. Да каждый в деревне спит и видит, как бы её первым уволочь. За такой девкой я и сам бы побегал, и всю деревню на уши поставил! Повезло Ерёме...

— Понесла... — старик закинул в рот ломоть хлеба. — вот Аяр и торопится скрыть позор...

— Полно тебе, отец, — Яромир снял с дверцы шкафа праздничную рубаху и натянул на себя. — Всё у них по любви и согласию.

— Ну, да, как же, по любви... — ухмыльнулся старик и отвернулся к окну. — Чую — беду навлекут. Помяни моё слово.

— Хоть раз бы чего доброго сказал. — пробурчал Яромир, потуже завязывая пояс на штанах.

— А мне не пристало душой кривить. Аки есть, таки и молвлю. — старик, снова изрядно помрачневший, отпил из кружки. — Никто с проста на Ярило свадьбу справлять не станет. Тем более деревенские. Липень месяц на дворе! Значит всё неспроста! Плохой это день для гуляний, а люд и не понимает...

— Чего же ты тогда каждый круг этому Ярилу кланяться выходишь? — излишне нагло перебил старика Яромир.

— С огнём балуешь! — старик бросил на Яромира устрашающий взгляд. — Посох-то в углу стоит, дожидается. Не забывай. И моё это дело: кого чтить, а кого — нет, а тебе разуму ещё набираться и набираться!

Как Яромир усвоил из уроков старика, большинство божественных имен было позабыто уже вскоре после кончины великого Славомира Сварожича, которого принято считать последним из известных богов. В честь него даже первый людской город в Сварге назвали — Слав-город, из которого, пришедшие сюда из Иного мира Русичи, и начали разбредаться по всему свету.

Нечисть же, брошенная здесь Чернобогом после Великой Ассы, не хотела делить территорию с людьми и всячески пыталась им помешать, разоряя селения и нападая на зачастую беззащитных полеводов.

Но русский дух оказался силён и под защитой потомков Славомира — прозванных богатырями и обладающих нечеловеческой силой, люди смогли отвоевать значительную часть земель, а кровавые сечи за право главенства над Сваргой идут и по сей день.

Сам же старик зачастую называл себя «последним стражем Этого мира», но вспоминал про это в самых редких случаях и без особой за то гордости, что совсем ничего не говорило Яромиру.

Мало ли чего старому взбрендит...

Яромир достал из своего рундука охотничьи сапоги из бычьей кожи с жесткой подошвой.

Эту очень дорогую и редкую обувь он нашёл в лесу на охотнике, которому не посчастливилось попасться одной из последних волчьих стай, оставшихся в этих краях.

Яромир обмотал стопы холщовой тканью и с трудом натянул сапоги.

— Гой еси, отец, — он отвесил старику низкий поклон. — за меня не волнуйся. Не пропаду.

Старик лишь проводил его настороженным взглядом.

Яромир вышел в сени, наполнил питьевой водой бурдюк из зайца, заткнул за сапог охотничий нож и вышел на улицу.

Когда Яромир уже дошёл до калитки, его окликнул старик:

— Обожди, сын!

Старик вышел из избы и, опираясь на любимый резной дубовый посох, пошёл по направлению к Яромиру, неся в руках небольшой сверток.

— Ты аки на гулянья, да с пустыми руками собрался? Негоже к молодым да без подарка.

Яромир, впавший в лёгкий ступор, в замешательстве почесал затылок.

— Это же первая моя свадьба! На других мне как-то не довелось побывать. — ответил Яромир с явным уколом в сторону подхода старика к воспитанию, за что тот больно стукнул его по плечу посохом.

— Не ерничай! Всему тебя, бестолкового, учить нужно. Передашь это жениху. — старик протянул Яромиру сверток. — Смолвишь, оже это в дар им, от нас обоих. Еже снимать не будет, то принесет им удачу и долгих, спокойных лет, а может и убережёт...

Яромир взял довольно увесистый подарок и привязал его к поясу.

— И аки договаривались: на третий, абы воротился. — продолжил старик, пригрозив Яромиру пальцем. — И Яромир, раз уж ты один идешь, будь добр... абы мне за тебя краснеть не пришлось.

— Будь покоен отец. Тише воды, ниже травы. — с улыбкой ответил Яромир.

— И про зерно не забудь, оже на обратном пути забрать у старшины надо, и про точило!

— Не забуду отец. Я мигом.

Яромир ещё раз низко поклонился, закрыл за собой калитку на ворот и побрел в Три дуба, через густую чащу Темнолесья.

— Гой еси, сын мой. — отпустил старик ему вслед, опираясь на толстые березовые прясла ограды. — Ныне и присно, и от круга до круга.

Их подворье находилось в самой глубине Темнолесья, вдали от любопытных взглядов, и до деревни было треть дня пути. Яромир поднял голову и обратил внимание что солнце уже было близко к зениту. Он не хотел опоздать к началу выкупа невесты и, чтобы успеть, ему нужно было поторопиться. Поэтому юный богатырь перешел на бег, а за ним принялся гнаться целый рой громко жужжащих комаров, поднятых им из высокой травы.

Только Яромир выбежал на цветочную поляну, как за спиной послышался топот копыт. Яромир остановился перевести дыхание, как подбежал Траян и встал рядом.

Конь посмотрел на успешного устать от жары Яромира и громко шлепая губами потряс головой. После чего толкнул богатыря в плечо и жестом показал на свою спину.

Предложил помощь.

Удивлению Яромира не было предела, так как ему всегда казалось, что Траян его, мягко сказать, недолюбливал. Но отказываться от помощи Яромир не стал и легким движением оседлал коня.

Траян громко заржал и пустился галопом в сторону Трёх дубов.

Глава 2: «Быть тебе сегодня дружином!»

Он притаился среди дубовой кроны, вцепившись крючковатыми острыми когтями в толстую ветку.

Отличное место, чтобы спрятаться от палящего солнца и оставаться при этом совершенно незримым для двуногих.

Не смотря на утомляющую жару, ветер приятно освежал, игриво гуляя по оперению.

В самый раз для охоты!

Да и от голода так скрутило желудок, что уже попросту не сиделось на месте.

Вчерашнего гада, с трудом вытащенного из мышинной норы на пшеничном поле, хватило только на вечер, а с утра так ничего путного и не попало.

Нужно срочно раздобыть еды. Ему нужны силы! Конечно же для неё...

Ох..., она — большой, красивый клюв, широкие серо-бурые крылья. Мечта, а не птичка!

Она ждала его и, хорошенько отобедав, он обязательно полетит к ней.

Запах рыбы, разносимый ветром над поселением двуногих, вновь заставил желудок болезненно съёжиться.

Всё, выждать больше нельзя...!

Зрачки сузились, и он стал внимательно следить за всем, что творится внизу, в поисках приличной добычи.

С этой высоты он видел всех. Его же — никто.

Двуногие сновали туда и сюда, громко кричали, стучали в кожу, натянутую на железо, и издавали разные звуки через полые палки.

Он не понаслышке знал, что такое железо.

Ещё птенцом двуногие пронзили им мать прямо на его глазах.

Он ненавидел двуногих...

Не только за то, что они жили в теплых деревянных норах, защищающих их от палящего солнца, дождя и снега.

Не только за то, что им доставалась самая лучшая еда, которой они делились со своими зверями.

Их он тоже ненавидел. Предатели звериного рода. Они бы отлично сгодились на обед...

Кстати, об обеде... Наконец-то нашлась подходящая добыча!

Мелкий зверь, охотник, с хвостом и усами, крался по деревянной ограде, в надежде схватить ничего не подозревающего голубя, жадно собирающего разбросанные по земле семена.

Глупые голуби... Их он тоже терпеть не мог, как не мог и позволить навредить собрату птице! Пускай даже помойной.

Взмах крыльями, стремительное пикирование вниз.

Мгновение и когти уже вцепились в шкурку зверька, оторвали от земли и понесли ввысь.

Как назло, помешали поганые, глазастые двуногие... Его заприметили!

Тут же снизу раздались встревоженные крики их самки, подхваченные многими другими, и в него полетели камни.

Один, что поострее, достиг цели, ударив под ребро.

От острой боли когти разжались сами собой, чудом спасённый зверёк полетел вниз, мягко приземлился на землю и стремглав скрылся в кустах.

Какая досадная, позорная неудача...!

Гнев и обида вырвались в протяжном крике. Он пронёсся над соломенными крышами и поспешил отлететь подальше от жилищ двуногих.

Вот, за что он их так люто ненавидел!

Верхние конечности, которые они называли — «руки», отростки, помогающие двуногим издали пускать камни и палки с железом в него и его сородичей, оставаясь при

этом вне досягаемости.

Для всех больших птиц считалось великой победой — убить двуногого.

Поэтому самые отважные из его рода и им подобные никогда не упускали возможности сразиться с этими лысыми, кожаными мешками в поле, где они уже не могли спрятаться в своих норах.

Самые подлые из тварей...

Никогда не дерутся честно, не пользуются тем, чем наградила их мать сыра-земля.

Будь иначе, тогда он бы вышел на бой с двуногим одним из первых.

Он частенько, с удовольствием представлял себе, как легко рвётся их мягкая тонкая кожа, под его когтями...

Никчемные, бесполезные создания, гнусные вредители, уродцы!

Скачут гольшом по полям, нацепив на себя шкуры и перья.

Омерзительные!

Не то, что он — красавец, мечта любой птички, всегда ухоженный, без единого грязного и старого перышка.

Голод снова напомнил о себе, сжав желудок, и о его неудаче, вызвав приступ злости.

Решено! Сегодня он — первый из змееловов, что придёт к ней убившим двуногого...!

От этой мысли восторг лёгкой судорогой пробежал по телу, и он громко, радостно закричал.

Опустился к воде, налету набрал в клюв воды и вновь взмыл в высь.

Внизу копошились полёвки, тут и там ползали сочные змеи, рыба плюхалась в реке.

Лови — ни хочу!

Только теперь все его мысли занимало совершенно другое...

Длинная река, лес вдоль неё, три больших развесистых дуба и множество земляных каналов, разделяющих покрытые сухой травой норы двуногих, сверху сильно походившие на гнезда.

Ветер снова приятно прошёлся по перьям, придавая уверенности, и он стал кружить над окрестностями, выслеживая добычу.

Сверху двуногие казались обыкновенными муравьями: они быстро сновали туда-сюда, перенося с места на место странные предметы, сваливали в кучу сухую траву и палки, обливали друг друга водой из деревянных посуды и сопровождая всё это таким шумом, что его начинало мутить.

Странные, непонятные создания... Зачем их вообще создала природа?!

Острый взор уловил добычу!

Детёныш двуногого, совершенно один, ползал возле одной из нор.

Конечно, не взрослый, но какая разница? Двуногий есть двуногий...!

Даже за такого самки сами будут распушать перед ним хвосты.

В предвкушении отведать человечинки, змеелов издал радостный крик и вновь спикировал вниз.

Сердце колотилось от волнения. Это его шанс!

Земля стремительно приближалась, а вместе с ней и долгожданный обед.

Он широко растопырил острые когти и приготовился к атаке.

Всего-то добраться до нежной, жирненькой шеи...

Он уже слышал, как кровь пульсирует по венам жертвы. Молодая, вкусная горячая кровь.

Последний взмах крыльями, и он прижал добычу к земле.

И всё опять пошло не по плану...

Двуногий дергался, вопил от страха и размахивал руками, не давая подобраться к артерии.

Проклятые руки!

Он хотел унести добычу, пока не подросла подмога, но мелкие пальцы мёртвой хваткой вцепились в крылья.

Откуда у какого-то сопливого детёныша столько сил?!

Слишком много возни и шума. Он опять облажался...

Со стороны норы слышались крики старших двуногих и перья вздыбились от устрашающего собачьего лая.

Какой позор! Ни одна птица не должна прознать о его неудаче!

Сейчас же нужно было спастись бегством.

Огромный волкодав, угрожающе клацая зубами, стремглав несся прямо на него.

Запах молодой крови сводил с ума, но змеелов смог пересилить себя и разжать когти.

Оттолкнулся от земли, жгучая боль пронзила крыло.

Пёс всё же настиг его, вцепился зубами и поволок по земле.

От страха и боли змеелов закричал! Он не мог так закончить!

Один из старших двуногих поднял орущего детеныша и унес в нору. Второй заскочил в другую нору, поменьше.

Змеелов мигом смекнул зачем... Теперь у него остался только один шанс и без боя он сдаваться не собирался!

Рывок когтями по морде заставил пса разжать пасть и с визгом отскочить в сторону. Кровь ручьем полилась из выцарапанной глазницы пса, вызвав у змеелова мимолетную радость и вселяя надежду на спасение.

Крыло ломило от боли, но он ещё мог им шевелить. Он хотел жить!

Взмах, ещё один и ему удалось взлететь. Неуклюже, но взлететь!

Он поднимался всё выше и выше. Крыло горело огнём. Перья слиплись от крови, не позволяя набрать скорость, от чего он, то и дело, терял высоту.

Во что бы то ни стало он должен скрыться, залечить раны!

Она ни за что на свете не должна узнать о его позоре...

Неожиданно что-то со свистом пронеслось мимо головы.

От ужаса сердце замерло, и змеелов истерично замахал крыльями, в надежде улизнуть от преследователей.

Как он и думал, мерзкие двуногие схватились за палки с железом...

Он ловко увернулся от одной, поднырнул под другую, но крыло всё же подвело...

Почувствовался холод железного наконечника, резкая боль под ребром и ужасающее осознание того, что больше он её никогда не увидит...

Полный обиды и разочарования крик вырвался из груди. В глазах потемнело.

Судорожный взмах крыльями, стремительная потеря высоты, быстро приближающаяся земля, но он этого уже не видел.

Только Яромир и Траян выехали из Темнолесья, как над головой засвистели стрелы и

раздался пронзительный крик змеелова. Мгновение и его бездыханное тело, пронзённое одной из стрел, рухнуло поодаль, в заросли крапивы, куда следом нырнул и огромный, окровавленный волкодав.

— Дела, конечно... — Яромир удивлённо почесал затылок. — Добром встречают!

Траян остановился на холме и недовольно фыркнул, не оценив сарказм Яромира.

Да и какая разница, что там не поделили змеелов и волкодав, когда уже отсюда Яромир слышал доносившиеся со стороны Трёх дубов звуки балалаек, бубнов и свирелей.

Ярилин день гуляли во всю!

Траян дернулся, показывая Яромиру, что дальше он не поедет.

— Благодарю тебя, добрый друже! — Яромир аккуратно спрыгнул на землю и низко поклонился Траяну.

Конь мордой подтолкнул Яромира в сторону деревни и поспешил скрыться в тени деревьев.

Яромир, наверное, никогда не перестанет удивляться необычным повадкам Траяна. Зачастую он казался даже более человеческим, чем сами люди.

Звуки музыки снова привлекли внимание Яромира, и он быстрым шагом отправился в их сторону.

Только Яромир прошёл несколько первых дворов, как перед ним проскакал ряженный, в соломенной шапке и красной рубахе, увешанной медными колокольчиками.

Ряженный прыгал с ноги на ногу и весело играл на маленькой дудочке, а следом по всей улице растянулась смеющаяся и скачущая вокруг него детвора.

Дети рекой пронесли мимо Яромира, чуть не сбив его с ног, а один мальчонка, зим семи от роду, так нёсся, что воткнулся в богатыря лбом и плюхнулся на зад.

Мальчишка быстро пошаркал по лбу маленькой ручкой и поднял взгляд на богатыря, громко смеющегося и протягивающему ему руку. При виде Яромира глаза мальчика округлились, и он расплылся в широкой улыбке, которой не доставало нескольких выпавших молочных зубов, после чего вскочил на ноги и бросился в объятия.

— Дядюшка Яломил! Ты плифол! Вот тятка-то с Елёмой обладуются! — радостно воскликнул шепелявый мальчик, оказавшийся сыном Ермолы, брата-близнеца жениха, и стал прыгать вокруг Яромира.

— Пришел, пришел, Матвей. — Яромир пожурил мальчика по растрепанным русым волосам. — Батька твой где?

— У Елмолы они, с маменькой! — ответил Матвей и махнул рукой в сторону, где музыка и песни были слышны громче всего. — Хосес пловосу?!

— Полно Матвей, дорогу знаю, — улыбнулся мальчику Яромир. — А ты ступай к другим, гляди как далеко удрали!

Матвей огляделся и, поняв, что все его друзья действительно ушли далеко за ряженным, кивнул Яромиру и что есть мочи побежал за ними вслед, на ходу поправляя спадающие штаны.

Яромир еще некоторое время стоял посреди улицы и смотрел на радующихся, беззаботных детей. Ему вспомнилось свое детство, в котором кроме старика, домашнего скота, изнурительных тренировок и скучной учебы у него никого не было, от чего на душе стало очень грустно и тоскливо.

Он почесал пальцами шею, зудевшую от комариных укусов, отер мокрый от пота лоб, осушил бурдюк, тяжело вздохнул и отправился дальше.

На небе не было ни облачка и стояла невероятной зной. Как-никак самый жаркий день в круге. Благо хоть немного спасал прохладный северный ветерок.

От жары Три дуба стали пахнуть навозом и заплесневелым силосом сильнее обычного. Но даже Яромир, привыкший к этим обыкновенным деревенским запахам, временами морщился и задерживал дыхание, стараясь побыстрее пройти мимо самых зловонных дворов.

Яромир издали приметил толпу людей, собравшуюся возле Ермолиной конюшни, и остановился. Сердце застучало, зачесались мочки ушей, а в горле еще сильнее пересохло. Такое количество человек в одном месте Яромир видел впервые. Он закрыл глаза, крепко сжал кулаки и сделал несколько глубоких вдохов и выдохов, как учил старик. Дрожь в руках и коленях утихла и Яромир пошел дальше.

Люди, заметив богатыря, встретили его появление одобрительными возгласами, но больше всех радовались приходу Яромира его друзья — жених Ерема и его брат-близнец — Ермола.

Братья были из тех немногих ремесленников, кто остался жить на селе, а не ушел искать по соседним городам лучшей жизни и не подался к князьям на службу ратную за сущие гроши, как их батя. Только тот так и не вернулся, оставив жену с двумя сыновьями и хозяйством на шее.

— Гой еси, добрый друже! Страшно представить, что ты такого должен был сделать, чтобы старик тебя к нам отпустил? А сам то он где?!

Ерема вышел к Яромиру и крепко его обнял.

— Дома остал...

Не успел Яромир закончить фразу, как Ермола неожиданно хлопнул его по плечу.

— Это ты вовремя! — подхватил улыбающийся Ермола. — Чего такой натужный? Не парь шкуру! Гляди, сколь девок! Одна другой краше!

Ермола обвел рукой собравшуюся толпу, но быстро осёкся, поймав на себе пристальный взгляд Офелы — его жены, прекрасно всё слышавшей.

Ермола постарался сделать самый невинный вид, какой мог, но жена уже манила его пальцем.

— Щас будут ему и девки, и мавки! — Ерема улыбнулся брату и подтолкнул плечом Яромира.

Ермола лишь бросил злой взгляд и, склонив голову, пошел к Офеле.

— А сколько девок будет у Алеси — голова кругом пойдет! — продолжил за братом Ерема. — Ну, раз все здесь... А, что ты говорил про старика?

— Дома... Сам знаешь, как он людей любит. — ответил Яромир.

— Еще как... — Ерема задумчиво почесал затылок. — Тогда можем начинать! А ну поезд — становись!

Ерема вставил два пальца в рот и громко протяжно свистнул, подавая сигнал людям занимать места в свадебном поезде.

— Хоть воды дайте с дороги, — попросил Ерему Яромир, перевернув бурдюк, из которого не вылилось ни капли. — Пекло такое, что во рту пустыня — всё сухо!

— Это поправим! — крикнул Яромиру вернувшийся Ермола и выплеснул на него ведро прохладной воды.

Яромир от неожиданности лишь развел руками. Вода приятно освежила тело. Стало легче.

— Как никак Ярилин день! А это — горло смочить! — улыбающийся Ерема протянул

Яромиру расписную ольховую кружку.

Яромир отер рукавом лицо, принял кружку, сделал глоток и тут же прыснул содержимым на землю, чуть не забрызгав рассмеявшихся над ним братьев, которые успели вовремя отскочить в сторону.

— Что за дрянь?! — спросил Яромир, сморщив нос и отирая ладонью рот, наполнившийся кислым вкусом браги и меда.

— Так это ж медовуха, — ответил ему Ермола. — Али не признал?

— А чего кислая такая?

— Чай не грудень на дворе. — подхватил Яромиру Ерема. — Забродила на солнце, но так даже пуще в голову даёт.

— Ты хлебай давай! — Ермола подтолкнул руку Яромира. — Это она сначала кислая, а во вкус войдешь, за уши от бочки тебя не оттащим!

Яромир недоверчиво посмотрел на братьев.

Медовуха была отвратной, но пить хотелось сильнее.

— Была — не была!

Яромир задержал дыхание, до дна осушил кружку и закашлялся. Он чувствовал, что медовуха вот-вот готова была выйти обратно, но он сумел удержать все внутри.

— Вот и славно! — Ермола похлопал Яромира по спине. — Давай еще одну?! Закрепим!

Яромир лишь помахал рукой в знак отказа. Второй раз пить на столько прокисшую медовуху ему совсем не хотелось. Яромир продышался и искал жениха взглядом. Ерема уже стоял в стороне и наказывал мужикам, окружавших бочку с медовухой, что она просто обязана дожить до конца выкупа.

— Ерема, тут это...

Дарить подарки Яромиру тоже доводилось впервые.

— Возьми это... от старика... от нас... Это... Желаем вам удачи и долгих, спокойных лет. — быстро протараторил Яромир, подошел к Ереме и протянул сверток с подарком старика.

— Не ожидал... — ответил немного оторопевший Ерёма, принимая подарок Яромира, на лице которого читалось неприкрытое волнение.

Жених развернул сверток. В белом полотенце оказался завернутым золотой браслет, выгравированный старым письмом, такими же, как на рубахе и посохе старика.

— Удивили, так удивили! С великой радостью приму! Передай отцу, что бью челом в благодарность! — Ерема недолго полюбовался браслетом и надел его на руку.

Только сейчас волнение пропало и Яромир смог расслабиться и присоединиться ко всеобщему веселью. Радовать людей оказалось для Яромира очень приятным занятием.

— Трогаем! — крикнул Ерема, надел на голову норковую шапку и дал знак брату.

— А ну, скоморохи, пускай пляс!

Ермола глубоко вдохнул, вложил два пальца в рот и сделал сильный выдох. Раздался громкий протяжный свист и заиграла музыка.

Деревенские, под громкие звуки гуслей, свирелей и бубнов, заканчивали занимать места в свадебном поезде.

Народ закружил вокруг Яромира, и он потерял братьев из виду. Яромир стоял посреди движущихся людей и понимал, что совсем не знает, что ему делать. Хотелось поддаться веселью и пуститься в пляс с манящими его девками, но старик строго наказал с ними не связываться.

Может присоединиться к мужикам, что окружили бочку медовухи и только что и успевали, как передавать друг другу полные кружки? Но тут же вспомнился как медовуха кислит, и эта идея отпала сама собой. Нет уж! К такому Яромир тоже готов не был.

Но Яромиру повезло: Офела разглядела его в толпе, крутящего во все стороны головой и, подойдя к нему, игриво подтолкнула широкими бедрами.

— Потерялся, богатырь?! — спросила Яромира улыбающаяся Офела. — Не страшись! Покажу что делать.

— Я, да боюсь?! — ответил ей Яромир, пытаясь скрыть вновь накотившее волнение. — Надивиться всё не могу! Кругом столько всего...

— Так это ж ещё начало! — улыбнулась Офела в ответ и, взяв Яромира под локоть, повела его в сторону конюшен.

Молодые девушки, стоящие вдоль ограды, увидев невысокую Офелу, идущую под руку со статным Яромиром, собрались в кучку и стали перешептываться и посмеиваться.

Офела это заметила и просто так пройти мимо просто не могла.

Когда они с Яромиром поравнялись с девушками, то она отпустила богатыря и встала напротив них.

Офела резво махнула черной косой, повела бровью, выпрямила спину, расправила плечи, подняла подбородок, подбоченилась и так посмотрела на шушукующихся молодых, что Яромиру показалось, что если бы она могла, то превратила их в золу прямо на этом же месте.

Офела была известна на всю округу своим буйным нравом и каждый в Трех дубах знал — под горячую руку ей лучше не попадаться...

Смех прекратился и девушки, опустив глаза в землю, быстро разошлись по разным сторонам.

Офела проводила глазами последнюю из них, повернулась к удивленному Яромиру и улыбнулась, слегка прикусив пухлую нижнюю губу.

— Вяжихвостики! — выпалила она, взяв богатыря под руку. — Думают ничего не вижу и не знаю... растетёхой за спиной зовут. Тьфу! Доски сопливые! Завидуют!

Офела задорно рассмеялась и поправила руками выдающихся размеров грудь, после чего они продолжили путь к конюшне.

— А ещё... — начала Офела, перебирая свободной рукой длинную черную косу. — Быть тебе сегодня дружином!

— А?!

— Значит — помощник ты Ерёмин. На выкупе жениху пособишь.

— Так я же ничего не знаю!

— А и не надо. — Офела хитро подмигнула Яромиру. — Силушка твоя нужна будет, богатырская! Вот, гляди!

Яромир и Офела подошли к березовым чуркам, на которых покоился пеньковый мешок с множеством заплаток. Возле мешка стоял Ерёма и обвязывал горловину конопляной веревкой.

— Дары для невесты. — уточнила Офела.

— На выкупе — под твоим смотром. — серьёзным тоном сказал Ерёма Яромиру и хлопнул ладонью по мешку, внутри которого лязгнул металл. — Силенок тебе раз-два на него, да и вдруг кто на золотишко глаз положит. К тебе точно не полезут.

— Отец невесты, Аяр, — подхватила Офела. — больно игры и шутки любит, тем более

что Ярилин день на дворе — его любимый праздник. Как пить дать будет нашего Ерёму по Иному миру водить и испытания разные давать, чтоб злата с него на выкуп побольше стясти.

— Вот и собрали целый мешок. То тут, то там. Всего помаленьку. — Ермола положил руку на плечо Яромира, плохо понимающего, чего именно от него хотят. — Занесёшь на двор, поставишь и всё дело.

Яромир почесал затылок и понятиливо кивнул. Вроде бы ничего хитрого: принеси, унеси.

— Славно! Оставляю эту ношу на тебя! Офела, покажи богатырю воз. Ох, что будет! — усмехнулся Ерёма и, по-дружески, поцеловав Яромира в щеку, забежал в конюшню.

Яромир подошел к мешку и перекинул его через плечо. Снова зазвенел металл. Офела же указала на один из пустых возов, куда Яромир понес свою ношу.

Только Яромир опустил мешок на широкий воз, как со стороны конюшни послышалось громкое ржание, привлекающее внимание всех, кто находился на улице.

Массивная дверь резко отворилась и из конюшни вылетел Ерёма на вороном коне. Длинный черный, как смоль, волос скакуна развивался на ветру ярко и блестел на солнце, привлекая к себе изумленные взгляды людей вокруг.

— Вот бы его Траяну показать! Ух, посмотрел бы я на его морду! — подумал Яромир и расплылся в улыбке.

Людам на потеху, уверенно держащийся в седле жених пронесся через расступившуюся перед ним толпу, одной рукой управляясь со скакуном, а второй придерживая на голове шапку. Ерёма натянул поводья, резко остановив коня, от чего тот поднялся на дыбы и громко заржал. Деревенские восторженно смотрели на прекрасного скакуна, всего сверкающего в солнечных лучах. Яромир, как и остальные, стоял, открыв рот от удивления.

— Ну же, друзья мои! — прокричал Ерёма и махнул рукой. — В путь! За Алесей!

Свадебный поезд тронулся.

Офела запрыгнула на зад воза и дала Яромиру знак садиться рядом с ней, чему богатырь и последовал.

Впереди поезда, важно выхаживая верхом на черном коне, шёл жених. За ним на возе ехали Офела и Яромир, приглядывающие за подарками для стороны невесты. Следом шли телеги с большими бочками медовухи, на одной из которых сидел низенький мужичонка, исполнявший роль разливного, подавая идущим рядом мужикам наполненные до краев кружки. После шли все остальные.

Яромир глядел на заливал и ему вновь захотелось пить, да так сильно, что он не отказался бы даже от кислой медовухи, но раз поручено было следить за подарками, значит будет следить на совесть. Благо солнце уже пошло на спад.

Яромира все это действие завораживало. Столь счастливого, беззаботного, танцующего и радующегося люда он не видел за всю жизнь.

Свадебный поезд даже пах по-другому. Смрад деревенского быта перебил приятный запах тлеющих веточек черной смородины и полыни, которыми молодые девушки размахивали в танце. Хмельной аромат льющейся рекой медовухи сильно кружил голову.

К тому моменту солнце так припекло Яромира, что даже та, первая выпитая им кружка, стала давать о себе знать.

Яромир только сейчас вспомнил про Ермолу, но сколько бы не вертелся по сторонам, разглядеть его нигде не мог.

— Офела, — обратился он к девушке, продолжавшей теревить пальцами голубую

ленточку в косе. — а с Ермолой чего?

— А-а... не волнуйся. — спокойно ответила Офела, легко подтолкнув плечом. — Скоро всё увидишь!

Глава 3: «Эх, была не была!»

По прибытии свадебного поезда жениха к дому невесты перед запертой калиткой их уже ждали многочисленные родственники Алеси. Дружина Еремы же выстроилась на против.

— Ну что сынки, златом али делом будете невесту выкупать?

Из толпы, широко улыбаясь наполовину беззубым ртом, вышел отец невесты — Аяр и хлопнул в большие ладоши, вид и размер которых явно говорил о роде его занятий.

— Злые духи держат нашу невесту, доченьку мою светлую в царстве темном и самой-то ей никак оттуда не сбежать! Ну, добрый молодец, возьмешься ли ты вызволить ее из лап чудищ страшных? Откупишься ли ты златом от лиха черного?

— Дружина моя — добра! Дух мой — силен! Конь — мой ретив! Готов хоть к черту на рога за моей Алесей податься! — Ерема спрыгнул с коня и взяв его под уздцы пошел на встречу Аяру. — Коня вороного, жеребца дикого в поле загнал, в дар для тебя, дорогой отец! Подавай же свои испытания, все что хочешь ради души моей, Алеси, сделаю!

— Добрый скакун, добрый! С радостью приму такой дар!

Аяр жестом указал

— Гляжу, прыти тебе не занимать! — Аяр снова громко хлопнул в ладоши. — Доченьку мою любимую, девицу мою красную, чудища-страшилища в тридевято царство увели! Много силы нечистой ее стерегут! Много испытаний они для тебя приготовили, храбрый молодец! Стоит Горыня за Калиновым мостом через реку Смородину. Собрал он войско черное на том мосту и нет через него никому ходу. Есть у них одна только слабость: до злата они больно охочие!

— Есть у меня отец и злато, и серебро, да столько, что сам Дый Златолюб позавидует. И не один сегодня я в Тот мир отправлюсь, а возьму с собой дружина доброго!

Ерема повернулся лицом к своей стороне и указал рукой на Яромира. Яромир уже совсем не понимавший, что происходит, но с детским любопытством наблюдающий за происходящим вокруг, ловил каждое слово и действие.

Но широкая улыбка резко сошла с его лица, когда Офела, под радостные крики толпы, вытолкнула Яромира вперед.

Сердце застучало, глаза округлились и снова стали дрожать руки. Все смотрели на него. Он был не готов к такому вниманию и хотелось сей миг провалиться под землю.

Ерема подошел к оторопевшему богатырю и положил руку на его плечо.

— Вот так дружин! Всем дружинам дружин! — воскликнул Аяр, поправляя обод, держащий его седые волосы. — Ну, чем откупишься от войска темного? Чем проход в Тот мир оплатишь?

— Ну, вперед. — негромко сказал Ерема и, положив ладонь на спину Яромира, направил его в сторону воза.

Яромир снова перекинул мешок через плечо. Острый угол какого-то предмета внутри больно надавил под лопаткой, но Яромир не обратил на это внимания. Он поспешил и встал перед старым кузнецом, который, подбоченившись, стоял посреди дороги.

— Ну, дружин, какие богатства мешок твой таит? — спросил Яромира Аяр, обходя

вокруг него и прощупывая мешок пальцами.

Тут уже вмещался Ерема.

— А такие, что ты видывать не видывал и слыхивать не слыхивал. — встал он рядом с Аяром. — Отец, смилуйся над парнем, больно ноша его тяжела, пусть занесет на двор.

— Таким дарам препятствовать не пристало! — Аяр повернулся к своей дружине и вновь громко хлопнул в ладоши. — А ну, нечисть расступись, пропусти гонца за Калинов мост!

Сторона невесты разошлась, дав Яромиру возможность беспрепятственно пройти к калитке. Под громкие крики и звуки музыки Яромир поставил мешок на двор и, вернувшись к жениху, встал подле него.

— Довольным оказалось войско черное! Может и жених через Калинов мост пройти! — Аяр смотрел на Ерему хитрым прищуром.

Но только стоило Ереме сделать пару шагов, как кузнец снова хлопнул в ладоши.

— Но не может великан Горыня, просто так люд и с Той стороны пустить. — Аяр расплылся в улыбке недостающей пары-тройки зубов. — Любо ему силушкой с молодцами добрыми помериться! Горыня! Го-ры-ня!

Аяр принялся кричать и размахивать руками, что следом подхватили и все остальные.

Двери кузни тяжело отворились, железные петли громко заскрипели и изнутри показался дородный детина, которому пришлось сильно наклониться, чтоб не снести головой дверную перемычку.

Огромных размеров лысый мужик, прозванный деревенскими — Горыней, был на голову выше и на целый аршин шире Яромира. Он шел тяжелой поступью навстречу жениху, держа в руках небольшой дубовый бочонок с приколоченной к нему сбоку ручкой, служившей великану кружкой. Горыня залпом осушил его, бросил на землю, туда же бросил с трудом стянутую с себя рубаху и захрустел пальцами, больше похожими на толстые ветки.

— Вот, собственно, еще одна причина, по которой ты был нам так нужен. — прошептал Ерема на ухо Яромиру, удивленными глазами смотрящего на движущуюся в их сторону гору.

Но страха в Яромире исполинских размеров Горыня не вызвал, а даже наоборот — раззадорил. Волнение пропало, руки перестали трястись и в груди приятно потеплело. Яромира захватил азарт грядущей схватки.

Яромир молча снял рубаху, не глядя передал её Ереме, и бодро вышел на встречу Горыне.

Ерёма обратил внимание на мускулистое тело Яромира. Каких-то шестнадцать зим от роду, а уже сплошь покрыто шрамами.

Когда Яромир и Горыня оказались в сажени друг от друга, между ними встал Аяр.

— Только смотрите — без мордобоя! — погрозил он им пальцем. — Сами знаете какие порядки у старшины с кулачниками! И не посмотрит, что гулянья! Выпорет наперво, да под замок!

Горыня посмотрел на кузнеца исподлобья и кивнул.

Яромир сделал тоже самое. С самых малых лет старик обучал Яромира всевозможным видам ратного мастерства. Теперь настало время показать и другим, на что он способен.

Яромир выровнял дыхание, сердце стало биться ровно. Он полностью сосредоточился на своем сопернике и был готов. Это была его стихия. Сейчас он чувствовал себя зверем — волком, охотившемся на зайца. Очень большого зайца.

Толпа загудела в ожидании зрелища. Борцы взялись за руки.

Горыня действовал первым.

Схватить в охапку, придавить весом, да выбросить куда по дальше. Что там, против него, самого могучего в округе, какой-то сопляк.

Но Яромир только того и ждал.

Одним движением, как змея, потянул Горыню к земле, одернул руку и обхватил его за шею. Припал на колени, свободной рукой поймал ногу великана и встал.

Люди стали кричать, свистеть и хлопать в ладоши пуще прежнего.

Яромир же, пройдя перед толпой с дергающимся на плечах Горыней несколько шагов, кувыркнулся на бок.

Горыня гулко ударился спиной о землю, подняв в воздух облако пыли. Яромир же перекатился по великану и бодро встал на ноги перед Аяром, стоящим с открытым от удивления ртом.

На мгновение двор охватила тишина и тут же разразилась овациями и возгласами толпы, явно довольной таким исходом.

— Вот так дружин! Где бы видано, чтоб Горыню, да еще и вот так! — Аяр сильно хлопнул Яромира по плечу. — А ну! Тише, тише! Не закончили еще!

Аяр махнул рукой, показывая развеселившемуся народу немного успокоиться. Но только кузнец захотел обратиться к жениху, как Ерема перебил его:

— Да вот что ещё, отец! Пока ты новое испытание не загадал — скажу и я! Колдунством я владею тайным. Знаю тропинки ногой смертного нехоженые! Могу в один миг и на Том свете, и на Этом хаживать! Гляди!

Ерема сдернул с головы черную норковую шапку и, сильно замахнувшись, зашвырнул её на двор Аяра. Тут-то Яромир и заметил, что на руке у Еремы не было подарка старика, а шапка все это время закрывала красовавшийся во весь лоб шрам от подковы.

— Быть того не может! Ермолка! Ах вы, черти веревочные! — воскликнул Аяр и махнул руками, гулко шлепнув себя по ногам.

Яромир развернулся и увидел, как из мешка вылезает настоящий Ерема. Гости развеселились еще сильнее и казалось, что эту свадьбу было слышно до самого Троицкого посада.

— Ну что, отец, — рассмеялся Ерема, направляясь на встречу Аяру. — перехитрили мы и тебя и дружину твою?! Справились мы с твоими испытаниями?!

— Ах вы... Охальники! Облуди! — вне себя от гнева продолжал ругаться покрасневший от злости Аяр. — И так все не так, так еще думал от выкупа отделаться?! Аль ты скаредный?! Не нужен мне такой скупой, еще и зять! Не быть моей Алесе тебе женою!

— Не горячись, дорогой тестюшка! Уклада не нарушаем...почти! — широко улыбнулся в ответ Ерема — Запускай дружину мою на двор! Давай задания свои, на все готов! Но знай что сказка сказывается и дела делаются по-моему...

Последнюю фразу Ерема сказал так, чтобы слышал только Аяр, но Яромир уловил каждое слово.

— Проныра шалопутный! — Аяр, покрасневший от дерзости Еремы, погрозил ему кулаком. — Как будто и так позора мало, непутевый! погоди, вернется Феол... Ну что ж, отворяй ворота, запускай гостей!

Скоморохи бы позавидовали тому, как быстро Аяр сумел изменить выражение лица и вновь показать гостям праздничный, задорный настрой. Ермола последовал его примеру, но Яромир ещё долго продолжал чувствовать между ними сильнейшую неприязнь.

Под громкую музыку и весёлый смех дружина жениха зашла во двор.

— Тебя из чего лепили? Признавайся! — Офела подошла к улыбающемуся ей Яромиру и подала рубаху. — Горыню одолел! Где ж такое видано?!

— Это вы, конечно, затейно придумали! — ответил еще немного обескураженный Яромир, поглядывая на веселящихся в толпе Ерему и Ермолу. — Я и думать не мог, что Ерему, да в мешок...

Тут глаза Офелы округлились, и она отступила на пару шагов.

На землю перед Яромиром упала высокая тень и тяжелая рука опустилась на плечо.

Яромир повернулся и увидел перед собой нахмурившего брови Горыню. Яромир весь напрягся и приготовился к нападению, как Горыня протянул ему бочонок-кружку, от которой исходил яркий кислый запах медовухи, и пробасил:

— На! Пей! Уважаю!

Яромир понял, что сейчас отказаться — страшно обидеть Горыню, что могло неприятно закончиться.

— До дна! — грозным тоном уточнил Горыня.

Яромир сглотнул и поднёс бочку к губам. Он любил вместительные тары для питья, но эта была уж слишком большой и уже на половине бочонка медовуха полилась по лицу, что сильно развеселило Горыню. Только Яромир с трудом влил в себя остатки медовухи, как великан со смехом хлопнул его по плечу, да так, что Яромир с трудом устоял на ногах.

— Борешься как большой, а пьешь как мелкий! Учить тебя буду!

Горыня взял из рук Яромира бочонок и направился в сторону заливал не отлипающих от бочки с медовухой.

— Умеешь ты друзей заводить! — едва сдерживая смех, Офела взяла Яромира за рукав и потащила на двор. — Спрячемся в толпе, покуда не вернулся, а то еще пара таких кружек и всё... забудешь, как звали. Лучше Ермола за тобой присмотрит! А эта дылда сейчас сам так накушается, что еще три дня от него ни слуху, ни духу не будет.

Так и случилось. Яромир краем глаза увидел, как Горыня опрокинул в себя еще пару бочонков и где стоял, там и упал, а четверо мужиков, что стояли рядом, подхватили его под ноги и уволокли в сарай. После чего Яромир облегченно выдохнул.

Дальше было много веселья, прибауток, песен и игр, в каждую из которых братья старались затянуть и Яромира.

Закончив забавляться с испытаниями, Аяр дал детям своё отцовское наставление, после чего Ерема усадил невесту на телегу и вся свадьба, во главе с молодыми, двинулась на капище.

К тому времени жара, стоявшая на улице, сделала свое дело и большинство заливал уже изрядно захмелели. В том числе и Яромир.

— А вот старик всегда называл деревенское пойло — компотом, — говорил Яромир Ермоле, смотря как тот наполняет ему очередную кружку, — а еще говорил, что, мол, ничего вы, деревенские, не знаете о настоящей крепкой медовухе и запах у неё какой-то... мерзкий.

— Так ты нос зажми и заливай, коль не по нутру! — ответил ему Ермола, отдавая полную до краев кружку. — Главное душу пробирает и ладно!

— А едем мы...?

— К волхам, на капище, среди трёх дубов, в Трёх дубах! Хе-х! Свято место!

— А там...?

— А там голова мудрая вина молодым нальет, ленточку атласную на руки повяжет,

веночки на головы и всё — муж и жена!

— Угу...А после?

— А после пить будем, покуда с ног не повалимся!

Ермола стукнул свою кружку о кружку Яромира и залпом осушил.

Так и до капища доехали, где все случилось так, как и говорил Ермола.

Ведуны послали на этот обряд младшего волхва. Никто из старших не желал представлять богам этих молодых, но и с кузнецом отношения портить им тоже не хотелось. А с молодого чего будет? Боги молодость любят, да и ему учиться на чём-то нужно.

На обряде младший волхв торопился, заикался и путал слова.

Обычно за такое ученики волхвов получали страшного нагоняя, но в данной ситуации даже на это старшие волхвы решили закрыть глаза. Ровно, как и Аяр с немногими из ещё бывших трезвыми гостями — лишь бы всё поскорее закончилось.

Только волхв закончил обряд, как Аяр поспешил поднять кружку за молодых и развернуть свадьбу к дому жениха, где посреди улицы уже были накрыты праздничные столы.

К тому моменту Яромир думал, что опьянеть ещё больше было просто невозможно. Только он осушал одну кружку, как следом протягивали вторую, такую же полную до краёв. Даже ноги уже сами несли опьяневшего Яромира вместе с толпой. Все вокруг него плыло и кружилось, и казалось, что происходящее с ним — простая сказка.

Как только молодые подъехали ко двору, Ерёма снял невесту с телеги и на руках понёс к столу.

— Молодым князьям — да богато жить! Совет да любовь! — кричали молодым с разных сторон мужчины, а женщины перед ними осыпали дорогу зерном.

Так как мать братьев уже десять зим как почила, и отца не было, то молодых встречали караваем Ермола и Офела. Пройдя под караваем, они заняли места во главе стола, рядом — родители и все остальные родственники по старшинству и семейной принадлежности, а дальше уже кто как успел.

Яромира посадили рядом с Ермолой — по ближе к веселью.

Самые же лучшие места отвели старосте Добромилу и старшине Рознегу. Люди уважаемые — первой величины на деревне. Без них не происходило ни одно важное событие. Все вновь пришедшие, хотевшие обосноваться в Трёх дубах, без одобрения оных в число местных попасть не могли. И, в основном, с этими двумя старик Яромира всегда вёл дела.

Яромир, не особо балованный разнообразием еды в суровой жизни со стариком-отшельником, старался попробовать все и сразу. В след за мясным окороком шёл холодец, всевозможные кисели заменялись узварами, а каши — творогом с фруктами и ягодами.

— Ермола, всё! Дышать нет мочи! — Яромир положил деревянную ложку в опустошенную от лапши глиняную тарелку и развязал опоясок, высвободив округлившийся от еды живот. — В жизнь так вкусно не ел!

— А ты попрыгай — войдёт больше! — рассмеялся над юным богатырем Ермола, передавая ему блины с малиновым вареньем.

Яромир с трудом вздохнул, но от угощения не отказался.

Во время пира всё шло согласно традициям. Гости весь вечер поздравляли и одаривали молодых разными подарками. Дарили домовую посуду, рушники, платья, рубахи, да и все остальное, что могло пригодиться в хозяйстве. Добромил подарил одну из припрятанных им

бочек залежного вина, удачно выторгованныху Троицских купцов. Старик Веня вообще привел самого большого своего борова, чем невероятно развеселил толпу. Пьяные мужики весь вечер катались на хряке верхом, после чего, не без помощи Яромира, смогли затолкать его в сарай.

Пир шёл весело и день стремительно приближался к концу.

Как стемнело, молодых проводили к площади, где уже было готово к сожжению соломенное чучело Морены.

— Яромир, — подтолкнул засмотревшегося богатыря Ермола. — Знаешь же, чего Морену жгут?

— Я хоть и в лесу живу, но кой чего ведаю. — Яромир протер глаза, пытаясь поймать поплывшие в глазах окружение, в том числе и смеющегося над ним Ермолу. — Вы думаете, что это на счастье, что ладу в семье быть. Ни злых духов, ни болезней... Так, просто — раз и нету, а мы с отцом потом ходи эту нечисть лови...

— Для вас всегда работенка найдётся, а нет — будешь на потеху Горыню по земле катать.

Ермола поймал пошатнувшегося Яромира под руку и легко похлопал его по щекам, чтобы немного привести в чувства.

— Рано падать. Сейчас самое интересное начнётся. Надо тебя в порядок привести.

Молодой волхв, тот же что проводил обряд днём, вышел к молодоженам и принялся трясти бубном, напевая напутственные заклинания. Ерёма поднёс факел к соломенному чучелу. Сухая трава вспыхнула ярким пламенем, а гуслиеры со свиристелями подхватили заданный волхвом темп.

Ермола отвел Яромира в сторону, к бочке с ледяной водой, где юноша смог умыться и немного освежить голову. Холод подействовал отлично и уже через несколько мгновений богатырь стал чувствовать себя намного лучше.

К этому времени старые и замужние отошли подальше и образовали большой круг.

Молодые парни и девушки разделились на два хоровода, в центре каждого из которых встали жених и невеста.

Яромир же встал поодаль вместе с Ермолой и Офелой.

— Ну же, не робей богатырь, айда в круг! — подтолкнул Ермола Яромира, нервно теребящего мочку уха — Авось и тебе невесту найдем!

— Так я же это... не местный. Чего мужики подумают? И так весь вечер косятся. Того и гляди с кулаками полезут, — потупил взгляд Яромир.

— Главное девкам мил, — подхватила Офела. — Вот они-то уж точно с тебя глаз не сводят!

— А с мужиками решим, коль чего! Не трухай! — Ермола с улыбкой толкнул богатыря в хоровод. — Да и тебе ли об этом переживать?

«Эх, была не была!» — подумал Яромир и втиснулся в круг парней.

Ерёма, заметив Яромира в кругу, разулыбался пуще прежнего и еще жарче пустился в пляс. Яромир же чувствовал на себе недовольные взгляды, но круг покидать не стал.

Начался танец.

Оба круга закружились в разных направлениях. Если парень с девушкой сталкивались, то, взявшись за руки, выбегали из круга.

Считалось, что боги рады таким союзам и юноша мог смело идти свататься к отцу девушки.

Яромир не так был увлечен танцем, как попыткой не запутаться в ногах и не потерять равновесие.

Вокруг парни и девушки покидали хоровод, становившийся все меньше и меньше. Вдруг спины Яромира коснулась другая и девушка, схватив его за руку, вывела богатыря из круга.

Сердце Яромира забилося быстрее, дыхание участилось, а по спине побежал пот. Волнение достигло своего апогея.

Незнакомка отвела Яромира к остальным парам. Тут же он почувствовал на спине холодный, злой взгляд. Он знал это чувство — так охотник смотрит на добычу. Яромир сам так смотрел и на него смотрели, и не раз...

По началу Яромир не придавал этому особого значения. Мало ли что на хмельную голову почудится, но чувство лишь усиливалось.

Яромир резко обернулся, но разобрать, кому принадлежал взгляд, в такой толпе было просто невозможно.

— Хватит на сегодня медовухи. — твердо решил Яромир и в первые обратил внимание на девушку, продолжавшей крепко сжимать его руку.

Глава 4: «Твой самый жуткий кошмар!»

Девушка, теребившая зеленую ленту в огненно-рыжей косе, так же подняла глаза на Яромира, удивленному как же этот кусочек атласа так подходит её изумрудным глазам.

Они смотрели друг на друга, не проронив ни слова.

Яромир уже видел ее сегодня и до этого, много раз, и среди подружек невесты на выкупе она тоже была, но имени ее он не знал.

— Как зовут тебя, ясно солнышко? — Нарушил молчание Яромир и улыбнулся девушке.

Веснушки на её щеках запылали ярче горящего чучела Морены.

— Не скажу... Не сейчас! — игриво улыбнулась она и резко отвернулась, зацепив рыжей косой плечо Яромира.

Голос у девушки был тонким и невероятно нежным и сразу же запал в душу Яромира. Несколько мгновений, которые показались юному богатырю целой вечностью, он стоял и смотрел на неё, стараясь запомнить каждую мельчайшую черту её облика. Девушка, и так крепко державшая Яромира за руку, сжала её ещё сильнее, когда молодожены закончили танец и слились в страстном поцелуе.

Только Яромир снова почувствовал на себе ледяной, полный ненависти взгляд. Яромир постарался сосредоточить органы чувств.

Донёлся запах: дикий, звериный, запах смерти. Яромир почувствовал с какой стороны исходит опасность, но только стоило повернуться, как волхв закончил церемонию благословлением, а Аяр громким басом призвал всех вернуться к столу, чтобы снять платок с невесты и закончить первый день.

Люди сбились в большую толпу, а Яромир, не хотевший портить себе такой многообещающий вечер, не отпуская девушку, затерялся среди людей, оставив незримого преследователя где-то позади.

Но только пошли они не туда, куда он думал...

Ночь выдалась безоблачной, и яркая полная луна прекрасно освещала все окрестности деревни Три дуба.

Рыжая незнакомка, ни на миг не отпускающая руку Яромира, вела его через веселящуюся и продолжающую распевать свадебные песни толпу.

Выпитое хмельное давало о себе знать, и Яромир чувствовал, что ноги окончательно перестали его слушаться, а перед глазами снова проплыли мутные силуэты окружающих людей.

Неожиданно девушка дернула его и они, свернув поперек движению потока, побежали по узкой дорожке между двумя дворами. Вслед им посыпалась брань и ругательства пьяных мужиков, которых Яромир, по своей неуклюжести, растолкал плечами.

Когда шум толпы остался далеко позади, девушка все-таки отпустила Яромира. Он потерял опору, но каким-то чудом сумел устоять на ногах.

— Проводи меня домой. Тут недалеко.

Рыжая поманила Яромира за собой и принялась кружить сарафаном, от чего того еще больше замутило.

— А родители? Не потеряют они тебя?

Яромир старался не смотреть на неё и как-то отвлечься от подступившего к горлу кома.

— Мать то?! Нет ей до меня дела. Поверь, она ухом не поведет, даже если леший утащит. — она потянула Яромира за руку. — Пойдем!

Дальше они шли медленно и молча, слушая мелодично поющих сверчков, да любясь необычайно ярким звездным небом, которое можно было наблюдать только на в ночь на Ярилин день.

Было почти как в сказке, если бы отдаленные крики и звуки музыки не доносились со стороны дома Еремы.

Яромир не знал с чего начать разговор, да и она, видимо, тоже не особо-то и хотела болтать, но все-таки нарушила молчание первой:

— Тятки у меня уж давно не стало. Вы со стариком как раз того упыря отловили, что его в лесу на охоте подкараулил. — начала рыжая. — Теперь же матушка моя только спит и мечтает, как бы меня замуж поскорее выдать, чтобы я ей жить в удовольствие не мешала. Сама сейчас, поди, опять этому Добромилову помощнику глазки строит... и рожа у него мерзкая. Единственное до чего ей дело есть — это его тугой кошель. И, конечно же, сын охотника — Патша, которого она так желает видеть своим зятем...

— Звать-то тебя как? — перебил Яромир, не хотевший слушать про деревенские страсти. — Я вот — Яромир.

— Да все знают кто ты, богатырь. Сын старого отшельника, охотника на нечисть всякую. Как же вас там сторожила кличет? А, «лихо лесное»!

— Имя.

— Какой серьезный... — девушка рассмеялась и снова принялась кружить вокруг Яромира. — Веря я!

— Ну так вот, Веря, — Яромир пригрозил девушке пальцем. — Нет у меня ни мамки, ни папки, а старик меня растил, кров давал, еду и одёжу. И на лихо мы не похожи! В наших краях тварь такая не водится.

— Раз не тятка, чего ж тогда тебя по лесам прячет? Или от кого? Чего он такого красавца на цепи держит, как пса дворового? И почему сейчас одного пустил?

— Вот сама иди и спроси... — обиженно ответил Яромир.

Он и сам ответов на эти вопросы не знал.

— А ты скажи, где живете? Я и пойду!

Девушка крепко прижалась головой к руке Яромира.

— Знамо где — в лесу, а показать — никак. Тайна. Старик сказал, что с Иным миром

меня познакомит, если кому хоть слово скажу.

— Ну и не говори, больно надо! — Верeya фыркнула и отвернулась. — Вот и изба моя.

Она указала пальцем на старый четырёхстенник с двумя окнами.

Яромир заметил, что за дворик был очень скромным и никто за ним особо не ухаживал: завалившаяся банька, поросший мхом колодец и совсем уж прогнивший пригон.

Верeya запрыгнула на деревянные прясла невысокой ограды и, подтянув Яромира поближе, обняла его за шею. Лунный свет упал её на лицо, а в глазах заплясали зелёные огоньки, от которых Яромир был не в силах оторваться.

Неожиданно Верeya припала к губам Яромира.

На мгновение его тело обмякло, но тут же прилив страсти позволил прижать её крепче к себе.

Со стороны свадьбы послышалось громкое пение, да так неожиданно, что Яромир вздрогнул и повернулся в сторону доносящегося звука.

По спине снова пробежало неприятное чувство приближающейся опасности.

— Сейчас, наверное, платок снимают, да на первую ночь провожать будут, — сказала Верeya, вслушиваясь в крики и возвращая внимание Яромира.

Её глаза горели желанием, которому Яромир не был в силах сопротивляться. Он был очарован...

— А девки у тебя уже были?

Верeya потянула за ленточку, выпустив вьющиеся рыжие волосы из косы. Яромир сглотнул.

— Ну-у... бывало...

В груди у Яромира задавило и похолодели пальцы. Что-то или кто-то приближался, он был уверен. Нужно было возвращаться к братьям как можно скорее.

— Нам бы к столу вернуться. Темно, да и братья уже волнуются. Ищут наверное...

Яромир аккуратно убрал пуки девушки с плеч и готов был уйти, как Верeya спрыгнула с прясел и схватила его за руку.

— Останься! Я не хотела тебя обидеть. Было, не было, это же не важно... Люблю я тебя, богатырь... Уже как три круга только о тебе по ночам вздыхаю!

— А чего раньше не подошла? — спросил изумленный откровением девушки Яромир, облокотившись на прясла, чтобы не потерять равновесие.

— Да где там подойдешь? Ты у старика на коротком поводке! Глаз с тебя не спускает. И вообще... вы с ним как вихри летние: откуда ни возьмись появились, покрутились и восвосяси подались. А тут сама судьба-матушка тебя в мои рученьки подала. Свадебный хоровод никогда с суженым не обманет!

Верeya взяла оторопевшего Яромира за рубаху и, поднявшись на носочки, крепко его поцеловала.

— Укради меня, увези хоть на край света. Не любя я матери своей! А она даже не поймёт, что я сбежала. А коли поймет, то мы по тропинкам вашим тайным уйдем и пускай хоть заищутся! Иначе отдаст меня этому псу — Патше! Я стирать тебе буду, готовить, сыновей тебе нарожу, таких же сильных и красивых богатырей! Всем для тебя буду! Забери меня!

— Ах, значит я для тебя просто пёс?!

Из-за сарая показались четыре молодца возрастом не меньше двадцати зим. Впереди шел высокий, плечистый, черноволосый парень с конской кудрявой гривой и волчьим

оскалом. Своим видом незнакомец походил на зверя и именно этот взгляд следил за Яромиром: полный холода и злобы, желающий разорвать на части.

Парни, идущие следом за главным, закатывали рукава на рубахах.

— Я тебе и цапки, как у цариц Сталь-градских, и ткани расписные, и к матушке твоей за благословением, а ты перед отребьем лесным хвостом крутишь?!

— Оставь меня в покое! — Верея спряталась за спиной Яромира. — Уходи, откуда пришел, Патша!

— Молчи девка, я теперь отсюда только с тобой уйду! А ты, лохун, лучше тикай в свой лес, покуда тебя старику по частям не вернули!

Патша толкнул Яромира в плечо, так, что тот отпрянул на несколько шагов и ударился спиной о прясла.

Яромир всем телом чувствовал, что сейчас к драке он был совсем не готов. Слишком много выпито.

— Глянь хлопцы! Богатырь-то — пьяный! — засмеялся над ним Патша — Проучим-ка его, будет знать, как девкам чужим под юбки заглядывать!

Они встали вокруг Яромира полукругом, прижав его к пряслам и закрывая все пути для отхода. Первым замахнулся тот, что стоял слева. Яромир защитился, но тут же получил другой — справа. Голова затрещала, всё вокруг помутнело и завертелось.

Следующий удар нанес Патша. От него богатырь успел закрыться и попытался вырваться из полукруга. Оттолкнул одного, за что получил от другого кулаком под ребра, сбил дыхание и упал на колени. Только стоило Яромиру оказаться на земле, как молодцы накинудись на него все вместе, не давая возможности опомниться.

Хмель так сильно ударил Яромиру в голову, что он не мог собраться и хоть как-то противостоять ударам. Он мог только лежать и терпеть, стараясь защищаться от летящих в него рук и ног.

Яромир пропустил ногой в живот, и всё его содержимое полилось на лапти одного из нападавших.

— Не троньте его, изверги! Вчетвером, да на одного, еще и пьяного! — Верея, рыдая навзрыд, попыталась растолкать черноволосого и его парней.

В этот момент от Яромира отвлеклись, и он смог немного продышаться. Стало гораздо легче после того, как ему помогли избавиться от содержимого желудка.

— А ну, отошла, лярва! Знай свое место! — Патша ударил Верею тыльной стороной ладони, и девушка упала на землю. — Чего встали?! Лупи его, мужики!

Патша подскочил первый и замахнулся ногой в голову Яромира. Тот, выдохнув, встретил удар локтем. Черноволосый схватился за ступню и взвыл от боли, отпрыгнув в сторону.

Помощники Патши опешили и сделали несколько шагов назад, а Яромир выплюнул остатки рвоты и поднялся на ноги.

Яромир бросил взгляд на Верею. Девушка сидела на земле, закрывая разбитое лицо, а по её рукам струилась кровь.

— На девку руку поднял? Не прощу! — сказал он Патше и сделал шаг в его сторону.

— Чего смотрите, олухи тупорылые, бей его! — рыкнул на подручных Патша.

Яромир поднял руки и сгруппировался. Всё как учил старик.

Первым атаковал русский в широкой белой рубахе, на чьи ноги Яромир вывалил содержимое своего желудка. Русский, издав, как ему казалось, устрашающий крик, побежал на

Яромира, замахаясь кулаком. Богатырь без труда уклонился и ответил ему размашистым ударом в печень и сразу же боковым в голову. Русский гулко рухнул на землю без сознания.

— Вот же приبلуда! Он убил Набока! — противным высоким голосом заверещал невысокий, лысый с большим, как у орла, носом. — Ату его, Кривой!

Тот, кого называли Кривым, был чуть выше Яромира, смуглый широкоплечий с неестественно большими бровями.

Он встал перед богатырем и поднял руки.

Видно, чему-то его учили. Яромир отклонился и, не дожидаясь второго удара, ответил Кривому точным тычком слева в челюсть, от чего того пошатнуло. Яромир схватил Кривого за рукав, присел на одно колено, и, перевернув словно коромысло, шарахнул спиной об землю.

Тут же прилетело сбоку — от лысого, который сразу стал быстро колошматить Яромира руками. Яромир подгадал момент и бросил ему правый в голову, схватил за грудки и повторил удар. Дважды. Лысый поплыл.

Краем глаза Яромир увидел, как Кривой перевернулся и пытается подняться.

В груди у Яромира загло. Действие медовухи прошло и пришёл азарт боя. Настало время показать, чего он стоил.

Яромир кинул лысого на прясла и подскочил к Кривому, наступив тому на колено. Нога Кривого с громким треском переломилась, и он взвыл от боли. Яромир добавил Кривому стопой в голову и истошные вопли прекратились.

Подскочил последний — худощавый жилистый парнишка с шевелюрой похожей на копну сена. Яромир встретил его прямым ударом ноги, от которого нападавший откатился на несколько шагов, приземлился на пятую точку и закричал от боли.

Со спины напал Лысый, огрев Яромира палкой по спине, которая тут же разлетелась в щепки. Яромир повернулся и ответил кулаком, от чего лысого повернуло, а из носа хлынула кровь. Яромир схватил его за загривок и с силой ударил лбом о прясла. Ветхое дерево переломилось, а носатый без сознания рухнул рядом с Кривым.

Тут же в Яромира влетел Патша, и они закатились на двор, собрав за собой всю ограду.

Они возились на пыльной земле, в которой Патша, на большое удивление Яромира, ничуть не уступал ему в силе. Патша наносил такие яростные и мощные удары, что Яромир едва мог от них защититься.

Яромир оказался снизу и с силой оттолкнул Патшу ногой, отчего они откатились в разные стороны.

На помощь к Патше уже неся копноволоосый, грозно размахивая поленом в разные стороны.

— Стой, олух, зови старшину, пускай увидит, что он тут вытворяет! — рывкнул на него Патша. — А мы пока немного покувыркаемся.

Худощавый, напуганный тоном Патши, откинул полено и побежал в сторону дома Еремы, что есть мочи, крича «наших бьют!».

Яромир огляделся, пытаясь в темноте разглядеть Верею, но девушки нигде не было видно.

— Думаешь, что старик тебя защитит? Что старшина на это глаза закроет? Да Рознег с тебя плетью шкуру спустит! — прорычал Патша. — Тебе бы спокойно сидеть в лесу, да ягодки с травками собирать, но нет же — захотелось покуролесить! Щас такое веселье тебе устрою — век не забудешь!

Они медленно двигались по кругу, каждый готовый к атаке. В виде и голосе Патши что-то изменилось: он стал еще больше походить на зверя, чем на человека. Яромир же продолжал сохранять молчание.

— Думал, тебе здесь будут рады? Думал девку мою увести? Или посрамить её хотел? Не дожدهшься, тварь безродная! Я быстрее перегрызу твою паршивую глотку, а тушу скормлю хрякам!

Патша кинулся на Яромира. Началась борьба. Богатырь попытался силой взять соперника, но Патша ничуть ему не уступал.

— Кто ты такой? — пыхтя, спросил Яромир, пытаясь вывести Патшу из равновесия.

— Твой самый жуткий кошмар! — прорычал Патша в ответ, подбив опорную ногу Яромира.

Он упал на спину. Черноволосый тут же напрыгнул сверху и принялся нечеловеческими ударами вбивать богатыря в землю.

Яромир, вспоминая тренировки со стариком, прогнулся на мостик, сбросил Патшу и сразу же ударил локтем в его грудную клетку. Патша сбил дыхание и закашлялся. Яромир набросился на ошеломленного соперника, но получил ногой в бедро. Он успел перехватить ногу Патши и, повалившись на землю, попытался её переломить, за что сразу же получил в голову другой ногой. От полученного удара Яромир поплыл, руки ослабли и Патша вырвался.

Они снова оказались на ногах. В голове у Яромира звенело, а Патша истошно хрипел.

Яромир встряхнулся и вновь поднял руки. Он был готов продолжить.

Патша поднял взгляд на полную луну и расплылся в оскале. Он скинул рубаху на землю. Вены на его теле вздулись, мышцы налились кровью, волосы ещё больше почернели, а лицо стало отдаленно походить на волчью пасть.

— Значит — Волколак? — удивился Яромир. — А то весь вечер думаю, что за тварь такая, а это ты!

Яромир понимал, что без подготовки и нужного снаряжения шансов у него практически не было, но и отступать было уже поздно. Какой бы силой Яромир не обладал, но голым в поле волколака одолеть было не возможно.

На удивление Яромира, Патша не обернулся полностью, а сохранил человеческие черты. Старик не говорил, что оборотни так умеют.

Патша зарычал, бросился на Яромира, и они опять покатались по земле.

Как бы рьяно богатырь не сопротивлялся, но оборотень под полной луной был гораздо сильнее.

В какой-то момент Яромир потерял опору и Патша оказался за спиной. Покрытые черным волосом руки обхватили шею и, перекрыв дыхание, стали сжиматься с нечеловеческой силой.

— Я оторву твою тупую башку! Сейчас ты сдохнешь, богатырь! — шипел ему на ухо Патша — Без имени, без рода, без семьи! В грязной пыли, как помойная собака!

Яромир чувствовал, что последние силы покидают его и, приложив её остатки, он ударил локтем в бедро Патши. И еще раз, и еще, но все его попытки были тщетными.

В голове промелькнула мысль, что это конец.

Патша прорычал над ухом и Яромир начал терять сознание.

Глава 5: «Ну, за любовь?!»

У Яромира потемнело в глазах.

Последний воздух закончился, а в ушах, оглушительно стуча, пульсировала кровь. Он уже почти растворился в беспомыслии, как вдруг, раздался женский крик, за которым последовал звонкий щелчок хлыста.

Патша захрипел и разжал руки, а Яромир упал на землю и стал жадно глотать воздух.

У Яромира еще никогда не было такого желания к жизни.

К нему подбежали Веря и Ермола.

— Живой? — спросил Ермола, помогая Яромиру сесть. — Ишь какой красный весь! Спасибо Гриве, а то бы все...пришлось бы хоронить!

Веря же просто повисла на Яромире и рыдала навзрыд, пытаясь что-то сказать сквозь слезы, но он не мог разобрать ни слова.

Яромир посмотрел на Патшу.

Его, за кнут, обмотанный вокруг шеи, волок по земле высокий, широкоплечий старик, с пепельно-серой гривой, блестящей в лунном свете. Яромир понял в кого пошел Патша: он был точной копией Гривы, только молодой.

Грива, оттащив сына на несколько шагов, отвязал хлыст и выписал ему увесистый подзатыльник. Не проронив ни слова, Грива скрутил кнут и бросил его к ногам Ермолы, не сводя с Яромира тяжелого, звериного взгляда.

Яромир же в ответ поблагодарил спасителя легким кивком.

Грива что-то сказал на ухо сыну, от чего Патша сильно изменился в лице, и помог ему подняться с земли.

Патша снова стал человеком, глубоко сокрыв от всех свою волчью натуру. Зато, теперь прекрасно виднелись пурпурные тумачи, оставленные Яромиром.

Ермола же поднял кнут и одним ловким движением обмотал его вокруг талии.

— Ну вот и всё. — Ермола указал на приближающуюся толпу деревенских. — Сейчас нам будут и песни, и пляски...

Толпа слетелась здоровенная. Народ вооружился кто чем смог: вилы, грабли, топоры, лопаты. Некоторые угрожающе вертели в руках наспех выданный заборный штакетник.

Самые же прожжённые успели запрыгнуть в кольчуги, прихватить щиты и опоясаться мечами. Сразу видно — бывалые!

С каждой улицы, то и дело, продолжали стягиваться и обыкновенные зеваки...

— А ну, расступись, что за бардак?! — сквозь толпу протиснулся старшина Рознег, гневно расправляя густые, топорщащиеся в разные стороны, седые усы.

Старшина давно перевалил за пятьдесят зим, но оставался ещё весьма крепким на вид. Рознег обвёл хмурым взглядом отлупленных Яромиром парней, которым уже оказывали первую помощь.

— Туесы. — безнадежно помотал он головой. — Всё тут понятно... Так, слушать меня сюда! Этих — до утра под замок! Завтра их самолично высеку, чтоб боле не поваживались толпой одного охаживать.

Лысого, прижимающего тряпку к разбитому носу, увели первым.

Кривого попытались поднять, но он пришёл в себя, схватился за сломанную ногу, истошно завопил и снова потерял сознание.

— Этого балбеса не надо в каземат... Тащите его сразу к костоправу! — уточнил Рознег, указывая толстым пальцем на Кривого. — Кого-то не хватает... А тот, что весь сыр-бор поднял — где? Аркаша, Аркаша, подлец эдакий, а ну иди сюда!

— Здесь, старшина! — из толпы нехотя вышел копынолосый.

— Вот его — к остальным. А то погляди на него: «враги!», «наших бьют!» Тьфу! Погляди, дуралей, сколь народу на уши поднял, по чём зря!

Аркаша попытался умолить старшину, но тут же двое из мужиков взяли его под руки и уволокли вслед за лысым.

Рознег подошёл к Яромиру и Патше.

— С вами-то мне чего делать? — старшина задумчиво почесал сверкающую в свете факелов залысину. — Один краше другого! Ну, рассказывайте, чего не поделили?

Вереея, продолжающая лить слёзы, вышла вперед, склонив перед Рознегом голову.

— М-да... Всё тут понятно. Опять, значит, мордобой из-за бабы... — досадно вздохнул старшина. — Вот поведётся какая волочайка бессовестная на ушах молодых кататься, так потом поубивать друг друга готовы за оных, а то и того хуже... Тебя бы, Вереея, вместе с ними, да к столбу позорному, чтоб наука была!

Вереея ещё сильнее закатилась слезами.

— Всё, не вой! Перед мамкой слёзы лить будешь... Кстати, кто-нибудь, приведите сюда Вассу!

Старшина снова посмотрел на Яромира.

— Надо же... А занятно твой сынка навалял-то богатырю! — Рознег задорно махнул рукой Гриве. — Глянь! И на твоём места живого нет! Вот, обалдуи...!

Мрачно стоявший в стороне Грива терпеливо ждал решения старшины. Патша же сидел подле него на корточках, виновато потупив взгляд.

Рознег некоторое время важно разглаживал усы, разглядывая драчунов, после чего вынес решение:

— По пять ударов плетью..., для начала! Каждому! Чтоб неповадно было! Завтра с утра у меня! Надеюсь, я понятно выразился?! Я же за ночь подумаю на что вы, божедурье, мне ещё сгодиться сможете.

Грива и Патша всё так же, не проронив ни слова, кивнули, развернулись и побрели в сторону леса.

— А тебя, богатырь, наверное, тоже под замок посажу, чтоб не убёг. — Рознег вновь вернулся к Яромиру.

— Не сбежит, старшина, — вышел вперёд Ермола, положив руку на плечо поникшего Яромира. — Под моё слово отпусти со мной, а завтра ни свет, ни заря у тебя будет. Всё по совести!

— Нехай так. Хороший ты мужик Ермолка, порядочный. Топайте. Только гляди, коли не явится, то тебя самого выпорю! Дважды! — Рознег угрожающе тыкнул в грудь Ермолы пальцем. — Так, не на что тут больше глазеть! Расходитесь по домам!

Старшина замахал руками, давая знак людям расходиться.

Внезапно, из толпы вылетела взъерошенная баба, и набросилась на Вереею.

— Ах, ты — бессоромна баба! Шлэнда! Волочайка проклятая! — кричала на Верек женщина с такими же рыжими, как и у неё волосами, принявшись охаживать девушку платком. — Такого мужика тебе нашла, а тебе, олюра, лишь бы перед чужаками юбку задирать! Зашибу проклятую!

— Не выйду я ни за что, за этого твоего Патшу! Он жестокий и злой! Нет у него души! Я лучше руки на себя наложу! Найдете меня на болотах потом утопленницей, так и знай! — кричала в ответ Вереея, стараясь спрятаться от ударов матери за спиной Яромира.

— Не утопишься, рогожа трёпаная! Я сама тебя прибью!

— Полно тебе, милая Васса! — тщетно старался успокоить её Ермола. — Ну раз мил ей богатырь...

— Какой «мил»?! Какой ещё «мил»?! Рожа безродная! Нищий, никчемный, лесной выродок! Никогда благословение не дам! Проклянута!

Эти слова глубоко задели Яромира за живое, заставив обиженно его отвернуться...

— Тогда я просто сбегу с ним! Вот увидишь! — кричала в ответ Верея, на этот раз прячась за Ермолой.

— А ну, всё! Заткнулись и разошлись по домам! Пока я всем не показал кто тут выродок, а кто нет! — вспыхнул покрасневший Рознег, вернувшийся на крики Вассы. — Слушай меня сюда, баба! Раз нет у тебя мужика, кто может за дочь твою слово держать, значит, мы с Добромилом и волхвами будем на совете сами выбирать ей суженого! Кого сама приведёт, на того и будем смотреть: достоин он али нет! Боги всех рассудят! Вот тебе моё последнее слово! И чтоб духу вашего сей миг тут не было!

Васса, схватив ревущую Верею за руку, окинула взглядом поломанные прясла ограды, заплакала и пошла в дом.

— Ну и мы, пожалуй, тоже пойдём, — Ермола осторожно подтолкнул Яромира в плечо. — Нечего тут больше делать.

Рознег убедился, когда все разошлись, плюнул и сам двинулся в сторону свадебного стола, где снова заиграла музыка.

— Оно тебе надо было? — начал Ермола после недолгого молчания. — Сидел бы себе спокойно, хлебал медовуху, холодцом закусывал, и беды бы не было... нет, ну надо же было со старшиной связаться!

— Патша этот — не человек вовсе. — с серьёзным видом Яромир. — И отец его тоже — волколаки.

— Волколаки! Насмешил... Эво тебе медовуха в голову дала! Да ты просто в гузно, вот и мерещится всякое! — Ермола шутливо хлопнул Яромира по плечу — Не вешай нос, богатырь! Проиграл и проиграл. Проспишься и вернётся твоя силушка! Патша с Гривой тоже в лесу бирюками живут. Хата их вон там, на самой окраине деревни. Главные охотники Рознега.

«Значит старшина всё знает и пользуется ими.» — сделал вывод Яромир. — «Нужно обязательно всё отцу рассказать.»

— У Гривы старший — Кривжа, — продолжал Ермола. — такой же как он. Один в один. Только Кривжи уже не упомянешь сколь зим никто не видал в наших краях. Он, вроде, в дружину к князю подался. На войну всё хотел. Больно любил над людьми издеваться, а там — самое место для такие, как он. А может его и того... уже и в живых давно нет. Ну, да и пёс с ними! Продолжить хочешь?

Ермола указал на свадебный стол, из-за которого всё ещё доносились звуки песен.

— Можно..., только давай найдём место, где потише. Хватит мне уже на сегодня веселья... — Яромир попытался улыбнуться, но тяжелый кулак Патши сильно повредил челюсть, от чего эта попытка отозвалась лишь острой болью. — Голова гудит, будто в колокол бьют.

— Знаю куда пойдём, только кое чего прихватим по дороге! Силенки ещё остались? — перебил его Ермола, указывая на одну из стоящих вдоль ограды телег, в которой лежал небольшой бочонок медовухи. — Такой осилишь?!

Яромир подошёл к телеге и с большим трудом забросил бочонок на плечо.

— Ты обожди, — вмешался Ермола, при виде скорчившегося от боли Яромира. — не спеши. Поставь, где взял.

Ермола помог Яромиру опустить бочонок обратно в телегу, протянул две большие дубовые кружки и наполнил их до краёв.

— Не пьянства пагубного ради, здоровья для! — воскликнул Ермола и друзья, стукнувшись стаканами, осушили кружки до дна. — Теперь и понесётся легче. Пойдём.

Медовуха и правда помогла Яромиру, притупив чувство боли. Даже показалось, что и бочонок стал легче. Яромир забросил его на плечо, и друзья продолжили путь.

— Ну-ка, придержи ровнее! — Ермола на ходу открыл кран и наполнил кружку. — Помнишь, как познакомились? Сколько тебе тогда было? Зим девять? Вы тогда еще со стариком по лесам нечисть всякую гоняли.

— Мы её и до сих пор гоняем. — с явным недовольством уточнил Яромир. — Бесов, леших, чертей, упырей... Лишь бы вам спалось крепче.

— Ой, из одних ли благих намерений?

— Что ты хочешь этим сказать?

— Как будто вам за это не платят? Причём, весьма неплохо...

— От чего это? Дают же кто что может: когда еду, когда инструмент — да и старик три шкуры за работу не дерёт, не то, что тот же Аяр! А мы всегда только по нужде и, по совести.

— За это вас и любят... — Ермола приложился к кружке. — и, признаюсь, весьма побаиваются.

— Чего ж нас бояться?

— Как чего? Появляетесь неизвестно откуда, пропадаете не пойми куда. Знаете всякое. В тебе, вон, силища, что в яке. Вот ты приспросись у старика: не удивлюсь, если и кровь у тебя славная.

— Скажешь ещё, славная... Куда уж мне...

— Ну-ну! — недоверчиво прищурился Ермола. — Знаешь, сколько уже мы вас выследить пытаемся?! Сколько раз по следам ходили и всё без толку. Все дорожки плутают, кругами водят.

— Как лихо лесное?

— Вот-вот, именно, невидимки. Не зря наши старики поговаривают, что твой — самый что ни на есть колдун.

— Какой там?! — рассмеялся Яромир.

— Да, чего тогда так старательно ото всех прятаться, причем где-то под самым нашим носом?

— Нелюдимый он — это да, но, чтобы «колдун»... Ха-х, деревенщина, наговорите... А раз найти не можете, то ваша проблема! Плохо ищите...

Они остановились на пустыре, оставшемся после одного из перенесенных прошлой зимой дворов. Яромир опустил бочку с затёкшего плеча на землю и сел сверху, приняв кружку от Ермолы.

— Мы же тебя и не ждали. — Ермола наполнил себе кружку и долил Яромиру. — Думали, что старик опять своего ненаглядного птенчика не отпустит.

— Сам не ждал. — тяжело выдохнул Яромир.

— Но Ерёма, всё-таки, бересту на алтарь, сносил.

— Отцу что ли алтарь смастерили? — от удивления бровь Яромира приподнялась сама собой.

— Смешной ты — Таре. Там, на пне заветном, мы ей прощения раньше оставляли, теперь вам...

— Дела... — Яромир задумчиво почесал щетину. — Шестнадцать зим прожил и не знал, как до отца вести доходят. И, вообще, он же всё твердит, что никаких богов нету, а сам к алтарю ходит...

— Как это нет? — возмутился Ермола. — Не было бы богов, не было бы ни нас, ни нечисти, не даже вот — медовухи. Прячутся они и всегда за нами приглядывают! На то они боги, чтобы люд простой в их дела не вмешивался.

— И ты веришь?

— Да как же не верить? Старик Веня, вот, говорит, что во что-то вера быть да должна. Иначе без веры нам всем — всё... — Ермола сделал смешную гримасу покойника. — Мы вот в Ладу, в Живу, Тару и Даждьбога верим, но больше всех — в Велеса. Давеча, буквально вчера, сам Рознег корову волхвам отдал. В жертву её и принесут, на двенадцатый день.

— И что — поможет? — с недоверчивой улыбкой спросил Яромир.

— А как же? Отец Велес радуется, и скотина не мрёт, и с полей урожай о-го-го какой! А давай за Велеса выпьем?

Ермола протянул кружку. Яромир поддержал, после чего поднял бочку на другое плечо, и они пошли дальше.

— А как вы так вовремя подоспели?

— Как, как? Проводили значит Ерёму. Только кружку ко рту поднёс, как гляжу — рыжая мимо несётся, сломя голову, к дому Гривы. Чую — беда. Глядь по сторонам — и тебя нет. Думаю, всё, проглядел! Что есть мочи за ней погнался, даже Добромилу кувшин с киселём, прямо на новые сапоги опрокинул. Он хотел мне оплеуху выписать, да не тут-то было! Я ж вон какой шустрый! По самой же нелепой случайности так вышло... Ну и по пути я тогда вот это прихватил.

Ермола хлопнул по кнуту, все ещё обвязанному вокруг живота.

— А что? Стременной так ужрался, что ему уже и не надо было. Так вот... Я только пол дороги пробежал, как рыжая уже обратно летит, а с ней и Грива: волосы в разные стороны, глаза горят — жуть одна! Я только хотел спросить, куда спешат, а он даже не остановился. Ещё и кнут так дёрнул, что я прямиком на пузо и пал! Во!

Он показал на замаранную в пыли рубаху и сделал глоток медовухи.

— Силища! Верeya подбежала, вся ревёт, я понять, чего говорит, не могу. Так она мне в руку вцепилась и за Гривой поволокла. Дальше и сам знаешь. О, вот и хата моя!

Ермола остановился у закрытой калитки и шепотом обратился к Яромиру:

— Не-е... Сюда никак. Там Офела, дети — спят. Коль разбудим... Всё — насиделись. Пошли в обход.

Ермола указал на другую сторону двора, и они аккуратно пошли вдоль ограды из соснового штакетника. Только они зашли за сарай, как Ермола остановился и отодвинул часть забора, показывая Яромиру на лаз:

— Нам сюда. Лезь, давай.

Яромир пропихнул бочку в проём и протиснулся сам. Лаз был совсем не по его плечам. Ермола залез следом, поставил штакетник на место и указал Яромиру идти в хлев, двери которого он предусмотрительно оставил открытыми.

Яромир опустил бочку посередине хлева и подставил две берёзовые чурки в качестве стульев. Ермола же принёс сыровяленого мяса и овощей на закуску. Они сели напротив друг

друга и наполнили кружки.

— Не хмурься, Яромир. Что было, то было. Ничего уже не поменяешь. Завтра новый день! Тебя немножечко выпорют... Подумаешь, — улыбнулся Ермола и хлопнул Яромира по плечу. — А я, кстати, знаю, что тебе Рознег скажет...

— Удиви, — сухо ответил Яромир.

— Тут же беда приключилась. Уж как с зимы ни одного купца не было. Представляешь? По началу думали, что всё война проклятая виновата.

— До сих пор воюют?

— Уже два круга как. Всё никак друг друга не попереубивают... Так скоро ни в Стальграде, ни в Слав-городе людей не останется. Были вести, что, отряды князя Игоря Троицкий посад заняли, а как зиму переждут, то в сторону Железных гор двинутся.

— Так это же рядом — напрямик за Туманными топиями.

— То-то и оно. Старшина уже готовится начал, что и к нам придут. Он то войну не понаслышке знает, вот и вооружил кого только можно было. Тренировки каждый день, дозор по дорогам. Даже заставу на самой границе построил, да ты и её сам видел.

Яромир утвердительно кивнул.

— Даже отец тогда заказы старался не брать. Говорил, что обождать нужно. Смутное время наступило...

— Ну так, что думаешь: зима прошла — а войск всё нет. Ни тех, ни этих. Вроде бы — хорошие новости, но и тут — не угадал! Купцов-то тоже не стало. Весна прошла — вновь тишина. И вот, не так давно, с восточной стороны беглые прискакали. Вот они-то Рознегу и говорят, что княже Игорь торгошам путь только в сторону Ольда Среброголового перекрыл, а по остальным тропам вольны были в любую сторону ехать. Кроме топей наших... Оказывается, Игорь издал указ, что на болота эти больше никому ходу нету и выставил на единственный проезд дозор. Мол, ходят слухи, что чудище невиданное там завелось. Все, кто туда въезжал, больше не возвращались с проклятой трясины.

— Всё вы деревенские преувеличить любите. Стоит кузнечик в кустах застрекотать, так всё — полуденница, а на болотах за каждым кустом мавки и вилы мерещатся. — Яромир усмехнулся и осушил кружку. — Всё это брехня... не водится в наших краях нечисти такой, что одна, да ратников в кольчуге победить может, а ту, что мало-мальски и могла, мы с отцом уже поизвели давно. Вот, те, кто от войны сбежал, поди, и попрятались по болотам.

— Не-е! Для лихих наша деревня — как хлеб с маслом! Уже давно кто-нибудь да заявился бы грабить и насильничать, а тут столько времени тишь да гладь. Ты слушай дальше... — Ермола подлил Яромиру. — Как беглых спровадили, так Рознег всех на уши поднял. Он же тоже подумал, что лихие повелись, поэтому мужиков опять на заставу и в караулы. День и ночь теперь с топей глаз не спускают. Но терпение у старшины быстро кончилось и уже как семь суток назад собрал дружину, снарядил и отправил посмотреть, что там есть. Целых восемь мужиков, да еще и Феола во главу поставил, а он мужик-то — о-го-го! Только до сих пор никто не вернулся... Говорят, что Рознег ходил Гриву просить, но тот наотрез отказался. Болота, мол, не его забота... Старшина уже собирался мольбу твоему старику на алтарь ставить, как тут ты, со своими кулаками. Вот увидишь, завтра Рознег тебя на поиски пошлёт!

Яромир некоторое время задумчиво гонял медовуху в кружке, после чего ответил:

— Мне это не нравится. Отец настрого запретил без него в дела деревенские вмешиваться.

— А ты Рознегу попробуй откажи. Старшина-то — обидчивый. Тебя под замок, а сам дождётся, пока старик за не явится. Вот будет тебе тогда потеха.

— И то верно, — тяжело выдохнул Яромир и почесал затылок. — Чему быть, тому быть. На мгновение у Яромира пробежала мысль, что у него, наконец, появился шанс проявить себя. Он расплылся в улыбке и откусил большой кусок копчёного окорока.

Ермола что-то хотел сказать, но Яромир его опередил:

— А что не поделили Аяр с Ерёмой?

— Так это...

Ермола замялся и качнулся на чурке, и, едва не упав, всё же усидел на месте.

— Правду отец говорит, что Алеся понесла?

— Тут дело такое, — Ермола нервно откусил от красноовоща, сок которого небрежно растёкся по его бороде. — Аяр же мужик, мягко скажем — не простой, всему цену знает. Ещё травень стоял, как они с Феолом по рукам ударили, что он ему дочь, а тот Аяру — усадьбу. Ну такую, чтобы старосту переплюнуть. Но у Алеси же с Ерёмой — любовь! Брат свататься пришёл, так Аяр такую бучу поднял! Мы же с братом не аки какие богачи, честным трудом зарабатываем, своими руками... Вот, что Ерёма мог предложить: сапоги новые, фартук для кузни? За такое дочь не продашь, а усадьба — дело другое. Спустили на Ерёму Горыню и со двора взащей. Ох и лютую брат обиду затаил... Хотел он Алесю похитить, да куда бежать? Сейчас же один и дня не протянешь: либо погубят, либо сожрут. Так этот дуралей, на пьяну голову, не придумал ничего лучше, как затащить её в сарай, пока Аяр не видит, и заделать ребенка.

— Вот так да! Так это, по ней же видно быть должно? Нет?

— То-то и оно. Мамки-то у Алеси нету, а сама она никому всё это время на глаза не показывалась. Только старшина отправил Феола на заставу, как Ерёма, Алеся и её живот тут как тут.

— Ох, наверное, что тут было!

— Именно! Как Аяр орал, наверное, до самых Белых гор было слышно. Даже совет созвал, чтобы добро дали позор кровью смыть. Старшина, конечно, против не был, но волхвы со старостой посчитали иначе. Мол, раз отец на ребенка согласен, то быть свадьбе. А как ты знаешь, супротив волхвов уже не пойдешь... Деваться Аяру было некуда, поэтому на скорую руку весть пустили и аккурат к Ярилину дню всё подстроили. Ну, это, чтоб в глаза не так бросалось. Люду ль много надо? Пожрать да попить от пуза, а какой там повод дело последнее.

— Что же будет, когда Феол узнает? Он же шкуру с Ерёмы живьём снимет...

— Старшина Феола поэтому и поставил в голову дозора, чтобы тот как можно дольше не прознал и мужикам запретил рассказывать. Сказал, что по приезду сам всё ему раскроет и «дело это уладит». Феол же мужик такой — жёсткий... Он брату точно не простит. Теперь же уже всё... а как вернётся, там и будем разбираться. Если вообще вернётся... Ну, за любовь?!

Ермола опрокинул крайний стакан, завалился с чурки на спину и громко захрапел.

— Ну... и мне пора — подумал Яромир, аккуратно уложил Ермолу на сено и лёг рядом.

Глава 6: «Яромир, кажется, тебе пора!»

— А ну, заливалы проклятые, подъём!

Поток ледяной воды охватил Яромира. Он прокряхтел, открыл глаза, с большим трудом

сел и вытер лицо рукавом. В голове звенело так, будто прямо над ухом били в колокол.

— Я сказала — подъём, свиноты! — продолжала браниться Офела, пуская в ход второе ведро воды.

Теперь уже начал подавать признаки жизни и Ермола.

— Хозяйство само себя в порядок не приведет! С вечера скотина не кормлена, конюшни не прибраны! Поднимайтесь, я сказала!

Офела, убедившись, что все окончательно проснулись, отбросила ведро в угол и, продолжая ворчать, вернулась в дом.

— Гром-баба! — Яромир с трудом поднялся на ноги и поспешил помочь Ермоле.

— Не то слово... Вся в мать! Такая же сварливая, — ответил тот, стряхивая с себя прицепившуюся к рубахе солому. — Но, знаешь, цены ей нет: всегда чисто, дети ухожены, каша сварена. Золото, а не жена.

Ермола, убрав последствия вчерашних гуляний, отправился управляться.

Яромир же решил освежить голову. Про старшину он тоже не забыл...

Погода стояла прекрасная: яркое утреннее солнце уже хорошо грело, а летний ветерок приятно обдувал тело, приводя в чувства после бурной ночи.

Яромир вышел следом за Ермолой и широко потянулся. Каждая косточка в теле неистово болела, а сам он с ног до головы был покрыт лилово-желтыми наплывами.

Патша хорошо на нём отыгрался...

Двор Ермолы всегда восхищал Яромира. Конечно, не Добромиловское имение, но всё же больше, чем их со стариком. По левую руку от хлева стояли колодец и баня. Прямо — огород. По правую — добротная конюшня.

Яромир, слегка хромя, подошёл к колодцу и зачерпнул ведро воды. Сняв рубаху, он встряхнул её как мог, немного очистив от пыли и грязи.

Всю белизну после вчерашней возни она, конечно, полностью потеряла, как и подранные штаны, но другой одежды у Яромира с собой не было.

Он повесил рубаху на ручку ворота и заглянул на отражение в ведре.

Светлые волосы слиплись от засохшей крови, а по всему лицу красовались ссадины и синяки. Даже голубые глаза слегка налились кровью, но это уже последствия выпитой медовухи. Первый раз в жизни Яромир испытал на своей шкуре, что такое «похмелье».

Он резко перевернул на себя ведро ледяной воды. Стало легче.

— Вижу, хорошенько тебе вчера досталось. Ермола мне всё рассказал, — подошла со спины Офела, подавая Яромиру полотенце. — Глянь на бока, как сливы! Болит? Можешь не отвечать. Вижу, что болит. Но ты поторопись... Не заставляй ждать Рознега, а то того — хуже будет. Я же на перво тебе припарку из подорожника со столетником намешаю.

— Низкий поклон, Офела, за заботу. Одна нога здесь, другая там, — улыбнулся Яромир в ответ и, обтеревшись, отдал ей полотенце.

Яромир натянул рубаху, потуже затянул пояс, поправил сапоги и отправился к старшине — принимать заслуженное наказание.

Он закрыл за собой калитку, вышел на широкую улицу, и медленно побрёл на другой конец деревни, в сторону дома старшины.

В деревне стояла тишина — последствия первого дня гуляний.

Мужики ходили хмурые — от похмелья, а бабы — от похмелья их мужиков. Одни только вечно шумящие дети, да скотина создавали хоть какую-то видимость жизни.

В Трёх дубах все дворы походили друг на друга. Низкие избы из деревянного сруба с

соломенными настилами представляли собой всю основную архитектуру этих мест.

Хотя, те, что побогаче, могли позволить и двускатную крышу постелить, но таких — по пальцам пересчитать.

Сараи, бани, летние кухни, и загоны для скота тоже не отличались разнообразием, но Яромир, редко бывавший в деревне, рассматривал всё с большим любопытством, как в первый раз.

Яромир прошёл дом Ерёмы, где свадебные столы так и оставили на улице, за некоторыми из которых продолжали мирно спать те, кто не смог уйти домой на своих ногах.

Прошёл он и кузню Аяра, площадь, усадьбу старосты и наконец показалось имение старшины Рознега, где, на поляне перед домом, уже всюю шло исполнение наказаний.

Рознег с кнутом в руках и с закатанными по локоть рукавами на распахнутой рубахе, стегал лысого, беспомощно вцепившегося в позорный столб,

— Слово сдержал. Похвально. — крикнул Рознег, заметив подходящего Яромира, и размашисто хлестанул лысого, от чего тот громко заскулил. — Ты только-только с Патшой разминулся. Плётка, знаешь ли, она для всех одинаковая! Обожди пока, богатырь, и до тебя дойдём.

Рознег указал Яромиру встать рядом и ещё пару раз прошёлся по спине лысого.

— А теперь, пошёл отсюда, узгюзлок! Будет вам наука, как кулаками махать попусту!

Лысый подхватил с земли рубаху и, пробегая мимо Яромира, бросил на него полный ненависти взгляд. Лицо лысого опухло, правый глаз заплыл, а на лбу красовалась огромная шишка.

«По делом...!» — довольно ухмыльнулся Яромир.

— Ну, что, гроза лесов, полей и огородов, становись, твоя очередь. — Рознег указал Яромиру подойти к позорному столбу. — Снимай рубаху. И вот, держи, зажди в зубах.

Рознег подал Яромиру кожаные ножны от небольшого сапожного ножа. Яромир скинул рубаху и обнял столб. Ножны от старшины он не принял. Получать плетью для Яромира было не в новинку...

Рознег стеганул первый раз. Спину зажгло огнём. За ним последовало ещё четыре удара, которые Яромир так же стойко выдержал.

— Ишь, даже не пискнул... Похвально. — с неподдельным уважением кивнул Рознег. — Псать, забери!

Со стороны двора к старшине подбежал невысокий парень, руки страшно изуродовали шрамы от собачьих зубов.

— Одевайся и за мной! — скомандовал старшина Яромиру. — Порядки навели, пора заняться делами.

Яромир поднял рубаху, отряхнул её от прицепившейся к ткани травы, и, не смотря на боль, натянул на тело.

Рознег отворил калитку. Они зашли на двор, а затем сразу в открытый летний домик.

— Марилька, неси холодного... и на стол чего-нибудь! Уморили меня эти олухи, — командным тоном крикнул Рознег в сторону кухни.

— Одно мгновение, дорогой! — прозвучал в ответ тонкий женский голос.

Рознег сел за стол и указал Яромиру садиться, напротив.

— Ты мне напомни, как звать тебя? Стар становлюсь. На имена памяти совсем не стало.

— Яромир я.

— Точно, точно, — старшина задумчиво разгладил топорщащиеся усы. — вспомнил,

Яромир. Так вот, значит, что, Яромир...

Его перебила невысокая, стройная девушка с темными волосами, которая принесла поднос с овощами, вяленным мясом, кувшином кваса и двумя кружками.

— Спасибо, душа моя, — Рознег, с непривычной для Яромира нежностью, поцеловал её руку. а теперь — оставь нас.

Марилька приподняла подол небесно-голубого сарафана, поклонилась мужу и так же молча вернулась на кухню.

— Так вот, Яромир. — старшина мгновенно изменился в голосе, снова приняв свой привычный грозный вид. — Ты на меня не гневайся. Порядок, он знаешь, для всех. Не накажи я вас, так каждый будет потом морду друг другу бить при первом удобном случае, а так какой-никакой страх у людей останется. И моё имя не пострадает! Мужичье ж меня, как огня, боится, а тебя и вовсе можно сказать, что не трогал..., можешь поблагодарить!

Рознег налил в кружку кваса и поставил перед решившим промолчать Яромиром.

— Не дуй щеки, как баба обиженная. На, хлебани! Значится, дело такое. Семь суток назад отправил я дозор на топи и вороту до сих пор нету.

— Слыхал я уже. Говорят, ты думаешь, что чудище там охальничать повадилось?

— Ну да ладно, нам же проще, что языком много молоть не придётся! Тогда, сразу к делу... — старшина деловито хлопнул по толу. — Надобно мне, чтобы ты туда съездил, мужиков моих поискал. Ежели взаправду тварь там какая завелась, то это и так по твоей части. Сам разберёшься. Как-никак — твоя работа! Заодно и покажешь, есть от тебя прок без старика или нету. Если всё-таки разбойников следы найдешь, аль узнаешь, что моих молодцев повязали, то сразу дуй назад. Тогда дружину соберём и всё болото на уши поставим.

— Отец запретил без него на болота нос совать...

— Ну, раз так, то посажу-ка я тебя под замок... — старшина нервно забарабанил пальцами по столу. — Как тебе мысль? Буду раз в три дня глоток воды да краюшку хлеба давать, чтоб не помер. Ещё пороть прикажу ежедневно, покуда за тобой старик не явится.

Рознег ударил кулаком по столу так, что всё стоящее на нём подпрыгнуло.

— Намотай на ус, мальчишка — гневить меня не нужно!

Старшина встал из-за стола и зашёл Яромиру за спину и склонился над ухом.

— Так и будешь всю жизнь ходить у старика под юбкой или у тебя между ног, всё-таки, что-то да болтается?! Так что давай, не беси меня! одна нога здесь, другая там. Понимаешь, и так сидим тут, как на завалинках: ни цацек для баб, ни вестей с большого мира, да и своё добро никуда не деть. Быстрее надо вопрос решить, быстрее — понял?

Старшина хлопнул Яромира по плечу и вернулся на место.

— И давай, кота за хвост не тяни. Сейчас же топай к кузнецу, если он живой ещё... Скажешь, что мною велено тебя снарядить. Что нужно — он выдаст. Я всё сказал, пошёл, пошёл, нечего рассиживаться!

Рознег махнул рукой, указывая Яромиру на калитку.

В горле так пересохло, что Яромир не упустил момента осушить кружку, после чего поклонился Рознегу.

— Как мне их узнать, коли найду?

— Дай подумать... — старшина задумчиво накрутил ус на палец. — Феол — одноглазый и никуда без своего щита не ходит. Твердит, что удачу приносит. Вот и поглядим... Узнаешь его по медвежьей морде на умбаре!

— Будем надеяться, что так... — сухо ответил Яромир. — Гой еси, старшина, будут тебе вести.

— И ты будь здоров, богатырь, ныне и присно! И от круга до круга! — сурово кивнул ему Рознег. — Обожди. Там в бревне, возле столба позорного, нож засапожный воткнул. Ножны я от него тебе уже дал. Возьми и сталь — пригодится.

Яромир благодарно поклонился и, выйдя от старшины, прихватил с бревна клинок, длинною в ладонь, вложил его в ножны, засунул в сапог и отправился к кузнецу.

Он прекрасно помнил, что отец дал ему всего два дня на все про всё, но не отпускало стойкое чувство тревоги, что даже тремя днями тут дело не обойдется...

«Раз другого пути нет, придётся поспешать» — фыркнул про себя Яромир и ускорил шаг.

Когда Яромир дошел до кузни, то застал её ворота открытыми. Он осторожно заглянул внутрь, в душе надеясь не застать там Горыню, и с облегчением выдохнул, увидев внутри лишь сына Аяра — Эйду.

Эйда увлеченно полировал выгравированный старым письмом клинок и напевал под нос какой-то очень знакомый Яромиру мотив.

Яромир огляделся. Кузница у Аяра была добротной: кузнечный горн, наковальня, точильные камни, всевозможные щипцы, прихваты, молотки и кувалды. Любой кузнец бы мог позавидовать, но сейчас времени любоваться у него не было.

Он громко постучал в опорный столб:

— Здрав будь, кузнечий сын, где мне батьку твоего сыскать?

Эйда от неожиданности выронил клинок из рук, но, увидев в дверном проёме Яромира, расплылся в улыбке.

— И тебе здоровья, Яромир! — Знамо где — вусмерть пьяный, дома спит. Так папенька накушался, что еще дня два голову от кровати не поднимет. Я за него.

— Дело такое... Рознег меня на болота отправил. Мне бы железа какого-нибудь, — начал Яромир, рассматривая инструменты, развешанные вдоль балок. — Если есть серебро — ещё лучше. Ах, да и кольчуга или броня какая тоже не помешала бы.

— Эх, в нынешние времена с хорошей сталью тяжело, а про серебро совсем молчу. — Эйда беспомощно развёл руки в стороны. — Староста же велел всё людям пораздать, пока война не утихнет, а что из казенного осталось, то мне разбазаривать не можно. Батька узнает — зашибёт! Хотя, знаешь, есть у меня кое-что. Обожди тут.

Эйда скрылся в соседней комнате, недолго погремел железом и вернулся обратно к Яромиру.

— Вот, нашёл! — Эйда гордо протянул Яромиру, криво отлитый клинок. — Сам ковал! Почти полтора аршина в длину и три фунта весу, кожаная рукоять. Понимаю, не самая искусная работа, но...

— Большого и не надо. — перебил его Яромир принимая протянутый меч. — А вот этс дашь?

Он указал на толстый охотничий клинок, длинною в полторы ладони, с искусно вырезанной рукоятью, который Аяр выставил на самом видном месте — над горном.

— Батькина гордость. — неуверенно покачал головой Эйда. — Его — никак нельзя.

— Отдам тройную цену, коли что случится. И, раз говоришь, два дня ещё Аяр спать будет, того и гляди, как я уже вернусь и на место положишь цацку.

Эйда недолго переминался с ноги на ногу, после чего махнул рукой:

— Отдашь четыре и сапоги!

— По рукам! — Яромир спешно зацепил кинжал за пояс, пока Эйда ещё не передумал.

Учиться пареньку ещё и учиться, как правильно торговаться...

Тут на глаза Яромиру попался широкий чан, наполненный водой для закалки железа. Во рту пересохло, голова гудела, тело трусило. Яромир не смог устоять, и запустил голову в чан по самые плечи. Прохладная вода, как будто подарила ему вторую жизнь.

— Эх! Вот теперь и жить можно! — Яромир неряшливо стряхнул воду с головы, забрызгав фартук Эйды. — Ну, Эйда, бывай!

— Гой еси, Яромир! Лишь бы болото тебя не забрало!

— Где наша не пропадала?! — загадочно улыбнулся Яромир и покинул кузницу.

Яромир быстрым шагом вернулся к Ермоле.

Когда он подошёл к ограде, то никого на дворе не застал, зато из дома доносился громкий шум и детский смех.

Яромир разулся перед крыльцом, снял со спины меч и, постучавшись, вошёл в дом. Две комнаты, отдельная кухня, вместительные сени — что ещё нужно для большой семьи?

Ермола и дети обедали за большим столом. Офела что-то колдовала над кашей возле печи.

Дети первыми увидели Яромира и тут же налетели на него с радостными визгами, но Офела быстро спровадила их в другую комнату, оставив Матвея за старшего.

— Вернулся? Ну, садись! — Ермола указал Яромиру на свободный стул. — Жена, накрой гостю!

— Сама знаю! — Офела стукнула Ермолу черпаком по плечу. — Не указывай!

— Вот баба... — процедил Ермола сквозь зубы, пригрозив в ответ кулаком, и обратился к Яромиру. — Рассказывай, чего там старшина? Порол?

— Не видишь, устал человек, голодный, а ты со своими расспросами лезешь! — Офела поставила Яромиру кружку молока. — Поешь сперва, легче станет!

— И всё же, ты не томи?! — Ермола подтолкнул руку Яромира.

Тот залпом осушил кружку и лишь потом ответил:

— Слово в слово, как ты и говорил. Топать мне напрямиком на болота...

Офела поставила перед Яромиром тарелку с гречкой и дала ложку.

— Так и знал... — Ермола нетерпеливо почесал затылок. — Будет тебе скакун, коли обещал. — Пойду снаряжу, а ты пока отобедай спокойно. Жена, ну-ка, собери богатыря в дорогу! Чай, на подвиг идёт!

Офела всплила и швырнула в Ермолу луковицей, но тот ловко увернулся, подмигнул ей в ответ и поспешил на улицу.

Каша лезла с трудом, и Яромир с через силу, но доел. Не обижать же хозяйку.

Настало время и ему собираться в дорогу.

Яромир проверил меч, острота лезвия которого оставляло желать лучшего. Этому тоже ещё учиться Эйде и учиться. Благо, дело поправимое, поэтому Яромир взял в сарае точило и разместился возле колодца на деревянном приступке.

Немного терпения и клинок будет самым острым в округе. Яромир это умел. Старик научил.

Спустя некоторое время к нему подошла Офела:

— Яромир отложи в сторону свою железку... Муж с братом хотели это тебе на отъезд подарить, но я подумала, что сейчас полезней будет.

Офела подала Яромиру прекрасно пошитый кожаный нагрудник.

— Умница моя, — Ермола незаметно подкрался к ней сзади и поцеловал в щёку. — Как всегда — везде успеваешь! Как тебе? — обратился он теперь к Яромиру. — Глянь, вываренная бычья кожа толщиной в вершок. От стрелы или копья, конечно, не защитит, но уже и не рубаха. Я же его до кучи ещё и травами окурил, чтоб нечисть боялась...

Он отложил точило, накинул нагрудник на плечи и затянул ремни. Кожа пахла зверобоем и лавандой.

«Ну да, ну да,» — наивность Ермолы, относительно болотных тварей, заставила Яромира улыбнуться. — «С таким набором разве что на вурдалаков ходить... И всё же лучше, чем ничего.»

— Ну, что скажешь? Удобный? — Офела заботливо поправила завязки на боку.

— Отлично сел! — Яромир помахал руками и понаклонялся в разные стороны. — Нигде не давит, двигаться не мешает... Низкий поклон вам и Ерёме передайте.

— Сам передашь, как вернёшься! Я там коня приготовил. Так что собирайся и пошли.

Яромир неспеша поднял меч и ножны, и они вместе с Ермолой направились к конюшне.

— Вот, Яромир, конь твой ратный! — восторженно воскликнул Ермола, указывая на привязанного к пряслу, запряженного скакуна.

— Сраная же... это что такое?! — пораженно воскликнул Яромир и обхватил голову руками.

Перед ними стояла старая худая кляча больного, пепельного окраса. Вид у коня был, мягко сказать, немощный и бесполезный.

— Издеваешься?! Он же и десяти вёрст не проскачет! Ещё на полпути до топей копыта откинёт! Другой-то кобылы не нашлось?

Конь, услышав брань Яромира, надменно фыркнул.

— Ты тише, тише. Он и обидеться может, тогда вообще пешком поковыляешь! — Ермола подошел к коню и осторожно погладил его по гриве. — Лучшего скакуна из тех, что остались не найти, а боевых, да что помоложе — старшина в дружину определил. Вот лишь он и остался — Сизый. Всем коням конь! Ты не гляди, что он на вид дохлый. Сизый столько битв прошёл, что опасность крупом за версту учует! Вот, дай ему морковь. Шибко он её любит. Задобри скотину, а то так никуда не поедете...

Яромир принял от Ермолы морковь и пристально посмотрел в глаза скакуна.

— Значит, Сизый. Да-а, дареному коню в зубы не смотрят...

Яромир настойчиво протянул Сизому лакомство. Тот, с осторожностью косясь на только что хающего его богатыря, вытянул шею, передними зубами зацепил морковь и тут же с большой радостью ей захрустел.

— Прав ты, Ермола. Присмотреться если, то вовсе и не глупая скотина. Вроде... Повезёт ему, если живым вернётся.

— Чего ж не вернутся-то? — Ермола недовольно нахмурился. — Сам же говорил, что нет там ничего!

— Говорил-то — говорил, да сердце неладное чует. И чем ближе к выезду, тем сильнее это противное чувство...

— Не трухай! Смотри лучше седло какое! Совсем новое! Вот, даже накидку тебе лучшую завернул...

— И на этом тебе спасибо огромное! Что бы я без вас делал?

Яромир по-братски положил руку на плечо Ермолы, а после закрепил ножны под

плащом, проверил стремена и ремни.

Всё было готово к дороге.

— Ну, бывай, Ермола, не поминайте лихом! Ежели не вернусь за два дня, то немедля за отцом шлите. Значит, беда приключилась.

— Бывай, Яромир, да присмотрит за тобой Перун! И это... Если что, то ты на рожон не лезь. Жизнь она ведь того — одна.

Они крепко обнялись и похлопали друг друга по спине. Неожиданно, Яромир резко отскочил и скорчился от боли.

— Извини, запамятовал, — виновато пожал плечами Ермола. — Давай помогу запрыгнуть?

— Спасибо, уж сам. — Яромир с трудом натянул улыбку и, кряхтя, залез на спину Сизого.

Седло и, правда, оказалось очень удобным. Только Яромир поставил ноги в стремена, как голова резко закружилась и разболелась пуще прежнего. Похмелье никак не желало его отпускать.

— Ох-х... да когда же это закончится... — Яромир с болезненным видом приложил ладонь ко лбу.

— погоди, есть у меня надёжное средство... — Ермола задорно похлопал Яромира по ноге и побежал в конюшню.

Тут подошла и Офела:

— Я, вот, собрала немного в дорогу. Припарка, что обещала — тоже там.

Она протянула Яромиру два узелка и взяла его за руку.

— Да сотворятся деяния твои! Во славу богов и предков! Ныне и присно и от круга до круга! Офела сильно сжала руку Яромира. — У меня прямо душа не на месте...

— Таки было, таки есть, таки будет! Спасибо, Офела, за всё! — успокаивающе улыбнулся в ответ Яромир и привязал узелки к седлу.

Уже вернулся и Ермола, держа в руках бурдюк из кроличьей шкуры.

— Вот, это точно тебе поможет! — Ермола хитро подмигнул Яромиру, прикрепляя бурдюк к седлу! — Потом ещё спасибо скажешь!

— Ах, вот оно как?! Значит, тихушничает, свинота?! — Офела сдёрнула платок с головы и с угрожающим видом надвинулась на Ермолу. — Ну-ка, прохиндей, показывай, чего ты там ещё от меня прячешь! Заливаешь, скотина, пока я с детьми вожусь, да?! Ну, я тебе сейчас покажу!

— Голубушка, птичка, рыбка, зайка моя, то — исключительно в лечебных целях! — Ермола увернулся от брошенной Офелой оплеухи и припустил Сизого по крупу. — Так, Яромир, кажется тебе пора!

Конь заржал и рванул с места. Такой прыти Яромир от старой клячи явно не ожидал. На удивление и на ногу Сизый оказался довольно лёгок.

Яромир ещё какое-то время слышал ругань Офелы, но, как говорят старики: «милые бранятся — только тешатся».

Когда Яромир снова проходил мимо дома Ерёмы, то подметил, что столы перенесли во двор и продолжали гулять свадьбу уже там.

Второй день гуляний шёл во всю, но Яромиру было уже не до веселья.

Хотя чертовски манили деревенские девки, чьи полные желания и восхищения взгляды он ловил на себе чуть ли не с каждого двора. И только стоило ему обернуться, как те тут же

кокетливо прятались за оградой.

А всего лишь стоило остановиться у одной такой и... Но нет, дело важнее!

Яромир, явно довольный таким вниманием, расплылся в самодовольной улыбке, игриво подбил Сизого под бока, и припустил галопом.

Глава 7: «Со мной не пропадёшь, кляча!»

Когда Яромир добрался до лесополосы, то заметил впереди вооруженную кучку людей. Он придержал Сизого и перевёл на рысь.

Пять человек выстроились в ряд, а перед ними, с очень важным видом, выхаживал Рознег. Яромир узнал его по блестящей на солнце залысине и пышным, длинным усам.

— А ну, становись, раз-два! Быстрее, морды синюшные..., чтоб вас козлы драли! И так дел невпоровот, ещё с вами возиться!

Яромир поравнялся со старшиной, но тот останавливать его не стал. Лишь коротким, одобрительным кивком велел продолжить путь, а сам принялся раздавать приказы заступающим в дозор мужикам.

Этот день выдался таким же жарким, как и предыдущий, поэтому Яромир старался больше не подгонять Сизого. До ближайшей воды ещё ехать и ехать, а предоставленный Ермолой конь не внушал Яромиру особого доверия.

Пожалуй, стоит поберечь скотину, мало ли что им встретится на пути... Да и после таких гуляний не очень хотелось перебирать своими двоими под палящим солнцем.

А похмелье всё никак не желало отступить и продолжало мучать Яромира невыносимой жаждой.

— Лучше бы я помер вчера... — простонал Яромир, массируя ноющие виски большими пальцами.

Он, конечно, слышал о похмелье, но даже и представить не мог, чтобы насколько это неприятное состояние.

Яромир достал Ермолин бурдюк и страшно разочаровался, что вместо чистой воды в нём оказалась кислая медовуха.

Пить хотелось так сильно, что Яромир сконфузился, задержал дыхание и всё же решился сделать несколько глотков этого отвратного поила.

Поплевался, дважды выругался, но с признательностью к другу подметил, что Ермола оказался прав — медовуха помогла, стало гораздо легче.

Сизый, несмотря на болезненный вид, двигался легко и размерено, так что Яромир постарался расслабиться в седле. Слепцы и мошка не давали покоя, то и дело стараясь укусить побольнее, от чего сильно нервничал Сизый.

Яромир пошарил в сумке на седле и нашел небольшой пузырёк с маслом гвоздики и хвоей.

Без этого масла летом в дорогу можно и вовсе не собираться — сожрут. В жару насекомые — самые докучающие твари.

Он смазал маслом открытые части рук и шею.

Наконец, можно полностью расслабиться...

Дорога до Туманных топей пролежала через ржаное поле, на котором тут и там виднелись полевые, занятые рутинной работой. От постоянного нахождения под палящим солнцем их кожа настолько потемнела, что полевых можно было легко принять за жителей Песчаных земель.

Люди песков... Кожа, как уголь, так замотанные в тряпки, что виднелись только лишь одни глаза.

Однажды Яромиру довелось встретить их, в детстве. Тогда старика наняли для защиты каравана от упырей и вурдалаков.

Яромир и Сизый доехали до заброшенной мельницы.

Хорошее место, чтобы перевести дух!

Он тяжело сполз с Сизого и закрепил поводья на ещё сохранившейся коновязи. С этой же стороны от мельницы как раз падала густая тень. Сам же Яромир взял ещё медовухи и расположился рядом.

От действия Ермолиного эликсира тело перестало болеть и всё вокруг немного поплыло. Яромир снова почувствовал себя опьянённым. Перестали ныть синяки и ссадины, а настроение стремительно поползло вверх.

Он огляделся и воспоминания нахлынули сами собой:

— Эй, Сизый, — задорно бросил Яромир жадно жующему рожь коню. — представь, целых семь зим прошло, как с отцом именно возле этой развалюхи полуденницу ловили. Ох и хитрая же тварь была... Люди днём в поле выйдут, так она за ними... и машет косою в разные стороны. Сама старая, бледная, волосы склоченные, всё через неё видать — мерзкая. Ага... Косою кого зацепит, так рана потом гноится и подолгу не заживает. Одному полевому даже ногу пришлось оттяпать — зачернела. Грязная нечисть...! А эта, полуденница, знаешь, злобная, как лесной чёрт... Отца же и позвали, что она троих полевых насмерть... Ага... Мужиков страсть как ненавидела. Те только в лесу от неё спрятаться могли. Знаешь почему в лесу? А потому, что отец говорит, там своих тварей хватает — не её владения. Ход ей туда закрыт!

Яромир сделал несколько глубоких глотков из бурдюка с медовухой.

— Хитрая же тварь была... Нас только заприметит, так сразу среди колосьев растворяется. Чувала, скотина, что за ней пришли. И так несколько дней подряд... Ходили тогда по людям, спрашивали, давно ли повелась, что именно могло её озлобить. Так, представь: как раз-таки именно тут, на этом месте, старый мельник девку напоил, опозорил и придушил, а тело вон там закопал.

Яромир указал пальцем на пустой от травы участок земли.

— Видишь, не вру, из-за этой дряни до сих пор ничего не растёт... Мельник в этот же день так нажрался, что заполз в лес, где его волки и обглодали до косточек, а девка так и осталась по полям ходить, в поисках мести. Только виноватого-то уже не сыщешь. Попросту мстить некому уже было, вот она, с дуру, порешала, что все мужики скоты и сволочи, потому извести их надобно на корню... Отец же и нашёл это место. Угу... Сказал тогда, что будем ловить тварь на живца. А знаешь кого выбрали живцом?! Меня!

Яромир залпом осушил остатки медовухи в бурдюке.

— Нарядили меня в лохмотья, овечьей шерстью облепили... Посмотришь: ну чем не старик-мельник? А мне знаешь, как жутко было?! Он меня в поле выгнал, а у меня руки-ноги трясутся... А стерва как косу выхватит, как завизжит и за мной! Я драпал, драпал, в тряпках запутался и пал, представь, прямо перед ней. Думал всё, хана... Благо вспомнил, что отец наказал. Он мне клинок дал, точно..., лезвие серебряное, я им прямо в морду твари тыкнул. Она как завизжит пуще прежнего... Чуть не оглох! Тут и отец подоспел, а она его увидела и тикать.

Яромир поднялся и подошел к лысому участку земли.

— Ага... Отец наказал, вытряхнуть на её кости мешочек с серебряной пылью, вот я и вытряхнул. Самому страшно, сопли, слюни... Всякое я уже тогда видел, но, чтобы духа злого — не-а! А дух взял и тело обрел, от пыли, только не на долго. Отец цепь тогда у Аяра брал — серебряную. Он её на духа накинул и держал, а я лопату хватить и бегом сюда. В землю воткнул, а тут кости человеческие. Помню, отец кричал, чтобы кости в тряпки завернул и какой-то пузырёк с жижой зелёной — вроде бы был спирт и зверобой — туда вылил... Тут тварь как вырвется, как на меня бросится... Представь, он у самого носа моего косу остановил, посохом своим! Вот мастрота, конечно... Так я ещё и кремнем по огниву не сразу попал, руки-то трясутся. Но, правда, потом всё же попал... Всё как полыхнёт зелёным пламенем. Брови даже подпалил! Братья потом долгое время смеялись... А тварь визг подняла, думал голова лопнет, волосы на себе рвать давай. Бултыхалась, бултыхалась и в воздухе растворилась...

Яромир отвязал сизого от коновязи, с трудом залез к нему на спину, и они снова продолжили путь.

— Вот так, Сизый, и живём. В деревню вернулись, так Добромил телёнка — Мурку, — нам дал и мешок муки на зиму. Как щас помню: все отца хвалили, а мне только петушка на палочке дали и ватрушку. Получается, что работу-то мы вместе делали, а вся слава ему одному. И так всегда...!

Яромир рьяно подбил Сизого под бока и тот заметно ускорил шаг.

— Так-то он всегда дело говорит. Только меня ни во что не ставит. Видите-ли — мал я ещё, не дорос... А боруту голову кто снял? Опять я! Ага... Отец шубу из овчины получил, а я — синяки и шишки, голову несколько дней поднять не мог. Нельзя, говорит, силу показывать, так и толку тогда от неё, раз она только на хозяйство и тратится? Бревна перетаскай, сено накоси, дров наруби, а как чего коснись, так «Яромир, вперёд!» ... Всё учит, да учит... Травничество, звездочетство, письмо... Дело ратное — так то, вообще, с утра до ночи. Значит, Сизый, решено! Вот он — мой час! Как найду мужиков, как верну старшине — будет мне слава! И Верею в жены заберу! Знаешь, какая она красивая...?! Ага, глаза зелёные-зелёные... Плевать, что отец скажет! Хватит с меня его заботы! А ну, Сизый, айда!

Яромир больно ударил Сизого пятками в бока. Конь недовольно фыркнул и неохотно перешел на бег, по пути разогнав коров пастуха. Пастух было выкрикнул в спину Яромира ругательства, но тот уже ничего не услышал.

Долгое отсутствие тени позволило медовухе окончательно одурманить Яромира, склонив его ко сну. Тут же, сам собой, он вспомнил, что за песню напевал в кузнице Эйда, и негромко затянул:

Ой, ты степь широкая моя!
Я готов принять смертельный бой.
Оседлаю я ретивого коня
И пушусь галопом за судьбой.

Знаю, что мой самый злейший враг
Словно коршун навис над землёй.
Мне же нужно сделать только шаг,
Чтобы встать пред ним живой стеной.

Чтобы не прошёл через порог!
Чтоб не смог он дом мой разорить!
Чтоб народ мой жить спокойно мог!
Должен в этой битве победить.

Ой, ты степь широкая моя!
В поле выйдут биться мужики.
Им поможет мать сыра-земля,
Чтоб живыми всем домой прийти.

И повергнут будет страшный враг!
Свою землю кровью отстоим!
Ну, а после, с радостью в глазах,
Мы вернёмся к женам и родным.

Вновь мой конь закусит удила.
Выйдем в поле, перейдём в галоп.
Степь напомнит ратные дела.
Я живой! Да Сварог уберёт!

Тем временем впереди показались верхушки деревьев туманных топей.

Мошка прекратила докучать, зато прячущиеся в тени комары вышли на охоту и стали назойливо пищать над ухом Яромира.

— Ну что, Сизый, доводилось бывать на болотах?

Яромир прихлопнул толстого слепца присосавшегося к шее Сизого, от чего тот недовольно фыркнул.

— Ишь ты какой?! Вот отдам тебя водяному, будешь знать! Так что я? Ах, да... Мало того, что кругом одна трясина и камыш, так туман такой — хоть глаз выколи. Ага... Я же тут всё детство провёл, отец учил охотиться. Мавки там, болотники, бесы, мелочь всякая... А про водяного я пошутил — не водятся тут такие.

Только они проехали первые ряды ивовых деревьев, как под копытами Сизого начал стелиться туман. Конь стал нервно дергаться и ржать. Яромиру пришлось больно подбить его под бока, чтобы животное успокоилось.

— Не выделывайся, кляча. Я с тобой.

Яромир дернул поводья и Сизый медленно двинулся по туманной тропе.

— Местные тут любопытные... Мавки, например, купцов любят. Знают, что те всякие побрякушки блестящие возят. Они, как вороны — падкие на всё, что блестит. Притворится такая бабой бедовой, слезами заливается и манит к себе, манит... Околдовывают мужиков, те в воду и лезут. В камыши зашёл — считай покойник. Мавка зубищами в ногу вцепится, сухожилия перекусит и топит. Мелкие и дохлые, поэтому никогда по одной не охотятся, чтоб такая вкусная скотинка, как ты, далеко не убежала. Не страшно?

Сизый и ухом не повёл, продолжая спокойно углубляться всё дальше в глубину леса.

— Не из трусливых значит? Ну, тогда слушай дальше. Есть ещё болотники — это такой ядовитый холодец. Сидит болотник среди тины, куском грязи притворится, а ты наступишь на него, и нога тут же отнимется. Он же, сволочь, присосётся и как улитка к голове

поползёт. Жуть одна. Ага... Задушит жертву и переваривает... Старик же меня так мучал. Называл это — тренировкой. Знаешь, откуда у меня эти шрамы?

Яромир протянул к морде Сизого руки, показывая длинные, зарубцевавшиеся нити ожогов.

— Держал он одного такого болотника в бочке за сараем. Даст мне травинку борца и заставлял в эту гадкую жижу руки и ноги пихать, чтоб шкура привыкала. Представь! Мне же всего зим восемь было... Теперь совсем ничего не чувствую, так, ну, если только в пальцах покалывает немного и щекотит. Ещё, конечно, раньше бесы водились, но их мы повывели всех. Тьфу! Недотрупоеды. Сами с кошку, все облезлые, пальцы костлявые и когти, как у ястреба — крючком. Да-а... Бошки, какие-то круглые, и глазища... большие такие, черные, как смоль. Так-то они не страшнее лис, только повадились у деревенских мелкую скотину воровать. Вроде бы, обычное дело скажешь, но нет. Обнаглели на столько, что стали и детей уносить. Так старшина за голову спохватился и тот час за нами послал. Ох и славная же тогда выдалась охота... теперь и за несколько верст ни одного беса не сыщешь.

От долгих разговоров в горле снова пересохло и Яромир залпом осушил уже свой бурдюк с водой.

— Но самой страшной нечистью на топях отец всегда называл водяного. Твердил, что даже ему не хватит сил с тварью такой совладать. Попадись водяному посреди болота, так тот руки-ноги повьдёргивает и кровь досуха высосет. Мол, всего один такой целую княжескую дружину при Волчьих полях на куски порвал... Малым был — боялся, а теперь и водяному покажу, что такое силушка богатырская!

Яромир и не заметил, как они уже ехали по поросшей мхом тропе, забираясь всё дальше и дальше, вглубь болот. Он поднял голову и увидел среди плотной кроны деревьев первые звёзды.

Нужно поспешить найти место для ночлега. Конь нервно дёрнулся и недовольно зашлёпал губами, за что снова получил пятками под рёбра, для успокоения.

— Не дрыгайся раньше времени! Найдем мы с тобой мужиков, да дальше пировать поедем. Так уж и быть, тебе тоже браги поставим, за службу...

Яромир огляделся: среди топей виднелось место, где на вид вода была чистой, без тины. Он спрыгнул с коня, взял его за поводья и подвел к краю.

Сизый так жадно начал хлебать воду, будто это он страдал от жуткого похмелья, а не Яромир.

Тот же, вслед за Сизым, тоже припал на колени, умылся и облил голову, чтобы хоть как-то привести себя в чувства и взбодриться. На Туманных топях нельзя раскисать и нужно всегда оставаться настороже.

Тем временем Сизый заходил все дальше в воду, как вдруг, прямо перед его мордой, раздался слабый треск сухого камыша. Конь дёрнулся, заржал и поспешно попятился назад.

Яромир среагировал мгновенно.

Молниеносным движением он подлетел к коню, выхватил из седла железный клинок и, как копьё, метнул его в камыши.

Раздался плеск воды и тихий писк испускающего жизнь существа.

— Срань болотная... — тихо выругался Яромир и, по колени в воде, побрёл за оружием.

Нападавшим оказалась мавка, пригвожденная мечом к гниющему среди тины и грязи бревну. Взрослая, худая, с нетипичным для них цветом чешуи. Вместо изумрудно-бирюзовой — иссиня-бледная. Такая же бледная кожа плотно облегалась остро выступающие кости.

Тут же, справа, раздался новый всплеск. Яромир резко завалился на левый бок и, падая, выхватил из-за пояса нож Аяра, выставив его в сторону нападающего. Острая сталь прошлась по брюху выскочившей из камыша мавки, как нож по маслу.

Яромир встал, обтер лицо рукавом, схватил вторую тварь за хвост и поднял над головой.

Мавка — самец, бледный, худой, как скелет, с огромными черными глазами и мелкими острыми, как бритва, зубами.

Яромир с отвращением выбросил мертвую, склизкую тушку обратно в камыши и неспеша омыл лезвие в воде.

«Что-то не так, раз уже на подходе нападают». — Яромир прижал сапогом первую мавку к бревну и выдернул меч. — «Что-то нечисть сюда гонит. Или кто-то... Главное, чтобы оно не нашло меня первым.»

Проскочила мысль бросить всё и вернуться за отцом, но Яромир тут же постарался отогнать её:

«Ну уж нет! В этот раз сам справлюсь!»

Яромир нарвал осоки, отёр клинок от синей крови мавки и пошёл за Сизым, который с испуга ускакал далеко вперёд и с опаской выглядывал из-за толстой сосны.

— Со мной не пропадёшь, кляча! — насмешливо крикнул Яромир, снял сапог и вылил из него воду.

Яромир взял упирающегося коня за узду и вернулся к воде. На этот раз он зацепил Сизого за обломанную ветку упавшей берёзы.

На всякий случай Яромир зажевал несколько побегов борца. Нужно оставаться готовым ко всему.

Борец имела ярко кислый запах и была еще более кислой на вкус.

Яромир окинул задумчивым взглядом Сизого и сорвал ещё травы.

Сизый решил отказаться от любезно предложенного Яромиром борца и отвернул голову в сторону, при этом многозначительно фыркнув.

— Ах, привередливый?! Значит, будем по-плохому...

Яромир поймал голову Сизого подмышку и зажал ноздри ладонью.

Ему с легкостью хватило сил удержать брыкающегося скакуна, пока тот не открыл пасть, куда богатырь насильно затолкал борец. Яромир дождался, пока конь не проглотил траву, только после чего его и отпустил.

— Ничего, ничего, мы с тобой ещё споёмся! — Яромир рассмеялся, потрепал Сизого по загривку и отвязал поводья.

Конь, ещё пуще фыркая, с опаской вернулся к воде, чтобы запить чудо-траву.

Яромир подошел к седлу и достал из свертка, данного ему Офелой, кусок вяленого мяса и отломил краюху ржаного хлеба.

Жуя на ходу, он прошёлся по болоту, нашёл чистую воду, наполнив до краев оба бурдюка.

Кто его знает, что их ждало впереди...?

После пополнения запасов он вновь вышел к дороге.

«Здесь должны остаться следы. Не по воздуху же они порхали?»

Трава под ногами была примята и поломана. На земле, среди мха, чувствовались многочисленные, глубокие следы от ног и копыт. Чуть дальше виднелись остатки пепла от наспех потушенного костра.

«Здесь мужики сделали привал...» — Яромир взял горстку пепла и растёр его между

пальцами. — «Уходили быстро. Скорее всего их что-то спугнуло...»

Яромир получше осмотрелся и вернулся к коню:

— Видел, Сизый?! Как старшина и говорил — приехало их восемь, только дальше следов уже семь. Видать, болото кого-то да забрало. Какое-то у меня очень нехорошее предчувствие... Как считаешь?

Сизый в ответ лишь глупо похлопал глазами.

— Пора продолжать путь, пока не окончательно стемнело. — Яромир оседлал Сизого, и они двинулись дальше.

Солнце уже практически не пробивалось сквозь крону деревьев, но ведущую вглубь топей дорогу всё ещё удавалось разглядеть.

Последние знакомые Яромиру деревья закончились. Дальше они со стариком уже не ходили. Дальше властвовал туман.

Яромир притормозил Сизого и спрыгнул проверить следы.

Нужно было убедиться, что они идут в правильном направлении.

Вмятины от копыт всё так же продолжали уходить дальше, глубже и глубже погружая путников в туман.

Яромир встал и огляделся. По спине пробежали мурашки. Недобрый знак.

— Не помнишь, Сизый, мы тут уже были? — спросил Яромир у тяжело дышавшего коня.

Сизый, на вид, оставался совершенно спокойным, что немного успокаивало и Яромира.

— Попробуй в этом проклятом тумане хоть что-то разбери! Перун его дери, будто заколдованный!

Яромир запрыгнул на Сизого, и они скрылись в тумане.

Глава 8: «Вдохнул, выдохнул — и вперёд!»

В тумане, где-то вдалеке, слышался волчий вой. Лёгкий ветерок шуршал кронами деревьев. Тут и там стрекотали сверчки и ухали совы. Редко, в ближайших камышах плакала девушка, но Яромир прекрасно знал, что это снова мавки балуются.

С последней стоянки его так и не отпускало ощущение, что за ними опять кто-то следит.

— Не Патша-ли, собака эта, на нас охотится, как думаешь, Сизый?

Яромир потрепал недовольного коня по загривку.

Сам же Яромир уже давно потерял счёт времени. Благо, яркая луна хорошо освещала путь, рассеивая туман впереди.

Они изредка останавливались и Яромир проверял дорогу. Следы продолжали их вести в нужном направлении, всё дальше и дальше в глубину топей.

Поворот, другой и пелена тумана стала рассеялась, открыв перед Яромиром любопытную картину.

Его встретило туманное озеро, в середине которого виднелся высокий холм с иссохшим дубом на вершине. Луна отлично освещала необычную возвышенность, но что-то разглядеть в туманной глади всё ещё оставалось невозможным.

От этого места по спине Яромира пробежала неприятная дрожь.

Яромир остановил Сизого на возвышенности, перед склоном, спрыгнул на землю и, держа коня за поводья, склонился над дорогой.

«Здесь много топтались. Остановились и спустились дальше. Двое пошли самыми

последними, совсем рядом друг с другом...»

Яромир подошёл к краю, где склон только начинал скрываться в тумане и провёл рукой по влажной траве.

В мягкой почве, среди вмятин от копыт, Яромир почувствовал следы от сапог, повёрнутые к нему носками.

«Кто-то из них всё-таки вернулся?»

Яромир обернулся, в надежде на то, что он всё-таки что-то упустил, но за спиной продолжения следов не увидел.

Они будто оборвались ровно на этом месте.

Он немного продвинулся по склону и обнаружил среди мха глубокие борозды от пальцев.

— Они спустились, — Яромир говорил тихо, сам с собой. — Один вернулся, поскользнулся и полез на верх. Цеплялся пальцами и выбрался, но дальше... Почему же следы обрываются?

Яромира охватило неприятное, давящее грудь чувство — страх. Он не знал с чем имеет дело, но был полностью убеждён, что там, внизу, его ждали далеко не только пропавшие дозорные.

Страсть как захотелось вернуться за отцом, но Яромир вновь поспешил поскорее прогнать эту мысль.

Сегодня он должен сделать это сам и точка!

Он посмотрел на Сизого, непоколебимое спокойствие которого немного успокоило мандраж.

— Кто я — девка сопливая или богатырь, в конце-то концов?! — вызывающе бросил Яромир Сизому. — Тебе самому разве не любопытно, что там? Давай, одним глазком глянем и назад? К старшине же с пустыми руками не вернёшься, будет пальцем тыкать, мол — трухло! А я разве трухло?! Совсем не трухло! Вон, сколько чудишь поборол, а тут какой-то туман ... Ну, Сизый, айда...! Вдохнул, выдохнул — и вперёд!

Яромир лихо вскочил на спину Сизого, дернул поводья, и они стали медленно погружаться в туманное озеро.

Сизый сделал несколько шагов, как относительно сухая дорога резко прекратилась и под копытами захлюпала болотная жижа.

Яромир же с осторожностью повёл коня дальше. Благо, что трясины оказалась неглубокой — лишь немногим выше копыта Сизого.

«Это хорошо, если что можно будет убежать.» — Яромир уже заранее начал продумывать план возможного отступления.

Но, чем дальше они заходили в туман, тем всё тревожнее становилось Яромиру.

Не выдержав внутреннего напряжения, он остановил Сизого и вслушался в пустоту, но кроме тяжелого дыхания коня вокруг не было слышно ни звука.

Глаза привыкли к темноте и Яромир смог разглядеть, что скрывал за собой туман: разрушенные, полусгнившие телеги и повозки, разлагающиеся трупы людей и животных, остатки ящиков, тканей, кувшинов и прочих мелочей, что возили торговцы. Мечи, пики, щиты, топоры и булавы — то, что принадлежало наёмникам, их сопровождавшим.

Резкий запах трупной гнили ударил в нос Яромира и его вывернуло.

«Вот и протрезвел...» — Яромир вытер рот рукавом, как что-то под копытом Сизого треснуло. От неожиданности конь заржал и поднялся на дыбы.

Яромир среагировал быстро. Чтобы не слететь с коня он обхватил поводья вокруг руки и сам спрыгнул вниз.

— А ну, кляча трусливая, успокоился!

Резкий рывок на себя и животное снова стало покорным.

— Спасибо, теперь вся округа знает, что мы тут! — с укором прошипел он на Сизого, как справа, в тине, что-то привлекло взгляд. — Постой, а это что?

Яромир подошёл поближе.

Вокруг были разбросаны части человеческих и лошадиных тел, но не таких как те, что он встретил по пути. У этих ткани только начали гниение, можно сказать — оставались ещё свежими.

Яромир нутром почувствовал, что это и есть те самые дозорные Рознега.

Вновь накатила рвота, но на этот раз Яромир сумел удержаться.

«Что же могло с ними такое сделать?»

Яромир, морщась и задержав дыхание, приблизился к одному из тел: конечности оторваны, доспехи разодраны до самых костей и тело совершенно высушено — обескровлено.

Рядом с трупом из воды торчал железный обод щита. Яромир сделал небольшое усилие и вырвал его из цепкой болотной жижи.

К разочарованию Яромира, оторванная рука владельца всё ещё продолжала оставаться пристёгнутой к ремням. Пришлось постараться, чтобы освободить её и очистить лицо щита от тины.

Ещё больше Яромира опечалило, что на умбаре красовалась огромная медвежья морда:

«Вот и Феол...» — печально заключил он. — «Что бы на них не напало, но у них не было ни шанса...»

Неожиданно, тишину нарушил громкий всплеск воды.

Яромир замер. Сердце бешено заколотилось.

«Впрочем, как нет и у меня...» — всем нутром он почувствовал, что этот всплеск был далеко не случайным.

Нужно быть полным глупцом, чтобы просто так стоять и ждать, пока на них нападут.

К тому же... кто нападёт? А сражаться наобум, без должной подготовки — ещё большее безрассудство. Куда уж — чистое безумие и самоубийство!

— Ну, Сизый, мы нашли, что искали... Пора уносить ноги!

Яромир бросил щит, в одно мгновение оказался верхом на Сизом, выхватил меч из седла и припустил коня галопом.

Они промчались более сотни шагов, как Яромир с ужасом осознал, что потерял дорогу. Он истерично бегал глазами по округе, не в состоянии вспомнить, в какой стороне выход с этих проклятых топей...

Сердце гулко и быстро стучало в груди, дыхание участилось — его охватила паника.

Теперь, назад пути уже точно не было...

Яромир вспомнил уроки отца и постарался успокоиться, сделав несколько глубоких вдохов и выдохов.

Испуг отступил, дрожь в руках пропала.

«Ну же, ну же! Я уже далеко не мальчишка! Так, сейчас нужно вспомнить всё, чему обучил отец...»

Яромир напряг все чувства и вслушался в тишину. Ничего не происходило. Никто за

ними не погнался.

«Ты чего это, Яромир?!» — он отёр рукавом мокрый от выступившего пота лоб. — «Собственной тени бы ещё испугался...»

В таком тумане Яромир видел не дальше десятка шагов, поэтому решил положился на чувства Сизого. Он отпустил поводья и склонился к гриве, приложив левую руку к сердцу коня, а правой крепче сжав рукоять меча.

Сизый двигался медленно. Его дыхание оставалось спокойным, а сердце билось равномерно.

Яромир, не обнаружив видимых признаков угрозы, тоже успокоился.

«Сам себе жути нагнал.» — он с облегчением ухмыльнулся и выпрямился. — «Теперь нужно найти выход...»

Сизый сделал шаг и остановился. Его сердце остановилось вместе с ним.

Неожиданно, под копытами забурлила трясина, что-то вырвалось из воды, схватило Сизого за горло и потянуло вверх.

Конь начал быстро, с устрашающей лёгкостью отрываться от земли.

Яромир не смог удержаться в седле, свалился в грязь спиной и тут же постарался откатиться как можно дальше.

Он подскочил на ноги и, наотмашь вытерев лицо от воды, увидел существо размером со взрослого медведя, покрытого грязью, травой и тиной, под которыми проглядывались разлагающиеся куски плоти и голые кости.

Чудовищем Туманных топей всё-таки оказался водяной.

Разглядеть водяного во всех чертах удалось плохо, зато прекрасно было видно одну огромную костлявую, похожую на человеческую, руку, вцепившуюся в шею Сизого.

Конь захрипел, как над топью пронёсся хруст его ломающейся шеи.

Водяной зарычал, впился в неё зубами и стал жадно высасывать кровь.

У Яромира появился шанс что-то предпринять.

Он быстро окинул взглядом вокруг. Всего в шаге от него, из давно разложившихся останков торчало древко копья. Яромир воткнул меч в грязь, рядом с ногой.

Потребовалось усилие, чтобы выдернуть снаряд из трясины, предательское хлюпанье которой отвлекло водяного от лошадиной шеи.

Тварь развернулась в сторону Яромира и издала оглушительный рёв, эхом прокатившийся по болоту. Только сейчас Яромир заметил, что у водяного не доставало левой руки.

«Слабое место!» — глубоко внутри вспыхнула лёгкая надежда.

Он изготовился и прицельно, со всей силы метнул копье.

Под громкий металлический скрежет, остриё вошло в грудь водяного, заставив тварь пошатнуться.

«Доспех? Это плохо, очень-очень плохо...!» — Яромир округлил глаза от испуга, глядя на разъяренного, воющего от боли водяного. — «А то, что боль чует — хорошо!»

Яромир немного ободрился. Только как ему теперь победить водяного в его владениях...?

Не успел он опомниться, как водяной, в ответ, замахнулся лошадиной тушей и швырнул её в Яромира с огромной силой, как раз, когда тот склонился, чтобы подхватить меч.

Яромир поднял голову и уже было хотел отпрыгнуть в сторону, но сапоги, как на зло, увязли грязи. Он успел лишь немного сгруппироваться, как пятнадцати пудовая туша снесла

его с места, вырвав из лап трясины вместе с сапогами.

Удар оказался такой силы, что Яромир кубарем пролетел около двадцати шагов, собрав по пути все, что скрывалось под слоем тины и грязи.

Не было понятно, чьи кости трещали громче: его, коня или давно почивших на этом болоте воинов.

Яромир с трудом смог подняться на ноги, выплёвывая куски грязи изо рта.

— Фу, вот же дрянь! — выругался он. — «Вроде, ничего не сломал... Надо будет поблагодарить Ерёму за добрую кожу!»

Яромир потрогал подаренный Офелой нагрудник: кожа сильно поизодралась от обломков, сокрытых болотом, но свою работу выполнила.

От рукавов и штанов Яромира тоже практически ничего не осталось, а из многочисленных порезов на теле заструилась кровь.

Яромир рывком вправил вывихнутое плечо, вставил на место колено и стал всматриваться в темноту, в поисках своего грозного противника.

Водяной, как ни в чём не бывало, бесследно растворился в тумане и Яромир оказался один посреди белой пелены, в безмолвной тишине.

«Что же говорил отец про водяного...» — Яромир старался размышлять быстро, безостановочно оглядываясь по сторонам — «Нужна земля, серебро и огонь... Ага, как раз-таки этого добра тут навалом... Хотя, есть же земля, там он меня не тронет! Так, в какой же только стороне этот холм?»

В нескольких шагах от себя Яромир разглядел тушу Сизого, из которого торчало что-то, похожее на рукоять меча, выкованного Эйдой.

Прямо перед Яромиром виднелось нечто похожее на железный щит с медвежьей головой.

Яромир повнимательнее осмотрелся и понял, что пока они с Сизым убегали, то вернулись ровно на то же место, к дозору Рознега.

«Суждено мне тут сгинуть — будь тому, но сперва посмотрим, у кого здоровья больше хватит... Чай, хоть воевать не с голыми руками!» — Яромир ухмыльнулся и, насколько быстро позволяла топь, рванул к Сизому.

Яромир уперся ногой в лошадиную тушу и выдернул меч, как по спине пробежал озноб.

Он молниеносно обернулся.

Прямо за спиной из грязи медленно поднимался водяной. Тварь, выплывая из тумана черной тенью, хрипела и рычала. Из груди водяного продолжало торчать древко копья. Мгновение и он бросился на Яромира, опасно замахнувшись длинными, толстыми когтями.

Яромир пригнулся, и лапа водяного пронеслась над головой, едва зацепив волосы на макушке.

Он проскользил между ног твари и, по колено в трясины, пополз за щитом.

Водяной, на счастье Яромира, оказался слишком неповоротливым. От большого веса тварь потянуло вперёд, она запнулась о тело Сизого, повалилась на грудь, загнав острие копья ещё глубже и обломив древко.

Вой боли водяного эхом прокатился по болоту.

Яромир же добрался до щита, просунул руку в ремни и принял боевую стойку.

Страха перед водяным, значительно превосходившим его в размерах, отступил сам собой. Остался только азарт битвы!

Глаза Яромира окончательно привыкли к белой пелене тумана, и он уже мог свободно

разглядеть всё, что находилось вокруг: справа — из воды торчало еще одно копьё, спереди — в доску был воткнут боевой одноручный топор.

Тем временем, водяной поднялся на ноги и снова устрашающе стал надвигаться на Яромира.

Туман немного рассеялся и лунный свет пробился на небольшой участок топи, во всей красе осветив ужасающий лик водяного.

Лица и глаз у хозяина болот не было. Вместо них на человеческом черепе с острыми, как у трупоеда, зубами чернели пустые глазницы. Давно сгнившие кожа и мышцы рваными кусками свисали с костей, а что осталось смешалось с грязью болота и жутко смердело. Как Яромир и предполагал, грудь водяного защищала металлическая пластина, когда-то бывшая доспехом, из которой продолжал торчать обломок копья.

Яромир не стал дожидаться новой атаки и решил действовать первым.

Он взялся рукой со щитом за основание меча, подскочил к копьё и свободной рукой метнул его в водяного.

На удивление Яромира, водяной среагировал и наотмашь отбил летящий снаряд.

Но Яромир уже выдернул топор из гнилой доски и точным броском отправил его следом, прямиком в голову чудища. Лезвие с треском вонзилось в череп водяного. Он пошатнулся, захрипел и завалился на колено.

Яромир, понимал, что сейчас на счету каждая секунда, поэтому побежал на водяного так быстро, как только мог бежать человек по щиколотку увязший в грязи.

Только Яромир замахнулся, как заметил движение слева. Чудище встретило его размашистым ударом. В последний миг он успел закрыться щитом и когти противно лязгнули по умбару.

От силы удара Яромир не смог удержаться на ногах и его снова протащило по грязи на добрый десяток шагов.

— Вот же..., тьфу, сволота, — выругался Яромир, вновь выплевывая куски грязи изо рта. — Бессмертный что-ли?! Так это мы ещё посмотрим! Ну, давай, нападай, мразота!

В руках Яромира остался только щит.

Уже всё равно... Он был всецело поглощён боем.

С самого малого детства отец учил его убивать нечисть: от мала, до велика — и Яромир, не смотря на множественные ранения, всех побеждал. Теперь же он должен был показать, на что способен. И уже не столько для отца, сколько для самого себя...

Чёрная бездна пустых глазниц водяного проникала глубоко в душу Яромира, словно вырывая из её недр его самые потаённые страхи. Это одновременно завораживало и пугало. Какая-то непреодолимая сила влекла Яромира к водяному. Колдовство?

Когтистая рука с хрустом вырвала топор из черепа и отбросила в сторону.

Водяной заревел и бросился в атаку.

Яромир огляделся в поисках оружия, но ничего существенного рядом ничего не оказалось. Конечно, за поясом ещё чувствовался клинок Аяра, а в сапоге оставался нож Рознега, но от них, против такой твари, толку не было никакого. Придётся драться тем, что есть.

Водяной атаковал первый, замахнувшись лапой от плеча.

Яромир собрался и встретил водяного ударом щита.

От тяжести удара Яромир почувствовал, как захрустел позвоночник и подкосились ноги. На какого другого мужика и одного такого удара хватило, чтобы переломать ему все

кости, но не зря же Яромира называют богатырём...

Инерция удара заставила пошатнуться и водяного.

Медлить было нельзя...

В грязи под ногами Яромир почувствовал опору и, оттолкнувшись, подпрыгнул, а ударом щита до конца вогнал обломок копья в грудь водяного.

Яромир услышал, как лопнул металл — это наконечник копья пробил доспех со спины водяного.

Тварь отошла на три шага и заревела.

Яромиру попался на глаза железный клинок, и он бросился за ним. Водяной погнался следом.

Яромир перекатился по грязи и поднял меч.

Водяной напал. Когти со скрежетом прошли по медвежьей голове, выбивая из металла яркие искры.

Яромир развернулся и оказался за спиной водяного. Короткое движение и сухожилия на правой ноге твари лопнули, как канат.

Водяной упал на колено, но не остался беззащитным. Он ударил наотмашь. Яромир этого и ждал.

Глубокий норок под летящую лапу и богатырь уже стоял прямо перед оскалившейся мордой твари.

Короткий удар умбаром в череп сбил водяного с толку, а размахистый мечом от плеча лишил его единственной руки по локоть.

Водяной взвыл: то ли от гнева, то ли от боли.

Яромир, собрав всю оставшуюся силу, срубил голову водяного с плеч и ногой толкнул тело в грудь.

Тело водяного повалилось в воду, а голова плюхнулась рядом.

Признаков жизни у него больше не было.

Яромир, тяжело дыша, упал на колени. Этот бой забрал у него все силы.

Он недолго отдышался и подошёл к телу водяного:

— Мы же с тобой еще не закончили, да? — Яромир в сердцах пнул бездыханную тушу. — Сжечь бы тебя, да вот нечем... Огоньку не найдется?

Ответа, ожидаемо, не последовало, что очень обрадовало Яромира.

— Надо твоё сердце. Так, как это снимается? — Яромир с отвращением шарил руками по вонючему, склизкому железу. — Ну, скотина, показывай куда топор выбросил!

Яромир отправился на поиски топора, чтобы вскрыть доспех, но не ожидал, что они принесут ему такие плоды: во-первых — он всё-таки нашел топор, во-вторых — сундук с сухими тряпками, и в-третьих — масло для фонаря и огниво.

Но самой главной находкой был холм, который оказался совсем рядом. Яркая луна сильно подсобила ему в этом.

Сказать, что Яромир был рад — ничего не сказать.

Он собрал находки под небольшим углублением в холме, идеально подходившим для разведения костра, после чего поднялся наверх и насобирав сухих веток, опавших со старого дуба.

Яромир разложил ветки, полил их маслом, и, используя огниво, развел огонь. Когда он убедился, что костёр долго не потухнет, то взял топор и вернулся к телу водяного.

Впереди, в наваленной куче досок, что-то ярко сверкнуло.

«Если это серебро, то порази меня Перун — я самый везучий человек на земле...»

Яромир недолго метался из стороны в сторону. Никак не мог решить, за чем ему идти первым, но всё же разобраться с водяным было важнее всего.

Чудище лежало ровно на том же месте, не подавая признаков жизни.

Когда Яромир подошёл ближе, то мерзкая вонь снова ударила в нос, но и к ней Яромир уже привык.

Теперь же оставалось только сорвать нагрудник...

Глава 9: «Не желаешь пуститься в пляс?»

Пластинчатая сталь нагрудника оказалась толще, чем предполагал Яромир. Ему потребовалось некоторое время и достаточное усилие, чтобы освободить от него водяного.

Яромир, устало дыша, взглянул на вырванную им часть нагрудника: на сильно проржавевшем металле был выбит символ — квадрат с четырьмя лучами и кристаллом внутри. Яромиру этот знак показался до боли знакомым, но откуда — он вспомнить никак не мог.

Так и простоял он несколько минут, глаза на искорёженный кусок металла, после чего бросил его в воду и вернулся к водяному.

По болоту снова прокатились глухие удары топора.

Когда грудная клетка твари, заполненная гнилью и разложившейся плотью, оказалась вскрыта, то Яромиру пришлось ненадолго отскочить в сторону, чтобы перевести дыхание.

«Ну и чудной же ум у Чернобога... Надо ж было умудриться такую гадскую мерзость состряпать...» — недовольно бурчал про себя Яромир, вернувшись к телу и по локоть засунув руку в разлагающуюся, смердящую жижу.

Во что бы то ни стало, он должен сжечь сердце водяного, иначе, рано или поздно его дух вновь обретёт плоть... И чем скорее Яромир это сделает, тем лучше...

От невыносимого смрада Яромир не сумел сдержаться и его снова вырвало.

Да уж, эту вонь Яромир запомнит надолго!

Но ещё большее отчаяние у Яромира вызвал факт отсутствия у водяного сердца...

— Вот же зараза проклятущая! Так ты дух?! — воскликнул Яромир, тщетно пытаясь отмыть руки от сгнивших кишок твари от в болотной воде. — И как ты мне прикажешь с тобой без серебра бороться?!

Вдруг, ему вспомнился тот яркий отблеск в тумане, и в душе, с новой силой, загорелась надежда.

Яромир тут же сорвался с места и, сломя голову, полетел туда, где видел отблеск.

Как назло, в том месте трясина оказалась глубже и Яромиру пришлось брести по грязи чуть ли не по пояс.

Он вновь увидел сквозь туман заветный отблеск луны на неизвестном предмете.

Яромир уже не мог отступить, это «что-то» буквально звало его и желание этим обладать придавало сил.

С горем пополам, он добрался до места, оказавшимся полусгнившей, развалившейся карете, наполовину поглощённой болотом.

Изумлению Яромира не было предела, когда обнаружил, что вещь, за которой он так гнался, оказался идеально сохранившийся серебряный меч.

Время и влага болота совсем не испортили сталь. В навершие меча красовался такой же знак, как на доспехе водяного, а лезвие покрывали руны древнего письма.

«Вероятно, это принадлежало водяному,» — Яромир с большим любопытством осматривал находку — «Эта тварюга становится всё любопытнее и любопытнее...»

Неожиданно, по его спине опять пробежали мурашки.

Дикий, полный боли и ужаса рёв нарушил тишину, злобным эхом разлетевшись по болоту.

— Не думал, что ты так быстро очухаешься, скотина! — вызывающе выпалил в ответ Яромир. — Давай, подходи, теперь-то я тебе устрою...!

Яромир едва коснулся лезвия меча, как тот оставил на пальце глубокий порез.

«Вот так острый, с ним тоже нужно оставаться настороже.» — Яромир засунул порезанный палец в рот, чтобы остановить кровь и торопливо побрёл к холму.

Он должен был добраться до земли раньше, чем водяной доберётся до него...

Только далеко отойти он не смог.

Яромир пробежал несколько шагов, запнулся и плюхнулся в грязь. Что-то крепко обхватило его правую ногу. Он немного повозился в тине и сумел-таки достать освободиться из плена, попутно достав и своего захватчика — длинную ржавую цепь с толстыми, кованными звеньями.

— Да сегодня боги явно улыбаются мне! — радостно воскликнул Яромир и, приложив большое усилие, вытянул цепь из воды, разметав куски грязи в разные стороны.

Яромир вытряс из находки оставшуюся тину, накинул цепь на плечи и, воодушевленный, побежал на холм, со стороны которого не переставал доноситься рёв водяного.

Яромир добежал до костра и встал в ступоре, раскрыв от удивления рот.

То, что осталось от водяного, чавкая и хрипя, обволокло тушу Сизого.

Его кости ужасающе захрустели, а то, что осталось от туши, судорожно билось в конвульсиях и вертелось в грязи.

Кожа рвалась, оголяя кости, которые тут же обволакивала тина и грязь.

Водяной вот-вот обратится, и Яромиру следовало поторопиться...

Он же только и мог, что замороженно наблюдать, как водяной принимает новую форму.

Здесь, на этом островке земли в море тумана, Яромир чувствовал себя в полной безопасности и недостижимости, да и что толку лезть в воду, когда там его ждёт «такое» ...

Спустя несколько мгновений водяной полностью поглотил тушу Сизого и скрылся в болоте.

Вновь воцарилась гнетущая тишина.

Яромир же замер в предвкушении.

Как он и ожидал, водяной вынырнул из воды неожиданно, у самого края холма, разметав грязь в разные стороны, пуще прежнего заляпав и так грязного Яромира.

Хоть тварь и не могла достать Яромира, но даже одного её вида оказалось достаточно, чтобы по его спине снова пробежал леденящий озноб.

Тварь вымахала ещё выше и больше, на вид став ещё и свирепей...

Вновь на месте оказалась правая лапа, а вместо второй — на костях болталась голова Сизого, мерзко щёлкающая пастью.

Пепельная конская шкура отвратительно обтянула череп и части гнилого тела водяного, вызвав у Яромира новый приступ тошноты.

Чудище неистово ревело и сумасшедше махало конечностями, безрезультатно пытаясь дотянуться до Яромира из воды.

Он оказался прав: водяной попросту не мог ступить на сухую землю.

— Землицы, значит, сухой боишься, рожа? — Яромир вытер лицо сухой тряпкой из купеческого сундука. — Хорошо, как скажешь, будет тебе земляца...

Яромир поднялся повыше на холм и принялся сильно раскручивать цепь, сбивая сухие дубовые ветки, которые затем подбросил в костёр.

Торопиться некуда — тварь, как и он, явно жаждала продолжения схватки.

Топор и железный меч Яромир разложил на верху, чтобы были в близкой до них досягаемости. Там же Яромир оставил и найденный серебряный меч.

Всё это время водяной настойчиво ревел, размахивал конечностями, но в болото не возвращался. Непонятно почему Яромир чувствовал ярость чудовища. Он ощущал в нём что-то знакомое, но одновременно настолько далёкое, вызывающее такую же ответную злость. И от этого неприятного ощущения Яромир хотел как можно быстрее избавиться...

Яромир неспеша закончил приготовления, спустился вниз, вооружился горячей палкой и щитом, уже после чего вернулся к водяному.

— Ну что, падла такая, всё сделано! Не желаешь пуститься в пляс? — со злостью бросил он водяному, обильно сплюнул и пошёл в атаку.

Шаг, ещё шаг.

Нельзя бросаться на чудище опрометчиво. Вдох, выдох!

Правая лапа опасно просвистела над головой. Следом полетела конская голова. Её Яромир умело отбил щитом и тут же вонзил горящий факел прямоком в морду твари.

От прикосновения огня конская шкура зашипела, оголяя череп. Водяной оказался временно ослеплён.

Пока всё складывалось так, как задумал Яромир.

Размашистым движением он забросил щит на холм, тут же схватился за подготовленную цепь, лежащую возле ног, размашисто раскрутил её и накинул на водяного.

Длинные звеньев с лихвой хватило, чтобы обвить вокруг тела твари и дать Яромиру пространство для манёвра.

Яромир вцепился в цепь, что было сил. От напряжения вены вздулись, пот застилал глаза, но он всё же смог пересилить водяного и вытянуть его из воды.

Тварь, едва коснувшись ногой сухой почвы, зашипела и забилась в истерике.

Могучий рывок вперёд и водяной рухнул на спину.

«Половина дела сделана...!» — запыхавшийся Яромир сплюнул на землю, глубоко вдохнул и снова натянул цепь. — «Теперь надо как-то затащить его наверх...»

Тварь дёргалась, визжала и цеплялась когтями за землю, в надежде вернуться в болото, где оно могло с лёгкостью разорвать ненавистного богатыря на мелкие кусочки, но Яромир не уступал и настойчиво продолжал подниматься вверх по холму.

Он бросил цепь и, вооружившись щитом и топором, напрыгнул на чудище, конская голова которого тут же ринулась в атаку, угрожающе метаясь гнилыми зубами в плечо.

Яромир отразил эту и две последующие попытки водяного достать его и воткнул кромку щита в лапу твари, тут же топором отрубив её по локоть.

Чудище взвыло, а Яромир выпнул отрубленную конечность обратно к воде.

Как назло, усталость стремительно брала своё.

От напряжения ногу Яромира стянуло судорогой, из-за чего он пропусти размашистый удар от водяного.

Сила удара оказалась такой, что Яромир вылетел с холма и болезненно плюхнулся в

болотную грязь.

Водяной стал сильнее, гораздо сильнее...

Тварь победоносно взвыла и погребла конской головой на встречу своему спасению.

В этот раз Яромиру стоило больших усилий подняться на ноги. Явно сломанные рёбра болезненно ныли и, то и дело, перехватывало дыхание.

С ужасом он увидел, как водяной быстро спускался к воде, и тут же, не смотря на жгучую, чудовищную боль в боку он помчался обратно на холм.

Он прекрасно понимал, что другого шанса у него больше не будет...

Мгновение и водяной вот-вот добьётся своего. Он уже поднялся на ноги и готов был упасть в воду, как Яромир с разбегу оттолкнулся от земли, влетел в него плечом и повалил обратно на землю.

Конские зубы опасно клацнули над ухом Яромира, но тот едва успел убрать голову в сторону.

До воды оставалось всего пару шагов, и водяной, забыв про назойливого богатыря, отчаянно пытался ползти по влажной от влаги земле, неуклюже загребая её конскими зубами.

Запыхавшийся Яромир, подскочил к цепи и упёрся пятками в землю. В этот раз, без правой, костлявой лапы, водяного оказалось тащить гораздо легче.

После недолгой борьбы, ему в конце концов удалось подтянуть чудище к засохшему дубу.

Яромир затащил цепь за ствол дерева, поднял железный меч, продел его между звеньев и, широко замахнувшись, вонзил его в дерево, намертво пригвоздив водяного.

— Ну вот и всё, рожа... — пробурчал Яромир сквозь отдышку и устало поковылял к костру.

Дыхания не хватало, бок горел от боли, тело ныло от ушибов и порезов, но Яромир продолжал идти.

На холм он вернулся вооружённый факелом, с огромным трудом поднял серебряный меч и повернулся к водяному:

— Ну вот, морда, и смерть твоя! — Яромир выплюнул кровавый сгусток и решительно двинулся на шипящего водяного.

Звенья цепи натянулись, с громким лязгом зазвенели, но не лопнули, что несказанно обрадовало Яромира.

Он осторожно приблизился к продолжающей опасно болтаться голове Сизого. Лошадиные зрачки бешено вертелись в глазницах, от чего Яромира замутило.

«Пора с этим кончать...»

Яромир замахнулся для удара, как рёбра пронзила острая боли, ноги подкосились и клинок сменил направление.

Серебряный меч прошёлся по конской голове, как по маслу, лишив её нижней челюсти. Верхняя же часть, продолжая двигаться вниз, глубоко вонзилась зубами в бедро Яромира.

Он закричал от боли. Водяной взвыл вместе с ним.

Тварь дёрнула конечностью, выдрал кусок мяса из ноги Яромира.

Сейчас вопли водяного больше походили на злорадный смех победителя...

Необъятная ярость на мгновение затмила боль и Яромир, сделав замах, отсёк остатки конской головы.

Он без сил упал на колени. Вид крови, рекой сочащейся из его ноги, затуманил

рассудок...

Яромир медленно поднял глаза, всматриваясь в пустые, безжизненные глазницы водяного. Теперь он точно знал, что тварь его прекрасно видела и всё понимала...

Прилив ярости неожиданно вернул Яромиру силы.

С особой жестокостью он рубанул по груди водяного.

Затрещали кости и из огромного продольного пореза наружу полились внутренности.

Тварь взвыла.

— Да гори ты синем пламенем! — злобно прошептал Яромир, опасно приблизив лицо к черепу водяного.

Чудище открыло пасть, насколько смогло, и зашипело в ответ.

Яромир, без всяких раздумий, воткнул в неё клинок и, следом, вонзил факел в порез на груди. Внутренности твари вспыхнули, будто солома.

Водяной, даже будучи охваченный пламенем, не сводил пустых глазниц с Яромира, от чего, именно сейчас, ему стало по-настоящему страшно.

Неожиданно для себя Яромир почувствовал всю боль и страдания существа, так будто был с ним одним целым.

Яромир с трудом отвел взгляд, отхромал подальше и упал на влажную траву.

Он видел, как языки огня перепрыгивали с ветки на ветку и уже вскоре весь дуб был охвачен огнём.

Голова кружилась, разорванная рана на ноге пульсировала, в глазах помутнело...

Яромиру почудилось, что над головой появилась фигура из-под тёмно-синего балахона которой виднелась густая серебристая борода. Тут же по небу пробежали яркие языки молнии и Яромир потерял сознание.

Всё вокруг завертелось.

Над головой, с каждой вспышкой молнии и раскатом грома начали пролетать причудливые картины, показывающие различных существ, делающих странные вещи...

Яромир видел огромного, огнедышащего, трехглавого ящера, разрывающего на части закованных в броню ратников вместе с лошадьми.

Чудовищное создание сменила не менее устрашающая птица, вырвавшаяся из глубокого синего моря, безжалостно топящая снаряженную боевую ладью вместе с моряками.

Новая вспышка ослепила Яромира и на небе вырос необъятный лес, где, на одном из поваленных стволов, сидел невероятных размеров чёрный кот, пел колыбельную и точил свои железные когти о золотой рог спящего рядом, сопящего огнём быка с огненной гривой и шкурой из настоящего лазурного алмаза.

Следом за ними над головой Яромира сгустились тучи и яркий разряд молнии осветил дождевое облако, что тут-же разметал в стороны взмах величественных чешуйчатых крыльев, принадлежавших страшному шипастому гаду, беспрепятственно парящему в небе, будто он был его полноправным хозяином.

Небесный гад, под удар молнии нырнул в облако, а небо тут же залилось водой.

Там, среди косяка мелких рыб и длиннющих водорослей, мимо Яромира проплыла рыба размером с целую гору, а вслед за ней — русалка. Но не красавица, как рассказывают былины, а мрачная, иссохшая, бледная, громадная старуха с облезшим хвостом-плавником, костлявыми пальцами сжимающая обглоданное тело утопленника.

Молнии участились, как ускорились и смена видений.

Мелькали прекраснейшие горы, среди которых бродили великаны. Подземелья, залитые раскалённой землёй, где маленькие скукоженные существа прыгали вокруг крылатого, огненного пса. Незнакомые леса, населённые странными звероподобными людьми.

Полукони-полулюди, вольно скачущие по бескрайним равнинам.

Синекожие люди с жабрами вместо ушей, живущие в занятных домах, прямиком под водой, на дне морском.

Птицы с красивейшими женскими лицами и стальными, острыми перьями.

Огненный орёл стремительно пронёсся над дивными, цветущими лугами, где паслась белоснежная корова, дающая молоко цвета звёздного неба.

Раскаты грома начали бить один за другим и глаз Яромира уже перестал улавливать быстро меняющиеся образы, как неожиданно с неба начали падать крупные капли дождя...

Яромир пришёл в себя, когда холодные капли неприятно застучали по лицу.

Он продышался и нашёл в себе силы доползти до всё ещё продолжавшего гореть костра. Из его разодранной ноги не прекращаясь струилась кровь.

Он с трудом сел рядом с огнём и перевёл дыхание, пытаясь отойти от необычного видения.

— Дождь... Ну, хоть сейчас... Вот была бы потеха... — устало прокряхтел Яромир лежавшим неподалёку остаткам головы Сизого. — Эй, кляча, есть у тебя подорожник?

Зрачки коня продолжали бешено крутиться в глазницах, но Яромиру было уже всё равно.

Да и откуда подорожнику взяться на топях?

Уставший Яромир вытащил атласную тряпку из найденного им купеческого сундука и, зубами оторвав от неё ленту, наложил жгут на бедро, чтобы хоть немного замедлить потерю крови.

— Эх, Сизый, Сизый... Это же только начало... или уже конец? — обратился в пустоту Яромир, из которой, конечно же, никакого ответа не последовало, и достал из костра тлеющую палку.

Яромир дотянулся до сапога. Нож Рознега он, конечно же потерял, но кожаные ножны отлично подойдут, чтобы закусить их от боли.

Богатырь сделал глубокий вдох и, стиснув зубы из последних сил, прижег рану. От нестерпимой боли Яромир завалился на бок и снова потерял сознание.

Глава 10: «Складно выходит твоё — «бабушка»!

Чёрное солнце — явление конца времён, лик Чернобога.

Старик часто пугал этой былиной маленького Яромира. Теперь же они казались ему совсем не страшными.

И каково было его удивление, когда именно пресловутое Чёрное солнце увидел Яромир над головой, открыв глаза.

На деле, оказалось, что солнце вовсе и не такое чёрное, каким рисовала Яромиру его бурная детская фантазия, а скорее — огненно-пурпурное, окружённое движущимися по кругу двенадцатью искривлёнными языками пламени, больше походившими на беспорядочно бьющие молнии.

Тусклый, холодный свет звезды погрузил мир в гнетущий полумрак.

Запах серы и палёной плоти неприятно ударили в нос.

Яромир отёр слипшиеся ото сна глаза и огляделся.

Он стоял на вершине злосчастного холма, а вокруг, на многие вёрсты, не наблюдалось ничего живого.

Тут и там, по начисто выжженной земле, ветер разгонял пепел от редких тлеющих кустов и деревьев.

Впереди, под ногами, простиралось необъятных размеров поле, сплошь усеянное обугленными труппами людей и животных...

Боль потери и разочарования болезненно отозвались в груди Яромира.

В один миг он почувствовал себя брошенным, проигравшим, но не сломленным.

Его одолевало странное чувство: тело, вроде бы, принадлежало ему, но казалось другим, чужим, сильным и могущественным.

Яромиру нравилось ощущать такую силу. Она вселяла уверенность. Будто ему подвластен сам космос, будто теперь он мог сравниться хоть с самим Сварогом. Да что уж там — с самим Родом-творцом.

Что-то блеснуло на груди.

Он опустил глаза и с изумлением отметил, что был облачён в ослепительные латные доспехи из чистого золота, на груди которых красовался знакомый квадрат с четырьмя лучами.

Почему этот символ преследует его? Что же в нём такого важного?

Яромир ощутил, как что-то очень тяжелое потянуло правую руку к земле.

Ношей оказался каменный молот на длинном древке. В навершие этого величественного орудия был высечен тот же знак, что и на груди, но в его середине ярко сверкал небесно-голубой кристалл.

Странное чувство холодом пробежало по спине и вся его уверенность в собственной непобедимости в мгновение улетучилась.

Страх! Необузданный, животный страх, но перед чем?

Только Яромир всем нутром почувствовал незримое присутствие его источника, как впереди, из дыма вышла массивная фигура, закованная в угольно-черный доспех, держащая массивный, двуручный, изогнутый клинок наперевес.

По спине Яромира вновь пробежал ледяной озноб, болезненно сковавший каждый мускул.

Он смог разглядеть лишь чёрные кудри воина, лицо же его было размыто. Зато прекрасно чувствовался его холодный, безжизненный взгляд. Точно такой же неумолимой пустотой Забвения на Яромира смотрел и водяной.

Несмотря на всю свою внутреннюю силу, Яромиру стало жутко.

Неописуемый ужас охватил его тело, приковал к земле, сковал лёгкие, что невозможно было сделать и вдоха.

Отвратительное ощущение беспомощности, слабости, безвыходности и наступления скорой, мучительной смерти.

Чёрный воин с удивительной лёгкостью поднял клинок над головой и бранное поле залилось склизкой, похожей на дёготь жижей.

Неужели он властен над самими водами Забвения...?

Яромир захотел развернуться и бежать без оглядки, но тело будто приросло к земле.

Из смолянистой воды, там, где только что лежали человеческие тела, восстало

несметное войско проклятых, числа и края которому не было.

Чудовища, твари и монстры, большинство из которых Яромир видел впервые.

Промелькнула мимолётная надежда, что за его спиной могла стоять равнозначная сила.

Яромир с трудом оглянулся и с горечью признал, что сейчас он был совершенно один...

Вновь перехватило дыхание.

Чёрный воин медленно опустил клинок перед собой и указал остриём на Яромира.

Приказ был отдан!

Молча, без лишних слов. И этого хватило, чтобы всё его войско мгновенно ринулось в атаку...

Невыносимая боль пронзила ногу Яромира, и он повалился на дрожащую от топота несущейся армии землю.

Тусклый огненно-пурпурный свет чёрного солнца расплылся перед закрывающимися глазами, как новый приступ заставил их раскрыться вновь.

Яромир с трудом огляделся.

Теперь он лежал в укрытии под холмом, от потухшего костра поднимался едва заметный дымок, а снаружи капли дождя громко барабанили по водной глади болота.

В ноге опять заболело и Яромир опустил взгляд вниз.

К открытой рваной ране припало существо размером не больше пол аршина, с большими, черными, похожими на рваные полумесяцы, глазами.

Бесёнок, мелкий, тощий чёрный бесёнок...

Он так увлеченно вылизывал сукровицу, жадно причмокивая и громко сопя, что даже не заметил очнувшегося Яромира.

— А ну, пошёл отсюда!

Яромир пнул беса целой ногой, от чего тот вылетел под дождь.

Тварь перекувыркнулась в грязи, недовольно рявкнула, но не убежала. Лишь притаилась за гниющей телегой, изредка поглядывая на Яромира.

«Надо же было так попасть?!» — Яромир наклонился над ногой.

При виде обугленного мяса, заляпанного склизкой слюной беса он громко выругался.

Теперь лишь вопрос времени, когда ядовитая слюна тварёныша окончательно добьёт его... А проклятая скотина будет терпеливо ждать, пока яд не поднимется к сердцу.

Радовало, что бес был ещё мал, поэтому его яд подействует не скоро, но этого становилось не легче.

— Проклятые падальщики... — Яромир пригрозил кулаком бесу и ещё раз взглянул на разодранную ногу. — Живой я, не дождёшься! Погоди, скотина, вот найду багульник...

А дела у Яромира были, мягко говоря, паршивые: конские зубы сорвали кожу и часть мяса. Прижигание со жгутом остановило кровотечение, но кровь и сукровица продолжали понемногу сочиться, ткани по краям приняли желто-зеленый оттенок — первые признаки заражения.

Как раз за дубом, возле берега Яромиру на глаза попадался небольшой куст багульника. Только вот как до него добраться?

Яромир дополз до палки, что на вид выглядела покрепче, и с трудом поднялся на ноги.

К тому времени дождь уже практически прекратился и той ещё задачей оказалось

подняться на холм по мокрой, скользкой от дождя траве.

От невыносимой боли неконтролируемо текли слёзы. Яромир то и дело спотыкался и падал, но, стиснув зубы, продолжал идти.

Отец учил его никогда не опускать руки. Воин всегда должен оставаться воином и делать всё необходимое, лишь бы только остаться живым.

И Яромиру удалось. Он поднялся.

На удивление Яромира туман над Туманными топиями полностью рассеялся, открыв перед ним все ужасы владений водяного.

Топь находилась в широкой низине и была не такой большой, как казалось до этого. Тут и там виднелись останки людей и животных, всевозможного оружия и того, что осталось от торговых караванов.

«Сколько же ты бед понаделал ...» — лёгкая дрожь от воспоминаний о водяном пробежала по спине, от чего Яромиру стало не по себе, и он поспешил вернуться к поискам багульника.

Заветный кустик дожидался Яромира на своём месте. Запашистая трава не спасала полностью от бесовского яда, но заметно останавливала его действие и прекрасно снимала чувство боли.

От большого количества потерянной крови и отсутствия слюны Яромиру с большим трудом удалось разжевать жёсткие листья багульника.

Получившуюся кашу он выложил на рану и сверху повязал оставшимся у него чистым куском атласной ткани.

Боль стала понемногу затихать, но от действия травы онемел и весь рот.

«Пока силы есть, нужно уходить.» — Яромир медленно пошёл к дубу. — «Раз водяной не разодрал, так и от какой-то сраной царапины не помру...»

Яромир вернулся к сгоревшему дереву, ствол которого, несмотря на прошедший ливень, продолжал тлеть и испускать едкий дым.

От некогда вселяющего страх водяного осталась лишь горстка пепла, а в воздухе повис тяжёлая вонь паленой гнили.

Огромная температура огня обуглила цепь, некоторые из звеньев оплавилась и до сих пор оставались горячими.

Яромир удивился серебряному мечу. Жар не только не повлиял на его форму, но клинок продолжал так сверкать, будто его только выковали и отшлифовали буквально пару часов назад.

Яромир осторожно коснулся рукояти. На удивление, она оказалась совершенно холодной.

«Чудеса, да и только...» — Яромир потянул за лезвие, которое легко освободилось из деревянного плена.

Вот только такого нельзя было сказать о клинке Аяра. Резная рукоятка полностью обгорела, а хвалёное Эйдой лезвие сплавилось с цепью.

«Теперь ещё и кузнецу должен...» — печально выдохнул Яромир. — «Если доживу...»

За деревом раздался шорох. Яромир повернулся и успел заметить тоненькие черные лапы, быстро скрывшиеся за стволом дуба.

«Настырная тварь,» — фыркнул Яромир и пошёл обратно к костру.

Яромир наступил на пепел от водяного и в стопу что-то неприятно укололо.

Он с трудом наклонился, и среди пепла обнаружил обугленный амулет в форме того же

знака — квадрат с четырьмя лучами и кристаллом внутри.

— Что ж ты меня преследуешь? — прошептал Яромир и накиннул находку на шею. — Надеюсь, отец расскажет...

Больше медлить было нельзя. Яромир чувствовал, что сил у него надолго не хватит.

С вершины холма он разглядел небольшую тропинку, где на вид грязи было меньше всего.

Яромир спустился к костру, собрал всё что мог, перекинул меч через плечо, и, опираясь на палку, медленно поковылял по тропе.

Он чувствовал, что бес плелся за ним по пятам, прячась в кустах и траве, только сил за ним бегать у Яромира не было.

Яромир сумел преодолеть болото, а дорога продолжала уводить его дальше, в глубину леса. Действие багульника быстро заканчивалось, и нога снова заныла. А борцом и осокой, что росли вокруг, делу сильно не поможешь...

Нога закровоточила, Яромир сделал ещё пару шагов и последние силы окончательно оставили его. Голова закружилась, и он рухнул в мокрую от дождя траву.

Но он не умер.

Он услышал, как над головой зашуршала трава.

«Ну, вот бес и дождался добычу...» — подумал Яромир.

Он оказался совершенно беспомощным, даже не мог открыть глаза.

Но поступь была тяжелая — приближался человек. Яромир почувствовал, что незнакомец остановился возле его головы, взял под руки и куда-то поволок.

Яромир отключился.

Разбудил яркий запах багульника и льющаяся в рот вязкая жидкость. Он долго и жадно глотал. Стало хорошо.

Он почувствовал, что поплыл и попытался открыть глаза.

Сквозь тоненькую щелку Яромир видел, как над головой мелькали развесистые кроны деревьев, а над головой что-то мелодично напевал женский голос.

Дурманящий отвар из багульника и приятный мотив расслабили Яромира, и он погрузился в сон.

Когда он снова открыл глаза, то небо сменилось деревянным потолком избы.

Яромир постарался подняться и оглядеться.

Он лежал на столе посреди незнакомой избы, совершенно ногой. Пот ручьем струился по лицу, заливая глаза. В комнате стоял резкий, терпкий, но очень приятный запах дикого шиповника.

— А ну, щас же ляг обратно! Вставать не велели! — прикрикнул на него женский голос. — Не чуешь, что горячка?!

— Ты кто? Где я? — с трудом выдавил из себя Яромир, пытаясь протереть глаза от щипающего их пота.

Яромир отёр лицо и увидел в красном углу, у стола, низенькую старушку с растрепанными седыми волосами. Она стояла спиной, поэтому лица её Яромир не разглядел. По доносившемуся звуку ему показалось, что она что-то расталкивала в чарке.

— Ты лежи, лежи... Сейчас полегчает!

Яромир чувствовал, что больше сил у него не хватит и опустил голову.

Старушка же подбросила в печь и запела на неизвестном Яромиру языке. Колдовство...?

Аромат шиповника в комнате дополнился запахом шалфея и мяты.

Яромир почувствовал, как тело расслабилось и начал спадать озноб. Поклонило в сон.

Старушка аккуратно приподняла голову Яромира и поднесла чарку к губам. Снова запахло багульником.

— Не бойся, пей, — голос старушки очаровывал Яромира. — Спи, богатырь, спи, добрый молодец. Утро вечера мудренее.

И Яромир уснул.

Разбудил крик петуха.

В этот раз Яромир проснулся укрытый медвежьей шкурой на мягком лежаке рядом с печкой.

Петух кричал, но яркий солнечный свет от единственного окна падал на массивный стол, стоявший посреди комнаты. Был уже полдень.

Со стола до Яромира донёлся манящий запах свежеспеченных пирогов и виднелась крышка от кувшина. Желудок стянуло. Яромир почувствовал сильный голод.

«Значит не приснилось...» — Яромир привстал на локте, чтобы лучше оглядеться.

Из убранства в избе было только самое необходимое. Зауток и часть крыши завалились на печку, мужских вещей видно не было.

«Живёт одна...» — заключил Яромир.

Яромир осмотрел и себя.

Он отбросил одеяло. Одежды на нём так и не было.

Синяки и порезы на теле затянулись, а бедро было аккуратно перемотано чистой белой тканью.

Яромир потрогал рану. Повязка оказалась сухой, значит гноя и сукровицы не было. Это его порадовало.

Он осторожно поднялся и сделал несколько маленьких шагов. Боль чувствовалась, но терпимо, можно было идти.

Рядом со столом, на стуле, лежали совсем неношеные конопляные штаны, а под стулом стояли лапти с онучами.

Яромир отпил молока прямо из кувшина, съел пирог, натянул штаны, взял в руку тарелку с пирогами и вышел на улицу.

Сеней в старушкиной избе не оказалось, и Яромир вышел сразу на подворье.

От яркого света Яромир прищурился, протёр глаза и огляделся.

Двор у старушки тоже оказался скромным: старенькая банька, покосившиеся сарай и пригон, заросший нужник — некому было следить за хозяйством.

Возле пригона, звеня колокольчиками, паслись козы, а по двору петух гонял громко кудахтающих куриц. Ничего необычного.

У Яромира возникло неприятное чувство, что за ним опять кто-то следит и он не ошибся: на одном из ещё сохранившемся от повалившейся ограды столбушке лежал большой черный кот. Он изучал Яромира пристальным, холодным взглядом, как хищник добычу.

«Сожрать хочет... Неприятная скотина.» — только подумал Яромир, как рядом раздался голос старушки.

— А-а, соня проснулся... Добро спалось?

Справа на придомовой скамейке сидела старушка и что-то вышивала большой иглой.

— Добро, бабушка. Низкий тебе поклон за жизнь мою. Век благодарен буду! — Яромир низко поклонился.

— С этим еще разберёмся... — едва слышно пробубнила старушка и повысила голос. —

Черныша благодарил, он меня к тебе привёл.

Вроде бы кот, как кот: усы, лапы, хвост — но что-то в этом звере настораживало Яромира.

— Где я?

— Знамо, где — у меня.

— У тебя — это где?

— Знамо, где — на топях.

— Уже хорошо... Ты ведьма?

Старушка рассмеялась.

— Ой, так тоже называли... Но ты меня можешь вот, бабушкой, величать. Больно складно выходит — «бабушка»! Ворожея я.

— Спасибо тебе бабушка, за доброту и заботу, но мне воротиться нужно к отцу, он, наверное, места не находит...

— Не находит... и ещё подождёт. — прошептала старушка. — День раньше, день позже. И так уже чай, как пять ночей тебя выхаживаю.

Яромир сильно занервничал и заходил из стороны в сторону.

Со свадьбы, значит, седьмой день пошёл. Он уже представил гнев старика по возвращению. Вот где будет настоящее веселье. Мало не покажется...

— Ты, конечно, можешь идти, тебя никто не держит, только далеко не пройдёшь — нога не сдюжит. Ещё пару дней потерпи. На тебе всё как на собаке затягивается, другой бы кто уже сто раз помер, но ты, Яромир — особенный.

— Я не говорил, как меня зовут. — Яромир остановился и оперся плечом на стену. — Знаешь меня?

— И о тебе знаю, и о старике знаю, всё знаю...

Яромира распирало от любопытства и от тревоги. Он чувствовал, что старушка, знала что-то важное. Нужно было это выяснить.

— Расскажи!

— Что, перехотел убежать? — бабушка коварно улыбнулась. — Расскажу, обязательно расскажу... Эх, видишь, дворик мой совсем захудал, избушка повалилась... Давай так: ты тут порядок наведёшь, а я тебе сказку расскажу? Я же бабушка, а бабушки очень любят рассказывать сказки. Согласен?

Яромир должен был узнать, что она скрывает и согласно кивнул.

В добрых глазах старушки хитро заплясали огоньки.

— А есть ли бабушка по близости ещё люди, инструмент бы попросить.

— Да где там? Одна я. Муж был, дети были, да нет уже никого... Черныш вот только остался.

Бабушка тяжело вздохнула и указала Яромиру сесть рядом.

— Железяка твоя есть, подойдёт? Я её тоже с болот принесла. Там, в предбаннике. Занятная вещица.

Нитки закончились, и она жестом попросила Яромира подать новый клубок из корзинки рядом со скамейкой.

— Ты мне вот что скажи: раз эта старая кляча с тебя глаз не спускает, то, что ты тут один делал?

Яромир без раздумий выложил бабушке всё про свадьбу, драку за Верею и последующее наказание старшины Рознега.

— Давно тебе пора была в люд выбирать! Погляди на себя! Статный молодец, как красив, как пригож... Пора и силушку богатырскую показать, чтобы тебя все знали, боялись и уважали! Давно пора! Ой, как давно! Старый, хитрый лис, никому житья не даёт... Теперь и тебе стоит узнать всю правду и про него. Что думаешь я в лесу прячусь? Всё из-за твоего старика. Я же, пока молода была, в Трёх дубах жила, врачевала, травничала, ворожила. Много добра людям делала, пока он не пришёл...

Руки и губы бабушки задрожали и от нескрываемого волнения по щекам побежали слёзы.

— Только этот колдун проклятый появился, как стали девки молодые по деревне пропадать. А он, весь такой притворный спаситель, тогдашнему старосте мысли попутал, заморозил, я-то знаю, всё знаю... Прилюдно в меня пальцем тыкал, гадкими словами называл, а они все кивали ему и верили! Меня же не сожгли только потому, что всем помогала... Понимаешь? Я людям жизни спасала, а со мной вон как... Только не моих это рук дело, хоть на чём тебе поклянусь!

— Ну же, бабушка, — Яромир осторожно приобнял старушку за плечи, в надежде хоть как-то успокоить. — милая, не роняй горькие слезы... Разве ж мог мой отец...?

— Ничегошеньки ты о нём не знаешь! Но я всё тебе расскажу! Мне податься совсем некуда было. Жив был тогда плотник Феодор, муж мой — покойничек. Я его от хвори излечила, он за мной в лес пошёл. Дом построил в этой глуши, сына родили и дочку. Сыночка родного болото забрало ещё маленького, а дочка ушла, как мужа не стало... А теперь — сам видишь, что тут случилось. Одна-единёшенька... Руки уже совсем работу не дюжат.

Жалко стало Яромиру старушку.

— Да разве же мог отец честную женщину оклеветать? Быть того не может! В жизнь не поверю!

— Значит, не веришь, да?! — старушка вытерла лицо от слёз рукавом платья и, с обиженным видом, вернулась к вязанию. — Много ли он о себе рассказал? Кем он был до того, как в чаще обосновался?

Яромир попытался уловить хоть одно из хаотично всплывающих воспоминаний из детства, но всё оказалось тщетным.

А ведь правда, старик ни разу не говорил ни о своём детстве, ни о молодости.

Ни единого словечка о своём прошлом.

Почему он стал отшельником? Почему Траян такой? Откуда ему столько всего известно о тёмной силе?

И самое главное: почему старик так усердно прятал Яромира от мира. К чему так рьяно и упорно его готовил...?

— То-то и оно, мой хороший... Я всё про него знаю. Все его секреты и тайны! Только, кому расскажешь — никто не поверит. Я старалась! Я кричала об этом, падала знатным мужам в ноги, но те лишь смеялись и гнали меня взапой! За чудную принимали, умалишённую! Но нет, нет! Я всё вижу ясно, как чистый лист и мне страшно, Яромир, жуть, как страшно! Его ворожба сильнее, гораздо сильнее моей. Могуч колдун, душою чёрный, силою злой возвращённый! В миг со свету сживёт и ухом не поведёт, коли ещё раз сама против него пойду, душегуб несчастный!

Яромир чувствовал смятение, едва сдерживал злость, волной накатившую на него от непонимания, где-же теперь кроется настоящая правда.

Да, старик был суровым, но всегда справедливым, и, в тоже время — полон тайн.

«Не мог же отец так... Была бы ведьмой, то, чего жизнь тогда спасла? Сварила, съела и был таков. Выслушаю её, а потом и с отцом потолкую...» — Яромиру нервно перебирал костяшками пальцев по столу.

От глубокого потрясения и полнейшего замешательства, он с психом дёрнулся и в сердцах хлопнул ладонью по столу, от чего неприятная, тянущая боль будто иглой пронзила ногу.

Гримаса боли скривило лицо Яромира и он вновь хотел погрузился в мрачные раздумья, но старушка всё никак не унималась...

Глава 11: «Тебя бы в скоморохи, а не в богатыри!»

— Болит ещё, значит живой? — добродушно улыбнулась старушка. — Кости молодые, кровь горячая, быстро поправишься! Не страшись меня Яромир. Мне ты ничего дурного не сделал, наоборот — вон какую услугу оказал! Ты ведь, как и я — всего лишь кукла в его руках. Беда-беда... Совсем, совсем ничего не знаешь. Он же и тебе лгал, обо всём лгал... Всё расскажу, но не сегодня. Сегодня сон ещё нужен. На столе в углу стоит отвар. Его выпей и ложись. Нужно силы набраться. Иди, Яромир, иди, утро вечера мудренее!

От круговорота мыслей у Яромира разболелась голова. Он ничего не смог ответить бабушке, только поклонился и вернулся в избу.

Бабушка действительно знала толк в травничестве, потому что лечебный отвар оказался приготовлен идеально. Даже старик настолько хорошо не варил.

В отваре чувствовались багульник, ромашка и мать-мачеха, но Яромир уловил вкус чего-то ещё. Он мог отличить почти все известные отвары, настойки и яды по вкусу и запаху. Старик научил. Но этот вкус Яромир не признал.

Только Яромир сел на край лежака, как его замутило и он провалился в сон.

Опять разбудил петух, но не как до этого — днём, сейчас на улице только-только зарозовело зарево рассвета.

Яромир встал и оделся.

Бабушки в избе уже не было, но на столе его всё так же ждала тарелка с пирогами и кувшин молока. Таких вкусных пирогов со свежей клубникой и перечной мятой Яромиру ещё пробовать не доводилось. Он быстро позавтракал и вышел на улицу.

— Гой еси, Яромир! — из пригона вышла старушка, держа на руке ветхое берестяное лукошко, доверху наполненное куриными яйцами. — Сил поднабрался?

«Самому интересно...» — Яромир постарался размяться.

Тело хоть и затекло от долгого лежания, но охотно поддавалось на наклоны и отжимания. Присесть было ещё больно, но он чувствовал, как стремительно возвращались силы.

— Ногу ещё тянет, а так вон! — Яромир встал на руки и прошёл так несколько шагов.

— Ишь какой! Тебя бы такого в скоморохи, а не в богатыри! Загляденье какой потешный бы вышел... Радуйся, что хоть болит, а то я уже думала, всё — придётся пилить, до самого хозяйства.

— Кстати про хозяйство... — поперхнулся Яромир и поспешил сменить тему. — Ты, когда меня нашла, бесёнка, худого такого, мелкого, не видела? А то плёлся за мной от самого болота. Боюсь, как бы кур твоих не повытаскал.

— У меня на это Черныш есть. — махнула рукой бабушка, поставив лукошко на край

скамейки. — Мне с ним никакой зверь не страшен.

Тут же, из-за колодца, показался Черныш и сел рядом с лукошком.

Бабушка почесала его за ухом и кот громко замурлыкал. Стоило Яромиру протянуть руку, чтобы тоже погладить необычного кота, как тот вздыбил шерсть, зашипел и попытался цапнуть его за пальцы.

— У-у-у! Морда злая! — Яромир одёрнул руку и угрожающе замахнулся на кота.

— Ты Черныша лучше не стращай! Он обидчивый очень. Век не простит.

Кот бросил на Яромира гневный взгляд, фыркнул, спрыгнул с колодца и важно побрел в сторону сарая.

— Я же для тебя кой чего приготовила, обожди немного.

Бабушка потешно торопливо поковыляла в баню. Вернулась, держа в руках аккуратно свернутую ткань и завернутый в тряпки серебряный меч Яромира.

— Вот, тебе — рубаха. Негоже бабушку молодостью стращать. Хоть и старенькая, но ещё о-го-го, берегись! — бабушка звонко засмеялась и протянула Яромиру свернутую ткань. — Ну и железяка твоя...

Яромир развернул рубашку на свет.

Льняную рубаху украшал красный четырёхугольник с четырьмя лучами, в середине которого, вместо кристалла, как было на навершие меча, находился черный круг, пересеченный двенадцатью молниями.

— Примерь, не томи! — подтолкнула его бабушка. — Больно уж хочется на тебя в обновке поглядеть!

Яромир всунул руки в рукава и продел голову в ворот.

Рубаха села как влитая и складывалось ощущение, что она даже греет тело изнутри.

— Ну, вот — готовый жених! Загляденье! — бабушка разгладила рубаху на Яромире. — Всё, что из одежды Феодора осталось, только кое чего от себя добавила...

Яромир поцеловал её в щеку и крепко обнял.

— Спасибо тебе, бабушка! За всё! Век тебя не забуду! А что эти знаки чудные значат?

Яромир развернул меч и поднёс навершие к груди, показывая его бабушке.

— Преследуют они меня с самого болота. Даже сон мне снился, где я — в золотых доспехах, молот с таким же знаком в руках держу, а предо мной воин черный! Как наяву всё было! Умоляю расскажи...!

— Сон говоришь приснился? Как же любопытно... — бабушка переменилась в лице и тут же постаралась натянуть улыбку обратно. — Работать готов? Изба-то сама себя не починит. Там и расскажу. Только кое чего прихвачу в дорогу. Обожди.

Бабушка зашла в дом, а Яромир огляделся, ища получше место для рубки.

Сосняк вокруг бабушкиного дворика был высоким и рос плотно. Значит он и правда находился далеко от людских селений, раз деревенские плотники его за столько кругов не проредили. Поэтому старушку в лесу никто и не нашёл. Кругом непроходимая чаща.

В этот раз бабушка вышла с завернутыми в длинный рушник пирожками, плотно запечатанным глиняным кувшином на веревке и сумкой для трав на перевес.

— Ну, чего встал как вкопанный, пойдём, покажу чего рубить.

Яромир взял меч и похромал вслед за бабушкой в чащу.

Они отошли подальше от дома и остановились на поляне, где деревья росли пореже и валить их было попроще.

— Пойдёт? — спросила бабушка, поправила сумку для трав и села на упавшее дерево.

Яромир кивнул и приметил лезвием по подходящей сосне.

Обычно рубить мечом деревья было проблемой, так как сталь быстро тупилась. Но этот меч был не такой, как все. Яромир встал поудобнее, замахнулся и опустил лезвие на ствол дерева.

Серебряный клинок прошёл сквозь сосну, как будто через соломинку, и она, ломая ветки соседних деревьев, с грохотом рухнула на землю.

— Вот так сталь! Ну, прямо заколдованная! — воскликнул Яромир.

— Ага, меч-кладенец... — подхватила бабушка.

— Скажешь! Прямо настоящий, из сказки?!

— Да самый что ни на есть, на нём же так и написано. Вон, клеймо даже стоит — Звезда Сварога.

— Ты можешь читать старое наречие? А что значит Звезда Сварога? А вот это что тогда?

Яромир указал на двенадцать молний в круге на груди.

— Черное солнце... Хе-х, старый колдун даже этому тебя не научил? — ухмыльнулась бабушка и достала пирог. — Ты руби, руби и слушай.

Яромир занялся очисткой и подготовкой поваленного дерева. Много сил прикладывать не пришлось. Меч-кладенец сам делал всю работу.

— Отец говорил, что богов нет и не нужно всякой околесицей голову забивать.

— Вранье, брехня и ересь! Расскажи, что ты знаешь об Этом мире?

— Ну как... — Яромир забросил готовую часть сруба на плечо, отнёс в сторону и пошел к следующему. — Была сеча великая, как же... Великая Асса, во! Чернобог пошёл против Сварога и убил его Алатырь камнем, после чего Этот, Тот и Иной миры сошлись и разошлись. Люд русский только остался и сын Сварога — Славомир. Он же людей русских и защищал, да нечисть Чернобожью гонял. Города строил. Говорят, что до сих пор во главе Слав-города его дети сидят — славичи.

— Это старик так рассказал?

Яромир утвердительно кивнул.

— Подлец, ох, подлец, — засмеялась бабушка. — Всё так, да не так! Эх, незадача, придётся мне тебя учить... с самого что ни на есть начала! Хотел в сказку? Ну, тогда слушай!

Яромир с задором махнул Кладенцом и повалил следующее дерево.

Ему даже по-своему нравилась такая работа...

— В начале всего Род-творец сидел на Алатыре-камне в тени ветвей Мирового дерева, наблюдал за небосклоном, на котором очередной день по кругу сменял ночь. И заскучал... Решил народить детей: Сварога, Белобога, Чернобога, Велеса, Ладу и остальных. Разделил Род царства, выдумал людей, духов, оставил Сварога за старшего и ушёл, а куда ушёл — никто не знает. Ты там слушаешь?

Яромир сбросил в кучу очередное бревно. Работалось хоть и легко, но нога всё еще давала о себе знать.

— Поди сюда! На, выпей! — бабушка протянула Яромиру глиняный кувшин.

От запаха из кувшина лицо Яромира перекошило. Польшь, борец, болиголов, скисшее молоко и опять этот странный привкус.

Яромир скривился.

— Ты вот брось мне тут! Сказала, пей, значит пей! — бабушка стукнула Яромира по руке. — Ещё бы ты нос от лекарства вертел! Ишь чего удумал.

Яромир посмотрел на неё и с большой неохотой сделал несколько глотков.

— Три глотка. Ни больше, ни меньше, — сказала она, забирала кувшин и отставила в сторону. — будешь пить, покуда рана до конца не затянется, понял?

Яромир кивнул и вернулся к работе.

— То-то... Так слушай дальше, — продолжила бабушка. — Построили боги тогда Старград, красотой он был — словами не описать. По началу боги жили в ладу и правили в согласии. Даже новых богов рожали, но только поначалу. Через какое-то время стали только мертвые на свет появляться. Тогда-то всё и началось... Полюбили боги в Тот мир, Русь, к людям навеваться — от них-то потомство получалось. Так богам же ещё и поклонялись, их восхваляли. Дошло до того, что богам стало лень ходить в Русь, и чтобы потешить своё непомерное самолюбие и сладострастие стали приводить людей в Старград. И всему этому покровительствовал сам Сварог. Про такое тебе старик не рассказывал?

— Да где там бабушка, впервые слышу. — Яромир повалил очередное дерево.

— Слушай, слушай... Да только Чернобог и Белобог против были. Не место смертным в стенах Старграда — считали они. Не пристало «вечным» грязным кровосмешением заниматься. Много раз они умоляли Сварога вернуть всё на свои места, следовать наказу Рода и следить за порядком в мироздании, но тот лишь гнал их взащей. Решился тогда Чернобог стать верховным богом, свергнуть Сварога, изгнать людей обратно и путь в Старград им навсегда закрыть. Но вот Белобог не предал Сварога, за что Чернобог в гневе его и утопил. Первый раз, когда бог убил бога... Не хватило сил Чернобогу в одиночку одолеть Сварога и изгнали его за это в темницу душ, в бескрайние черные земли Иного мира — Забвение. А дальше ты и сам знаешь...

— Расскажи, расскажи до конца. — Яромиру было любопытно слушать бабушкину историю, и работа была уже почти закончена. — И какое отношение к этому всему мой отец имеет?

— Самое прямое! Кхе-кхе! — бабушка поперхнулась пирогом, прокашлялась и продолжила. — Долго Чернобог таился во тьме, с горечью обиды и злобы. Долго он силы собирал, души людские извращал в Забвении и в тварей тёмных превращал. Войско получилось — не сосчитать. А в Старграде боги с людьми окончательно породнились, да народили они столько полукровок, что все в городе уже и не помещались вовсе. Тогда и пришла война. Явился Чернобог с полчищем черным. Многие примкнули к нему и пал Старград. Чернобог оказался равным Сварогу и не придумал ничего лучше, как обрушить на старшего брата весь Старград. Алатырь-камень угодил прямоком на голову Сварога и не стало его. Вроде бы победа, да вот не совсем... Душа Сварога не подчинилась воле Чернобога. Не смог он её силой завладеть. Чернобог разгневался и пустил в Тот мир своё войско. Захотел он на корню выкосить род людской. Тогда дух Сварога и проявил последнюю волю — превратился в камень и разлетелся на осколки, так, что смертельно ранил Чернобога и пришлось ему бежать обратно, в Иной мир, зализывать раны. Что тогда твориться началось... Все три царства сошлись. Из Того мира успел призвать Сварог воинов, кто его больше всех чтит — Русичей, только тем обратно уже не суждено вернуться было. В Забвении силы темные попрятались, а почти всё своё войско Чернобог здесь, в Сварге бросил. Только не было больше, ни силы, ни самих богов. Всё начисто Сварог стёр... ну, почти всё. Вот тут и появляется твой старик! Он — по крови Чернобожич.

Яромир выронил меч из рук.

— Быть того не может!

— Ворожба не лжет. Всё мне рассказала. Внук он силы темной. Славомир получил часть силы Сварога — это так, но не он один уцелел в Ассе. Многие боги выжили, только от прежней их силы остались лишь крупички. Пообещал им Славомир защиту и слово сдержал. Всех, кто был готов трудиться на равне с людьми он принял, поднял стены Слав-города и выковал множество вещей, заговоренных для борьбы с оставшейся силой темной. Только думаешь хотели боги жить с людьми на равных, когда еще вчера те им прислуживали? Нет! Таких Славомир выставлял за ворота, где они оставались одни. Их убивали, рвали на куски, но и они выжили. Их потомком и оказался твой старик! Ненавидит он род людской и желает повелевать им... Долго, очень долго собирал он знания и копил силы, чтобы вернуть к жизни Чернобога, чтобы с его помощью самому стать богом. Но больно я притомилась... Пойду отдохну, чай не молодая уже. А ты занимайся, остальное успеется...

Бабушка медленно встала и пошла к дому, снова оставив Яромира одного с кучей вопросов.

Яромир дождался, когда она скроется из виду, поднял бревно и с силой ударил его о землю.

«Столько секретов, столько тайн и кругом сплошная ложь, но бабушка хотя бы что-то говорит... Нужно выполнить обещание и дослушать её историю до конца. Для этого придётся хорошо поработать.»

И Яромир принялся работать. Злость придавала сил и боль в ноге совсем не чувствовалась, поэтому он без особого труда переносил все брёвна на подворье, собрал хвороста и выкосил траву на дворе.

Всё это время, до самого вечера, Черныш не отходил от Яромира далеко, как будто специально сторожил его, чтобы не убежал.

Бабушка больше ничего не рассказывала и старалась увильнуть от расспросов Яромира. Но он выяснил, что всё это время, пока Яромир находился у неё, старушка спала в бане. Поэтому, когда Яромир закончил работать, то она поспешила уйти из избы, оставив при этом на столе сытную грибную похлёбку.

На следующий день Яромир заменил брёвна избы, подлатал сарай и пригон и к вечеру обещание, данное бабушке, было выполнено.

С самого утра старушки не было видно. Она вернулась к вечеру, принеся с собой лукошко грибов и трёх пойманных зайцев.

— Вот — я, конечно, не ожидала, что ты так лихо управишься, — бабушка, явно довольная работой, обошла двор. — ну, теперь ещё несколько зим проживу и на том спасибо! А ты, дуй в баню, а то больно русский дух больно пахучий. Заодно и повязку снимешь.

Яромир ещё днём сполоснул рубаху в ведре, но и сам чувствовал, что помыться бы не помешало.

Когда Яромир вернулся из бани, бабушка уже накрыла на стол.

— Ногу показывай! Ну, чего встал, как вкопанный, снимай штаны говорю.

Яромир замялся с ноги на ногу.

— Честное слово, как маленький... — бабушка подошла к оторопевшему Яромиру и сдернула штаны на пол. — Ну вот, нога как новая, правда шрам останется... но тебе, видать, не привыкать! Одевайся и садись за стол...

Покрасневший Яромир быстро натянул штаны и поспешил за стол. Он был очень голоден, так как съеденных на обед молока, ягод и орехов совсем не хватило, чтобы

наестся. А удержаться от запеченного зайца б яблоках было просто невозможно.

Бабушка выглядела чем-то взволнованной. Она дала Яромиру поужинать, после чего нарушила молчание:

— Ну, задавай вопросы. Думаю, их у тебя не мало.

— Если отец такой из себя колдун, чего ему сдалось столько возиться со мной?

— Потому что ты — славич, разве не понятно?

Яромир поперхнулся заячьей костью.

— Я — славич?

— А чему удивляться. Откуда ещё такой силе взяться? Не от морковки с огорода же... В тебе кровь Славомира, вот ты ему и нужен. Ты говорил что-то про сон и знаки? Какой из них ты видел?

Бабушка положила на стол сумку для трав, на которой было вышито Черное солнце и амулет со Звездой Сварога, который Яромир нашёл в пепле водяного.

Яромир указал на амулет.

— Вот, его.

— Да... Звезда Сварога, как любопытно... Теперь я понимаю. Он верит, что ты ключ.

— Ключ к чему?

— К возвращению Чернобога конечно же.

Бабушка резко встала и подошла к полке с травами. В глиняный горшок она бросила травы и подожгла их лучиной из печи. Воздух наполнился ароматом душимянки, зверобоя и дурман-травы.

— А что значит Черное солнце?

— Тоже, что и Звезда Сварога. Хочешь, назови это клеймом мастера, в ворожбе же — это сильная защита. Звездой отмечался Славомир, а кто ставил Черное солнце — неизвестно, но знанием о колдовстве он обладал не меньшим.

— Я-то тогда причём?

— Сейчас узнаем. Он нам всё покажет.

Бабушка бросила амулет в дымящийся горшок и из него повалил густой дым:

— Старое колдовство, древнее. Но ты не страшись, зла не причинит, ежели противиться не будешь!

Глава 12: «Не мытьём, так катаньем, да, колдун?»

Дым быстро заполнил избу, но не едкий, как от костра, а мягкий, оставляющий на губах сладковатый привкус дурман-травы.

Яромир повернулся и замер от удивления.

Он стоял на вершине холма, того самого, на Туманных топях, где он убил водяного, только ни обломков, ни человеческих останков вокруг не было, как не осталось и следа от самой трясины, лишь яркий солнечный свет рассеивал дым, освещая большой участок хорошо протоптанной дороги и широкого луга посреди леса.

На этот раз даже иссохший, умерший дуб на вершине, всё ещё оставался полным сил и гордо развесил пышную зелёную крону.

Яромир услышал шум шагов за спиной и обернулся. Из дыма, опираясь на посох, вышел человек, лицо которого показалось Яромиру до боли знакомым.

Старик...?!

Яромир никак не мог ошибиться — это точно был его старик, хоть седина в бороде

почернела и глубокие морщины сошли с лица.

— Отец, я сплю? Где мы? — Яромир попробовал дотронуться до плеча старика, но рука прошла сквозь него, оставив позади след плотного дыма.

Ответа, естественно, тоже не последовало.

Яромир неуверенно потрогал себя по лицу и с облегчением выдохнул, что хотя бы он всё ещё оставался реальным.

Вдруг, с другого конца тропы, из серой пелены, послышались голоса и выехал конник. Блик от его наполированного нагрудника на мгновение ослепил Яромира.

— Тропа узкая! Встать по двое! — уверенно скомандовал незнакомец.

— Как же давно это было... — Яромир вздрогнул от неожиданно появившейся рядом бабушки. — Знакомься, светлый княже Ярослав!

— Значит, это мой настоящий отец?! — Яромир удивлённо вздёрнул брови, указав рукой на всадника.

— Он самый. — лицо бабушки показалось Яромиру непривычно суровым. — Во всей своей красе.

— Вот оно значит, как всё получилось... — прошептал под нос Яромир, старательно вслушиваясь в знакомый голос незнакомца.

Он впился глазами во всадника, стараясь как можно лучше рассмотреть каждую мелочь в его образе.

Темно-красное расшитое золотыми нитями платье, нагрудник с выбитой Звездой Сварога, красный походный плащ — сразу видно, что не абы какой витязь.

В аккуратно подстриженной бороде Ярослава проблескивала седина, слегка вьющиеся золотые кудри украшала княжеская тиара.

У Яромира перехватило дыхание.

Следом, из дыма показались пять пар конных, сопровождающих неприметную, но массивную карету, ту самую, в которой Яромир нашёл Кладенец. Ещё десяток воинов замыкал княжеский отряд.

В окне Яромиру удалось разглядеть молодую девушку, чьё лицо скрывали длинные белые локоны. Именно белые, блестящие, как только что выпавший снег.

Она заботливо прижимала к груди и покачивала аккуратно свернутое полотенце.

«Ребёнок...?» — Сердце Яромира сжалось. — Неужто... Мама?

— Она, она. — одобрительно закивал бабушка. — Княгиня Ольга.

Яромира затрясло. Слезы навернулись сами собой, и он бросился к карете, в надежде поближе её рассмотреть.

Всё детство Яромир представлял, какой она могла быть красивой. Как и все сироты, он страстно желал однажды встретить её. Часто, пока старик не видит, рисовал её образ на мокром песке, и теперь у него появилась возможность исполнить свою мечту.

Но его порыв остановила незримая стена, не позволяющая сделать и больше двух шагов.

Неприятное чувство приближающейся опасности заскребло в груди

— Разворачивайтесь! Бегите — это западня! — Яромир кричал изо всех сил, стуча кулаком в невидимую преграду.

— Тщетно, Яромир, бль-трава лишь рассказывает. Здесь ты ничего не можешь изменить. — бабушка положила руку на плечо Яромира. — Смирись, стой и смотри. Внимательно смотри!

В это мгновение Яромир почувствовал себя самым настоящим бесплотным духом.

Весьма неприятное ощущение...

Ярослав первым заметил старика на холме и поднял руку, давая отряду знак остановиться. Сам же князь осторожно выехал вперёд.

С этого расстояния Яромир смог разглядеть поблескивающий поверх доспехов амулет Звезда Сварога.

— Значит, эта безделушка принадлежала отцу? Как же она тогда оказалась у водяного?

— Да, да, то-то и оно... Звезда Сварога — символ рода и власти. Твоя связь с ним — неразрывна.

После недолгой, напряженной тишины Ярослав нарушил молчание:

— Ну что, колдун, неужто нигде от тебя не укрыться?!

— Столько вопросов... — Яромир пристально следил за тем, как его помолодевший старик медленно снимает балахон. — Сколько секретов... Смешно, но я ведь даже имени его не знаю. За шестнадцать зим он так ни разу и не обмолвился...

— Может лучше и не знать... — пробурчала под нос бабушка — Колдун он и есть — колдун!

— Нет нужды проливать кровь, Ярослав. — привычный хриплый голос старика раскатился по полю гулким басом. — Отдай мальчишку и уходи с миром.

— Твоя голова на пике перед воротами Перуна, вот мой мир!

— На то твоя воля, светлый княже.

Колдун трижды ударил по земле посохом.

Цветочное поле начал окутывать туман, надвигаясь со всех сторон непроглядной стеной. Кони в страхе метались, и воины изо всех сил пытались удержать взбесившихся животных.

— Вот оно — его истинное лицо! — Ярослав обратился к дружине и обнажил меч, в котором Яромир признал меч-кладенец. — Не бойтесь, воины мои, не позволяйте страху захватить вас! Всё в этом мире смертно! А этот чёрный душегуб и подавно! Чтобы он сейчас ниспослал на наши головы — любой ценой защитите карету!

Стоило туману прикоснуться к распустившимся бутонам, как те тут же чернели, превращаясь в болотистую жижу. Когда вся округа оказалась во власти белой пелены, то колдун ещё раз ударил посохом оземь и из глубины топей послышалось протяжное гневное рычание.

Хлюпая по грязи, со всех сторон выползала всевозможная лесная нечисть: упыри, бесы, боруты, моровые пауки — те, на кого старик учил охотиться Яромира, сейчас беспрекословно подчинялись его воле.

Руки Яромира затряслись от охватившего его гнева, а в грудь зажгло от всё сильнее и сильнее закипающей ярости.

Ярослав подошёл к жене и что-то неслышно сказал ей, от чего та залилась слезами. Князь поцеловал Ольгу, склонился над ребёнком и встал в круг вместе с дружиной.

Они окружены. Бежать некуда. Бой неизбежен.

Минутное затишье и новый удар посохом эхом прокатился по болоту.

Приказ отдан. Начало положено. Чудовища бросились в атаку.

Но долго княжеская дружина продержаться не могла.

Яромир с огромным интересом наблюдал за прекрасно подготовленной дружиной. Будто одно целое они кололи и рубили, заставляя тварей замертво валиться возле их ног.

Но, какой бы отвагой не были наполнены их сердца — численное превосходство

воинства колдуна взяло своё.

Одного за другим чудовища валили витязей на землю вместе с лошадьми, отрывали конечности, разрывали плоть, жадно пожирая внутренности.

Ольга в страхе забилась в угол кареты.

Она никак не могла успокоить плач ребёнка, напуганного душераздирающими криками, доносившимся снаружи.

И чем громче плакал маленький Яромир, тем яростнее чудовища прорывались к карете.

Князь Ярослав стоял до последнего. Он потерял и коня, и большую часть дружины, но те, кто выжил, продолжали держать оборону неприступной стеной, не позволяя тварям достичь своей цели.

Лицо колдуна искривилось в недовольной гримасе и он в гневе ударил о землю ещё раз.

Яромир уловил неестественное движение тумана, за которым последовал далёкий, громкий всплеск воды.

«Вот и он...» — Холодная дрожь пробежала по его спине.

Через мгновение болото вскипело и завертелось водоворотом, затягивая тела поверженных чудищ и разодранных коней.

Неожиданно, твари отступили, заключив оставшихся выживших в плотное кольцо.

Земля под ногами размякла и ушла под воду и, хлюпая грязью, восстал водяной.

При виде ненавистой твари руки и ноги Яромира окоченели от ужаса. Не столько за себя, сколько за Ярослава...

Весь покрытый тиной, останками тел и костей — водяной выглядел жутко, даже для уже, вроде бы привыкшему к нему, Яромира.

Навстречу новой угрозе, тяжело дыша и прихрамывая на правую ногу, вышел Ярослав.

Он окинул презрительным взглядом громадную тварь и повернулся к воинам:

— Братья, костями лягте, но защитите... Не должен колдун получить Яромира, а если другого выхода не будет — убейте. Лучше так, чем пожертвовать всем миром...

Из двадцати одного дружинника осталось только семеро.

Мужики ответили князю коротким кивком и так же молча подняли щиты.

Один из них, которому паук откусил пальцы на левой руке, туго перетянул ремни, остановив кровотечение, и стал бить мечом по умбару, что подхватили и другие.

Они не боялись смерти. Сложить голову с мечом в руках в доброй сече — вот он удел настоящего витязя.

— Хорошая дружина..., - Ярослав гордо выпрямился и повернулся к колдуну. — Сразись со мной, приبلуда! Выходи на бой! Али в твоей черной душе совсем нет чести?! Вот он я — перед тобой стою, спускайся и дерись как мужчина, а не прячься, словно трусливая собака, за спинами своих выроdkов.

Яромир метался по холму из стороны в сторону. Он то и дело стучал кулаками в незримую стену, в надежде, что сможет вмешаться, но все его потуги оставались безрезультатными.

— Князь бросил ему вызов, но почему он продолжает стоять? — Яромир встал перед стариком и посмотрел ему в глаза, которые налились кровью и буквально пылали от гнева и злобы. — Дерись, дерись, трус! Ты же сам меня учил, никогда не прятаться за спинами, бесстрашно принимать все вызовы! Дерись же, ну!

Яромир в ярости замахнулся на старика, но провалился сквозь дым и упал на колени.

От беспомощности Яромир ударил кулаком о землю, до крови разбив казанки.

— Вот, теперь ты, наконец, видишь, какова его истинная натура. — бабушка склонилась над Яромиром и повернула его голову к старику. — Смотри на него, смотри — кто он на самом деле такой!

И старик так и не ответил на вызов Ярослава.

Не проронив ни слова, он вновь ударил посохом.

Водяной бросился в атаку, а следом за ним и все остальные.

— Трус, поганый трус! Будь же проклят ты и весь твой род паскудный! — успел крикнуть Ярослав, до того, как на него набросились три трупоеда, которых он ловким движением порубил на части.

Карету окружили, и княжеская дружина вновь принялась яростно отбиваться от чудовищ.

Ярослав остался один на один с водяным.

Яромир смотрел с восхищением, как его отец, словно кошка, уворачивался от размашистых ударов болотной твари, рубя и коля ее в ответ.

Но победить водяного в воде было невозможно, и он то и дело восставал, снова и снова нападая на Ярослава.

Колдун, видя, что князя снова взять не получается, сам направился к Ярославу.

Князь смог оттеснить водяного к сухой тропе и, повалив его на землю, отсек левую руку. Тварь взвыла, и Ярослав приготовился добить его, как подлый удар посохом в спину отбросил князя в болото.

Водяной воспользовался положением, отполз к воде и скрылся в грязи.

Ярослав поднялся из воды и, вытерев лицо, попытался поднять руку с мечом, но к ней уже прилип коварно поджидавший в трясине склизкий болотник.

С большим усилием князь стряхнул подлую тварь, но её яд начал быстро расползаться по телу. Ярослав смог сделать ещё пару шагов, как полностью отнялись ноги, и он упал на колени.

— Не мытьём, так катаньем..., да, колдун?

Дыхание князя замедлилось, он протяжно захрипел и без сил завалился на бок.

Яд болотника вызвал отёк лёгких. Жить князю оставались считанные мгновения.

Ярослав бросил прощальный взгляд на карету.

Он видел, как последний из оставшихся воинов в отчаяние выхватил нож из-за пояса и бросился к карете, но его перехватил борут. Лёгким, быстрым движением чудовище лишило война головы, забрызгав кровью дверцу и платье притаившейся внутри Ольги.

Среди победоносного рёва чудовищ, Ярослав слышал, как внутри кареты продолжал громко плакать маленький Яромир, и одинокая слеза покатила по его щеке.

Колдун, с каменным лицом, склонился на обездвиженным, поверженным князем.

— Мой сын...никогда не будет... рабом... — яростно смог выдавить из себя Ярослав.

Колдун холодно посмотрел в его глаза и поднял из воды меч-кладенец.

— Таки должно, княже. Аз предрекал тебе, оже никто не может противиться его воле...

Старик отошёл в сторону и снова стукнул посохом.

За спиной Ярослава из грязи поднялся водяной и, под громкий рёв, утянул его под воду. Болото вскипело и, через несколько мгновений, из тины показался голый череп с пустыми черными глазницами, а за ним поднялось и остальное тело, облаченное в стальной княжеский доспех.

Яромир в отчаянии повалился на колени и горькие слёзы вновь покатались по его

щекам.

— Если это станет для тебя хоть каким-то облегчением, то ты смог отомстить одному из убийц своего отца... — бабушка заботливо положила руку на плечо Яромира. — Жаль, что и ей довелось это всё увидеть.

Внизу, колдун подошёл к водяному и громко произнёс:

— Вот тебе мой наказ: отныне и навеки, эта топь — твоя вотчина! Оже здесь покоено, таки и должно оставаться неведомым для любопытствующих глаз!

Водяной грозно зарычал, а колдун отвернулся и направился в сторону кареты.

Вся тропа, не тронутая топью, была завалена трупами и частями тел чудищ и дружины Ярослава, которую с удовольствием доедали оставшиеся в живых твари.

Никто из них не посмел подойти к карете, хоть их всех и манил детский плач.

Колдун положил посох на место извозчика, и взялся за ручку двери кареты. В руке его устрашающе сверкнул меч-кладенец.

— Нет! Не смей! — бился в истерике разъярённый Яромир. — Я убью тебя! Слышишь? Убью!

Колдун со скрипом открыл дверь.

Послышались мольбы Ольги, сменившиеся предсмертным криком, и вся поляна быстро наполнилась дымом, вновь поглотив обезумевшего от злости Яромира и мрачную, нахмурившуюся старушку.

Они снова оказались в избе и дым со свистом вернулся обратно в горшок.

Некоторое время они сидели в полнейшей тишине, которую первой решила нарушить бабушка.

— Целых шестнадцать зим ходило поверье, что князь с семьёй почил на охоте. Он сделал всё, чтобы никто не прознал о его подлости...

Бабушка опустила руку в горшок и достала из него почерневшую от сажи Звезду Сварога. Она медленно подошла к Яромиру и осторожно надела амулет на его шею.

— Он по праву принадлежит тебе, княже.

Яромир подскочил, сорвал амулет и бросил его в стену, так что, тот воткнулся уголком в брус.

— Бред какой-то! — Он стал нервно ходить из угла в угол. — Какой я тебе князь? Зачем ему всё это?!

— Где ж такое видано, чтобы колдун, да не врал? Он и Ярославу врал... Когда колдун прогнал меня, то я решила во что бы то ни стало вывести его, подлеца, на чистую воду! Ворожба рассказала, что охотился он за ребёнком княжеским, а всем знамо, что и Ярослав, и Ольга по крови славные. Колдун, как змеюка подколодная, к ним в доверие втёрся, а когда его раскрыли, то вон чего наворотил...

— Я убью его! Я убью его за всё, что он сделал! — По лицу Яромира невольны заструились слезы.

Бабушка подошла к Яромиру и взяла его за руку.

— Дурной ты! Сам того не видишь, что ты ему не ровня? Не готов ещё! Ты видел, сам Ярослав пытался и где он теперь? Не хватит тебе силушки богатырской совладать с колдуном могучим. Многому тебе ещё нужно обучиться, Яромир. А если раньше времени в омут с головой бросишься, то погубит он тебя и дело с концом.

— Зачем всё это?! Почему я?!

— Потому, что так одна дряхлая, полоумная ведьма нашептала Славомиру! Кровь от

крови Сварога, великий воин вернёт Чернобога в Сваргу. Почти никто не знал, но Славомир на старость лет совсем из ума выжил! Повсюду мерещились заговоры, каждый чудился врагом! И всё бредил, что именно ему ведьма предрекла такую судьбу, потому и сбежал. Всяк тогда думал, что на том конец, но приспешники тьмы не успокоились и по сей день продолжают поиски. Как видишь — не зря! Твой сон тому доказательство! В тебе сокрыта сила, дарующая видение о прошлом и будущем, связь с самими корнями Мирового дерева. Теперь и я уверена — старый колдун в тебе не ошибся. Нет, нет, нет! Он готовил тебя, растил могучим воином, чтобы в нужный час ты послужил Чернобогу сосудом. В день чёрного солнца он воткнул бы нож в твою спину и даровал нечистому богу новую жизнь! Не веришь мне? Прислушайся к крови... Чувствуешь, как она кипит в жилах? Чувствуешь, как сила пробуждается внутри?! Прислушайся к ней, и она ответит, что нет ни толики лукавства в моих словах!

Бабушка с трудом выдернула амулет из стены и прижала его к груди Яромира.

— Он специально не давал тебе свободу! Он специально тебя растил, как скот, на убой! Как посчитает, что ты готов — вернётся в Сваргу сила тёмная и исчезнет мир, каким ты его знал! В Забвении сгинешь и ты сам! Ведь не будет никому от Чернобога пощады!

Яромир бес сил рухнул на кровать и от отчаяния обхватил голову руками. Его знобило и бросало в жар, в голове помутнело, а под рубахой тело горело огнём.

— Что же мне делать?

— Беги! Беги от колдуна! Погубит он тебя! Познай настоящую силу, а потом вернись и убей колдуна проклятого! Не дай Чернобогу победить, не должны его ноги вновь коснуться земли Сварги! А я же всегда буду с тобой рядом, куда время мне то позволит. И никогда тебя не предам!

Бабушка села рядом, обняла Яромира и вложила Звезду Сварога в его ладонь. По щекам Яромира вновь побежали слезы.

Глава 13: «Аз тебя разве не предостерегал?»

Бабушка вывалила на Яромира больше, чем он мог себе вообразить.

Да и как, вообще, можно себе такое представить?!

Тот, кто вырастил и воспитал его, оказался подручным самого Чернобога — властителя Забвения, гибели мира. Более того, сгубил родителей и лишь выжидал момента, когда, наконец, уже сможет принести его, Яромира, голову на подносе своему кровавому властелину.

Будто он и не человек вовсе, в какой-то ягнёнок.

И это никак не давало Яромиру покоя.

Бабушка уснула, как ни в чем небывало, а он всю ночь проворочался с боку на бок — никак не мог найти себе места.

Всё нутро так и зудело, что-то неприятно скреблось в груди, бросало то в жар, то в холод. Даже тихий храп бабушки и резкие запахи всевозможных трав, развешанных под потолком, невероятно раздражали.

Так продолжалось пока не показалось рассветное зарево и на всё округу не заорал петух.

Неожиданно для себя, в тонком, противном визге птицы, Яромиру послышался человеческий голос.

«Он тебя предал... Убей его!»

Яромир на мгновение замер и похлопал себя по щекам, стараясь отогнать дурные мысли.

«Я помер и схожу с ума! Конечно, водяной стрёс мою головушку, теперь мерещится всякое... или же всему виной простой недосып?» — он перевернулся к стене, свернулся калачиком и обхватил голову руками. — «И то верно. Как, вообще, в здравом уме можно в такое поверить...?!»

Петух разбудил и бабушку.

Яромир слышал, как та осторожно собралась, скрипнула половица перед порогом и едва слышно закрылась дверь.

Старушка по обыкновению отправилась за травами.

Он же всё это время продолжал притворяться спящим. Не хотел больше продолжать вчерашний неприятный разговор.

Тем более, что Яромиру начало казаться, будто сама Сварга со всеми её обитателями ополчилась против него.

Он осторожно повернул голову и с лёгким облегчением выдохнул.

Сейчас в избе он находился совершенно один.

Но на этом его напасти только начались...

Сначала онучи никак не хотели нормально обматываться вокруг ноги и залазить в сапоги. Затем, случайно задетый локтем глиняный горшок, со звоном свалился на пол и разлетелся на мелкие осколки.

Яромира передернуло и он с неожиданной злостью распинаял черепки по комнате.

«Нужно срочно остудиться...!»

Он стрелой бросился к двери. Казалось, что он вот-вот загорится изнутри.

Яромир с грохотом вылетел на улицу, и не заметил мирно свернувшегося у порога Черныша, наступив каблуком сапога ему на хвост.

Кот яростно зашипел и, угрожающе выставив когти, бросился на ногу обидчика.

Яромир, не долго думая, саданул зарвавшегося зверька сапогом, от чего тот отлетел к самому колодцу. Сейчас его лучше было не злить.

Черныш вздыбился, сверкнул глазами, но, при виде искаженного от злости лица Яромира, передумал продолжать схватку, а только надменно фыркнул и с важным видом поспешил скрыться в сарае.

Яромир с лёгким удивлением подметил, что с их первой встречи кот стал гораздо больше. Но сейчас его заботило далеко не это. Всё нутро так и продолжало полыхать огнём.

Он подскочил к колодцу, нервно дёргая ворот вытянул ведро и с размаху опрокинул на себя.

Ледяная вода взбодрила, заставив застучать зубами от холода и притупив разгоревшийся в груди пожар, но отвратительное чувство страшнейшего предательства никуда не ушло, а наоборот — усиливалось с каждым мгновением.

Бабушка вернулась незаметно и, без лишних слов, на скорую руку собрала Яромира в дорогу.

Он же потуже затянул пояс, перекинул холщовую котомку и меч за спину и торопливо направился к калитке.

Яромир, весь погруженный в собственные мысли, опомнился лишь у воротины.

Его будто чем-то тяжелым шарахнули по голове, от чего он остановился и обернулся.

Бабушка неспеша брела следом за ним, а возле её ног заботливо крутился Черныш.

«Ну и странная же скотина.» — Яромир на мгновение замер и в недоумении протёр глаза.

Теперь кот и вправду начал больше походить на добротную собаку...

Яромир хотел было полюбопытствовать у бабушки за такое чудесное преобразование Черныша, но при виде выступивших слёз на её глазах решил об этом умолчать.

— Гой еси тебе, бабушка и низкий поклон, за всё: и за жизнь мою спасенную, и за правду горькую, и за рубаху чудную...

Яромир крепко обнял её.

Кот же отскочил в сторону, зашипел и приготовился броситься на Яромира, как старушка тут шуганула его.

Черныш, явно желавший драки, уселся на лавку и впился глазами в Яромира, пристально наблюдая за каждым его движением.

— Странная он, всё-таки, скотина. Дикий какой-то...

— Ревнивый больно. — равнодушно пожала плечами бабушка и пригрозила гневно пыхтящему коту кулаком. — Ну что, богатырь, готов в дорогу?

— Готов, бабушка, давно пора! Гой еси! Судьба нить свяжет — ещё увидимся!

Яромир поклонился в пол, чуть ли не достав лбом до самой земли.

— Гой еси, Яромирушка, ныне и присно! И от круга до круга! Сердцем чую, что совету моему не последуешь... По глазам же вижу — к колдуну собираешься вернуться. Ох, погубит он тебя, помани моё слово! Жаль, если такой добрый молодец пропадёт по чьём зря... Может, со мной останешься? Многому научу, много тайн разных ещё поведаю, да и мне всяко повеселее. Вместе, глядишь, и придумаем, как силу темную одолеть.

Яромир лишь промолчал и виновато отвёл взгляд в сторону.

Порыв ветра качнул крону деревьев и, в шелесте листвы, отчётливо послышалось:

«Верь... Она спасёт... она поможет...»

— Про судьбу ты верно подметил, — продолжала старушка, крепко сжимая ладонь Яромира. — мы с тобой теперь связаны, славный богатырь. Был бы из тебя толк о-го-го, но не мне за тебя решать! А коли уж решился, то изволь идти до самого конца! Теперь ступай и помни, что никто в Этом мире тебе больше не указ. Сам выбирай дорогу!

Яромир ещё раз поклонился, развернулся на пятках и, больше ничего не говоря, тяжелой поступью направился по тропе, которая, как сказала старушка, вела в Три дуба.

И пока он не скрылся за кустами шиповника, то продолжал чувствовать на спине тяжелый, полный ненависти взгляд Черныша.

Яромир множество раз ловил на себе такие взгляды и уже прекрасно знал, что животное было готового к убийству...

Как бы то ни было, но дом бабушки остался позади и Яромиру предстояла долгая дорога.

Бабушка оказалась права — он не мог пойти против себя. Старик должен ответить ему за всё...!

Старушка говорила, что от неё до деревни четыре дня пешего ходу. Боль в ноге окончательно прошла, что позволило Яромиру задать хороший темп и к вечеру преодолеть весомую часть пути.

На удивление дорога шла ровно и практически не петляла, даже волчьего воя не было слышно. Доносилось лишь только пение птиц, стрекот насекомых и шум ветра.

И всё дорогу слова бабушки так и вертелись змеями в его голове:

«Неужели отец взаправду всё это время лгал мне? Убил моих родителей? Черный колдун?»

В груди зажгло, как будто под кожей прошлись крапивой.

Треск лопнувшей под ногой ветки отозвался в голове Яромира пронзительным криком: «Колдун... Предал... Смерть!»

Яромира обдало леденящим потом. Он до крови закусил губу, сжал кулаки и перешёл на бег.

«А что, если старуха врёт...? Нет, своими глазами же видел, да и чего бы ей... Ха! Колдун, ага, Чернобогу меня, как скотину на убой... Ну нет! Не дамся и ему не позволю. Права была бабушка — нужно с этим покончить. На этот раз он мне всё расскажет! За всё ответит!»

«Убить! Отомстить!» — подхватывала шлёпающая под ногами грязь, оставшаяся от недавно прошедшего здесь дождя.

Яромир так погрузился в раздумья, что и не заметил, как показались первые звёзды.

«Славич... Надо же... Столько историй про богатырей и тут на тебе... Расскажу братьям — не поверят... А ведь он всё знал: что тварь на болоте, что правду на них найду — поэтому и не пускал. Облуд трухлявый! Ну ничего, будет старому потеха... Как на духу всё выложит!»

«Правда... Колдун... Смерть!» — вторило уханье пролетающей над головой совы.

В груди так чесалось и жгло, что Яромиру казалось, будто оттуда что-то хочет вырваться наружу. Он болел... и душой, и телом. Злость и ярость разгорались всё сильнее с каждым новым шагом, придавая Яромиру сил.

В конце концов Яромир всё-таки устал, нашёл относительно безопасное место среди колючих зарослей боярышника, развёл костёр, перекусил и тут же уснул, а на утро продолжил путь.

Яромир во всех красках представлял себе предстоящую встречу со стариком. Прокручивал один вариант мести за другим, примерял каждое слово и каждый шаг, всё больше и больше себя накручивая.

Он так злился, что не заметил, как пробежал весь следующий день и ночь. На утро третьего дня он был уже на подходе к Трём дубам.

На самом краю деревни, возле лесополосы, Яромир увидел, что старшина Рознег собрал большую дружину, готовую отправиться в поход.

Помимо самого разного мужичья стояли и Ерёма с Ермолой, и Аяр с Эйдой, и Косой с Копноволосым. — старшина поднял на уши всю деревню.

«Неужто на Три дуба напали?»

— Так, хлопцы, доложить о готовности! — старшина с самым грозным видом ходил перед строем, безуспешно пытаясь разгладить топорщащиеся от волнения усы. — Надеюсь, все со своими попрощались?

Яромир подкрался со спины совершенно незаметно и так, что Рознег его совсем не услышал.

Зато, увидела дружина.

Мужики, стоявшие до этого мрачнее тучи, улыбались и посмеивались, вызвав полное замешательство старшины:

— Вы что, олухи, ополоумели?! — яростно завопил Рознег. — Смешно вам?! Феол с мужиками сгинул, даже пацан и тот пропал, а вы зубоскалить удумали?! Посмотрю, как вы

будете хихикать, когда тварь, что прячется на этих проклятых топях вам всем жопы поотгрызает...!

— Сидело. — громко и холодно отчеканил Яромир.

Дружина прорвалась смехом.

Старшина, покрасневший от злости, одернулся и медленно повернулся к тому, кто посмел его перебить:

— А ну, тишина! — прикрикнул Рознег, и дружина разом замолкла. — Ах ты, подлец! Выпорю! Чтоб знал, как подкрадываться... Ну, приبلуда, докладывай, где шлялся?! Мужики где? Что на болотах было? Чего так долго?

— Водяной. — с каменным лицом ответил Яромир.

Среди мужиков прокатилось взволнованное перешептывание.

— Понятно... — Старшина нахмурился и расстроено склонил голову. — Никого?

Угрюмое молчание Яромира говорило само за себя.

— Хорошие были мужики. — Старшина печально вздохнул. — Тварь там ещё?

Яромир отрицательно покачал головой.

— Хм... — Рознег недоверчиво прищурился. — Неужто сам?! Водяного?!

— Убил и сжёг. — Яромир всем видом показывал, что сейчас он не был настроен шутить. — Я своё слово сдержал, старшина, твой наказ выполнил. Тумана на топях больше нет. Можно свободно ходить.

— Не большое утешение, но всё же... Молодец! Я же говорил, что без старика справишься.

При упоминании старика у Яромира опять зажгло под рубахой и изо рта Рознега вырвалось:

«Враг... Убей!»

— Не указ он мне боле! — неожиданно для всех вспыхнул Яромир. — Сам себе теперь волен...!

— Ох ты, ох ты, какой горячий! — важно подбоченился Рознег. — Где столько шарился?

— Домой дорогу искал. На топях, где дуб на холме, водяной много зим народ губил и много добра всякого после него там осталось.

— Добра говоришь... — Рознег задумчиво почесал затылок. — Мужики там же?

Яромир коротко кивнул.

— Так, слушай меня! Становись! — Рознег довольно хлопнул в ладоши и вышел перед строем. — Богатырь дозор нашёл. Живых нет — водяной сгубил. Пацан в одиночку чудище упокоил, по сему, слышите все, почитайте его нашим братом! И, как и всем, полагается ему голос, угол и баба! Вот вам моё слово! Но, всё по порядку...! Теперича, надо тела братьев наших огню прижать, за тем — вот мой наказ: два десятка становись и...

Старшина шепотом обратился к Яромиру:

— Сколько там добра?

— Не сосчитать, старшина.

— Вот как... — Рознег призадумался и разгладил вновь вздыбившиеся усы. — И телег, сколь собрать сможете! Добровольцы есть?

При упоминании о щедрой добыче, из строя вышло даже больше мужиков чем требовалось.

— Вы бы так же на посевную строились, лодыри жадные! — Рознег нарочито пригрозил

мужикам кулаком. — Добро. Вы — со мной, остальным — разойтись!

Повторять приказ дважды не требовались, и все оставшиеся мужики тут же поспешили по домам.

Тем временем Рознег вернулся к Яромиру:

— Великую услугу ты оказал нам, богатырь! Достойную плату пожаловал?

— Более чем. — всё так же холодно отозвался Яромир. — Низкий поклон, старшина.

— Дочку Вассы в жены возьмешь?

От такого неожиданного вопроса Яромир опешил, насмешив старшину заметно округлившимися глазами.

— Вот тебе и храбрый витязь! Как на чудище ходить, так первый горазд, а как девку под крыло взять, так поджилки затряслись?

— Не ожидал, что вот так. С бухты-баряхты...

— А чего тянуть? Ты парень вон какой, и она-то как за тебя держалась — любо дорого смотреть.

«Твоя... Зверь — враг, убей!» — раздалось из скрипа проезжающей мимо телеги.

— Так ведь Патша... — замялся Яромир.

— Патша — не твоя забота! Здесь пока моё слово закон. Аль не по душе рыженькая пришлась?

Уши Яромира налились краской.

— Ха-х! Ох — молодость! — Рознег по-отцовски хлопнул Яромира по плечу. — Пристрою тебя к охотникам, будешь при деле, ребятни настряпаешь, а там, глядишь, и мне после себя будет кого оставить.

Яромир ещё больше обмяк.

— От этих олухов, того и гляди — беды жди, Феол — мёртв, а ты парень, вроде, смышленный. Уверен, будет с тебя толк. Всему научу! Не прятаться же со стариком всю жизнь по кустам? И так всех чудищ уже погоняли.

Стоило Рознегу упомянуть старика, как Яромира охватила дрожь и непроизвольно сжались кулаки.

— Таки нет, старшина..., осталось ещё одно. С ним разберусь, там и поговорим.

— Ну, как знаешь, богатырь! В Трёх дубах тебе всегда будут рады, а у тебя сейчас и так заботы хватит! — Рознег крепко сжал руку Яромира и навеселе вернулся к мужикам. — Запрягайте хлопцы коней! Айда в дорогу!

Стоило старшине отойти, на Яромира налетели Ерёма и Ермола.

— Слава Перуну, живой, руки-ноги целы?! — начал Ерёма, осматривая Яромира. — Мы же места себе не находили, как четвертый день пошёл овце, кровь пустили, чтобы Велес тебе в пути подсобил! А тебя всё нет и нет.

— Вот-вот, — подхватил Ермола. — Жена утро-вечер с красного угла не выходила, всё охала, да ахала, что погубило тебя болото! А ты чего пешком? Коня, всё-таки, потерял, да?

«Предатель...» — промелькнуло в голове Яромира. — «Всё из-за него... Даже коня Ермолиного и то по его вине сожрали...!»

Яромир, сам не ожидая от себя, выпалил:

— Ага, потерял... Чуть не сожрали меня из-за твоей тупой скотины! Специально мне эту клячу трухлявую подсунул?!

От гневного тона и обидных слов Яромира Ермола испугался и отпрянул назад.

— Ты это чего, я же помочь...?!

Ермола не договорил, как перебил Ерёма.

— Тут чего было-то! На четвертые сутки как ты уехал, притопал за тобой старик, а покуда узнал, где, кто, куда, зачем и как, то в такую ярость страшенную пришел... Псарь говорил, что он в шелку подглядел, как старик даже старшину поколотил, за то, что тот без его ведома с тобой дела вёл.

— Именно, нам с братом тоже по шапкам посохом прошёлся! Тяжелая же у него рука... Ты будь осторожен, Яромир, никогда мы старика в таком гневе не видели.

«Почувствовал значит, старый, что нет больше его власти надо мной! Во всём бабушка была права! Ну, я ему покажу...!» — подумал Яромир.

«Убей, убей!» — неожиданно загалдели братья, заставив Яромира отпрянуть назад и прикрыть разболевшуюся голову руками.

Он уже не слышал и половины от того, что говорили ему братья. У него теперь была всего лишь одна цель...

— Все живы, все здоровы, и вам поклон за заботу, — Яромир нервно пожал руки братьям. — но ждёт меня отец мой названный. Не гоже старого томить. Бывайте!

Яромир толкнул плечом попытавшегося задержать его Ерёму и чуть ли не бегом направился в сторону Темнолесья.

От такого напора Яромира Ерёма не устоял на ногах и повалился на землю.

Братья что-то кричали ему в след, но он не слышал — кровь пульсировала в висках, заглушая любые другие звуки, а каждый шорох в округе несмолкаемо твердил — «убей!».

Яромир неумолимо двигался к цели. Сейчас или никогда!

На краю деревни Яромир снова перешёл на бег и уже к вечеру добрался до владений старика.

Яромир остановился возле калитки, перевел дыхание и огляделся.

На дворе все было как обычно, за исключением необыкновенной тишины.

Весь двор как будто замер в ожидании.

Вдох-выдох... Яромир должен был успокоиться, но нет: сердце громко билось в груди с каждым новым ударом отчеканивая — «УБЕЙ, СМЕРТЬ!».

В груди зажгло, а по телу вновь пробежал озноб.

Не в силах сопротивляться зову, Яромир взял меч в руку и отворил калитку.

Только он сделал шаг на двор, как охватила тревога. Яромир чувствовал, что впереди ждала опасность. Здесь? Дома...?

Даже куры забились по углам, корова Милка жалобно мычала в хлеву, а черный пёс заскулил, поджал хвост и забился в конуру.

Показалось странным и то, что Траяна нигде не было видно. Сбежал?

Яромир бесшумно прошмыгнул в сени и приложил ухо к двери.

Он чувствовал, что старик внутри и уже ждёт его.

«Не стоит боле старого томить...»

Яромир выдохнул и так сильно отворил дверь, что с полок на пол повалились вещи и посуда.

Старик ужинал за столом и сохранял совершенное спокойствие. Он выглядел собранным и холодным, но Яромир прекрасно знал, что от него можно ожидать чего угодно...

«Не медли, давай, сейчас, вот она — месть!»

Яромир подошёл к столу и небрежно швырнул перед стариком меч, разлив кувшин с

МОЛОКОМ.

— Узнаешь? — с вызовом бросил Яромир.

Только сейчас старик поднял глаза на Яромира.

На удивление, в его взгляде Яромир не увидел гнева, они оказались лишь наполнены безграничной печалью и жалостью.

— Глупое дитя, — совершенно спокойно начал старик. — Аз тебя разве не предостерегал?

Яромир перебил его гневным ударом кулака по столу:

— Не смей притворяться! всю жизнь, сколько себя помню, ты затыкал мне рот! Вечные упреки, тайны и издевательства! Теперь же я уже не знаю, чему верить! Ты знаешь, чей этот меч? Знаешь, как он мне достался? А!? Водяной, сраный водяной, мать его! Ты же знал, всегда знал, что он там?!

Старик продолжал хранить молчание.

— Я его упокоил, сам, слышишь?! Сам, без тебя! Ну, теперь-то я готов?! Теперь-то ты мне расскажешь, кто ты такой и зачем я тебе?! Зачем ты убил моих отца и мать?!

Старик медленно поднялся из-за стола. От него резко повеяло леденящим душу холодом.

— Негоже, мальчик, отцу такое молвить. Гляди, а такой тон отец и разгневаться может... Ты лучше знамя черное, — старик пальцем указал на грудь Яромира. — в печку выбрось, да за стол садись, там и потолкуем по душам. Покуда не наделал, о чём потом пожалеешь...

Яромир схватился за голову, которую пронзило острой, резкой болью. Голос в голове истошно вопил, стараясь перекричать всё, что говорил старик:

«Лжец! Лжец! Смерть! МЕСТЬ!»

— Значит, все-таки по-плохому?! — Яромир схватил меч со стола и подставил остриё к горлу старика. — Значит, всё это правда?! Шестнадцать зим я рос здесь, как скотина на забой! Говори, сейчас же, всё говори...

Яромир увидел, как ужасающая тень накрыла лицо старика, и он туго упёрся горлом в острое лезвие Кладенца.

Мурашки пробежали по спине Яромира, ладони вспотели, и он невольно попятился к выходу.

— Оже ты пятишься? Не за этим ли ты пришёл? — старик мрачно двинулся вперёд. — Глянь, какой сынка горячий! Важный весь! Цыплёнок, едва вылупился, и уже запищал на петуха... Говорено было, оже рано тебе свой нос, куда не велено совать! Ты же послушался, таки ещё требовать пришёл, возмущаться?! Гонор показываешь...?! Да ещё и железякой удумал в отца тыкать?! В самый последний раз повторяю, снимай рубаху, выбрось в печь, упади на колени и моли о прощении!

— Что бы ты меня Чернобогу скормил?! — голос Яромира дрожал от злости. — Она мне всё про тебя рассказала! Не бывать этому, слышишь!

— Она? — Гнев старика сменился любопытством.

— Да, она! Знаю я и о крови своей славной, и о пророчестве! Бабушка всё показала! Но я не верил, не верил до сего мига... Но теперь-то я всё вижу! Вижу, кто ты — колдун черный!

— Ты же, балда короболюбая, всему и поверил? — рассмеялся старик. — Околдовали тебя, одурманили. Голос слышишь? По глазам вижу, что слышишь. Енто сила темная страхом твоим кормится! Прояви благоразумие, мальчишка, борись с силой тёмной! Сам

того не чувствуешь, что ли?!

Голову Яромира будто разрывали на части и что-то было готово вырваться из груди. Не в силах больше сдерживать боль, он закричал и глаза застлала кровавая пелена.

— Ну нет, пень трухлявый, теперь он мой и будет моим навсегда!

Голос Яромира изменился. Теперь он больше походил на злобное рычание, будто бы доносившееся из самого Забвения.

Старик отошёл к столу и приготовился к нападению.

— Давно не виделась, старая потаскуха. Добралась-таки до меня...

Тело Яромира больше не принадлежало ему, как и его мысли. Он едва осознавал, что происходило, но помешать этому никак не мог.

— Ох... Сколько же зим я мечтала отомстить! Все мы мечтали отомстить!

Чудовище оттесняло старика к красному углу.

— Брехун! Рвань! Шельма! Да-а, богатырь силён, очень силён, я чувствую это! Ты хорошо постарался, долго его прятал, но увы — теперь он МОЙ! Мой, а не твой! И никогда больше не будет твоим!

Чудовище угрожающе замахнулось Кладенцом.

Лезвие со свистом рассекло воздух, с лёгкостью разрубив тяжёлую дубовую столешницу. Но удар не достиг цели.

Старик среагировал молниеносно. Короткое движение вбок и точный удар костяшками в кадык заставил чудовище захлебнуться и потерять равновесие.

Этим старик и воспользовался: от прямого удара ногой в солнечное сплетение чудовище выкатилось в сени.

Глава 14: «Жизнь такая: либо ты, либо тебя.»

Старик вышел следом, вооружившись посохом.

Чудовище закричало, сплунуло, и бросилось вперёд, направив острие Кладенца прямо в сердце старика.

К удивлению твари, зачарованное лезвие меча не смогло перерубить дубовый посох, позволив старику с лёгкостью парировать его неловкий выпад.

Только сейчас Яромир смог разглядеть на древке посоха поблёскивающую Звезда Сварога.

Любимое оружие старика, с которым он практически никогда не расставался, тоже оказалось одним из творений Славомира.

Старик же не медлил.

Концом посоха он коротко ткнул в мягкое место под подбородком, выбил Кладенец из руки и мощным толчком плеча отправил чудовище на двор.

Тварь, шипя, прокатилась по земле. Старик же с невозмутимым видом вышел следом, подняв с пола меч-кладенец.

— И что ты этим хотела добиться?! — спокойствие старика, смешанное с невероятным гневом, заставили душу Яромира сжаться от ужаса. — Абы сын убил меня?! Развратила его помыслы и надеялась, оже он тут же обретёт невиданное могущество?! Или полагала, оже тебе самой удастся со мной совладать?!

— Он достоин знать правду! — шипело в ответ чудовище, поднимаясь на ноги. — Он должен знать, что ты такое, гнусная дрянь!

— Только аз здесь решаю, кто, кому и оже должен!

Чудище взревело и бросилось вперёд.

Старик вышел навстречу.

Взмах Кладенцом, и Яромир почувствовал на груди холод от его лезвия.

«Неужели это конец...?» — пронеслась мимолётная мысль, но он не умер.

Тварь замерла, а разрезанная сверху донизу проклятая рубаха скатилась по плечам на землю.

Яромир снова почувствовал себя хозяином собственного тела.

Заколдованный клинок разрушил чары, оставив неглубокий порез, от груди до низа живота.

Тут же последовал тяжелый тычок концом посоха, отбросивший Яромира на несколько шагов назад.

Голоса в голове прекратились, огонь в груди пропал, а вся злость сменилась глубочайшим стыдом. Яромир с трудом сел и глаза его налились слезами:

— Отец...

Старик, мрачный и угрюмый, продолжал устрашающе идти на него.

Яромир каждым волоском на теле чувствовал его гнев.

Казалось, что сама природа отзывалась на злость старика: небо заволокло тучами и поднялся сильный ветер. Даже земля дрожала от тяжелой поступи старика.

— Ты ослушался меня и пошёл на болота. — голос старика отзывался по округе металлическим звоном. — Захотел силушкой покичиться, удаль молодецкую показать? Думал, оже всё теперь тебе подвластно? Послушал незнамо кого, принял дары черные, душу продал.

— Отец, водяной, я умирал... — Яромир упал перед стариком на колени.

— Сам виноват!

— Но она спасла меня... — Яромир захлёбывался слезами. — я бы истек кровью!

— Аже это бы аз стерпел... Непослушание, самоуправство, кичливость! Ты ещё совсем юн, кровь горяча, всё понимаю. Но ты же совершил непростительное — посмел во мне усомниться... Во мне...?! Того не прощу! В том, кто в тебе души не чаял, кто всей душой верил, оже именно ты достоин и ради тебя себя не жалел... Но, видимо, аз ошибся... Уходи! Нет больше для тебя места ни в доме моём, ни в сердце! Уходи и не возвращайся! На все четыре стороны! Нет больше у меня сына!

Старик ударил посохом о землю. Ветер резко поменял направление, закружился вокруг него и налетел на Яромира, отбросив его за ограду. Только Яромир поднялся, как вторая волна протащила его ещё дальше по влажной траве.

По щекам Яромира от обиды и стыда продолжали течь слёзы.

Старик же стоял у калитки и смотрел на него тяжелым, полным разочарования взглядом.

Только сейчас Яромир осознал, что произошло. Пути назад для него больше не было. Он склонил голову и медленно побрел вглубь леса.

Он шел долго, без направления и без цели. Просто вперёд.

Ему казалось, будто весь мир провалился в пропасть, и он вместе с ним.

«Глупый, доверчивый, наивный мальчишка. По делом тебе... Пустоголовый, зардевшийся дурак... И что ты этим добился? Обвели вокруг пальца, да еще и отлупили...»

Яромир отёр лицо предплечьем и шмыгнул носом.

Он и не заметил, как стемнело и в лесу стало холодно. Его знобило, а из одежды

остались только штаны да сапоги. Кусты и ветки до крови царапали кожу, но Яромир этого как будто не замечал. Он просто продолжал идти, куда глаза глядят.

«Куда теперь? К старшине вернуться? Так там же отец будет... Нет, на глаза ему лучше совсем не попадаться — зашибёт! Ну это надо же? Так его обидеть... Ещё и мечом тыкал... Дубина стоеросовая!» — Яромир сильно постучал кулаком по лбу. — «А она тоже хороша — такая добрая, вся из себя милая старушка и так меня использовать. Речи ещё говорила красивые, ласковая, а что получил? Тумаки, шишки? Большая награда... Поди разбери теперь, где правда. Ой, обалдуй пустоголовый!»

Он так был занят самокорением, что не заметил осыпавшейся от дождя ямы, остутился и свалился в неё.

«Ну вот, на ровном месте убиться осталось. Ротозей безглазый!» — он ощупал ушибленное колено и плечо. — «Ладно, хоть руки-ноги целы и на том хорошо. Как-нибудь проживу... Никто мне не нужен! О, и это тут!»

Яромир нащупал чудом оставшуюся висеть на шее Звезду Сварога.

«Надо же... Славич, не славич — какая теперь разница?!»

Он ухватился за торчащий из земли корень, выбрался из ямы и огляделся. Яромир знал Темнолесье вдоль и поперек, поэтому даже в темноте легко определил, что впереди пролегал Большой Торговый тракт, ведущий в сторону Троицкого посада.

Отец никогда не пускал Яромира на большую дорогу, пугал рассказами о разбойниках и людоедах. Теперь-то кто ему указ, да и что может встретиться страшнее водяного?

«Да-а, дела... Братья что-то говорили про Белые горы, вот туда и пойду. Знать бы только в какой они стороне...»

Откуда-то спереди донеслись крики, распугав спящих на деревьях птиц. С той же стороны среди кустов замелькали огоньки факелов.

Яромир подобрался поближе и спрятался за деревом.

Посреди тракта стояла запряженная телега, из которой доносился женский крик. Самой женщины видно не было, зато видно, кто её держал.

Одноухий разбойник одной рукой наносил ей увесистые удары, а другой безуспешно пытался расстегнуть неудобно расположенную застежку своего нагрудника.

Рядом с телегой, вокруг двух лежащих на земле тел, крутились ещё четверо. Они шарили по карманам и вещам убитых в поисках чего-нибудь ценного. Чуть поодаль на стрёме стояли ещё двое.

Яромир отметил, что на всех были надеты в одинаковые нагрудники, на которых в свете факелов поблёскивали нанесённые серебрянкой горы.

Из телеги вновь раздался женский крик.

— А ну, заткнись, шалопутра! Ох и соскучился я по доброй бабе, а ты своим поросычьим визгом всю хочу отбиваешь!

Одноухий несколько раз опустил кулак, и женщина затихла.

Яромира охватила злость и, забыв обо всей осторожности, он вышел на свет.

— Эй, ты! Может со мной поборешься?! — с вызовом бросил он одноухому.

Разбойники на мгновение замерли и тут же закатились смехом.

— Зря ты сюда полез, малец! — выдавил тот, что был выше других.

Из-за телеги высунулся бородач, изуродованный широким шрамом от рта до уха.

— Кто это там такой смелый? А-а, гляди, мужики, мясо само к столу пожаловало... Кова, — крикнул он высокому. — Кончай дураля, ни к чему нам лишние глаза!

«Вот этот — главный.» — заключил Яромир. — «Ему выкажу особые почести...»

— Слышал, баламоша, в крайний раз предупреждаю! — Высокий, которого назвали Кова, помахал Яромиру рукой. — Тикай отседова, пока глазики не повыколупывал!

Только Яромир не сдвинулся с места. Он с любопытством наблюдал, что же будет дальше...

— Ну, сам виноват! — Кова вытащил меч и занёс его над головой.

Таких устрашающих размеров воина и доброй заточки лезвия должно было быть достаточно, чтобы разрубить человека до самого пояса.

Встретиться с таким один на один — верная смерть для неподготовленного человека, но Яромир был далеко не обычным...

Короткий рывок вперёд и предплечье Ковы оказалось пойманным железной хваткой Яромира.

Быстрота реакции Яромира заставила Кову на миг опешить.

От злости Яромир так сильно сжал кулак, что кости здоровяка затрещали и стало слышно, как натянулись сухожилия.

Прилив ярости захлестнул Яромира, и он ударил.

Хруст черепа Ковы разнёсся по окрестности, зубы полетели в разные стороны, а само тело — вперёд и остановилось лишь гулко врезавшись в телегу.

Яромир успел выхватить меч из руки Ковы и тут же занял оборонительную стойку.

На мгновение всё вокруг замерло.

Разбойники смотрели на изуродованную голову товарища с открытыми от удивления ртами, но ступор быстро прошёл и тут же со всех сторон послышался лязг стали о кожу.

Краем глаза Яромир увидел, что стоявшие на стрёме тоже двинулись в его сторону.

Не прошли они и трех шагов, как из темноты леса, с другой стороны дороги, показалась высокая фигура в лохмотьях с боевым посохом в руках и перекрыла им путь.

— Уровняем шансы, птенчик! — задорно крикнул неизвестный воин и ловко ткнул одного из нападавших стальным навершием посоха в лицо.

Тут же двое бросились на Яромира.

Он уклонялся, отражал удары и вертелся как кошка, не позволяя нападавшим приблизиться и занять выгодную позицию.

Одноухий на мгновение отвлёкся.

Женщина под ним постаралась воспользоваться моментом и сбросить его с себя, но тяжеленая туша никак не хотела двигаться с места. Тогда она закричала, что было сил, в надежде привлечь к себе внимание.

— Да замолкнешь ты сегодня или нет, куёлда! — одноухий подскочил на ноги и саданул ей тяжелым сапогом, от чего та издала лишь короткий жалобный писк и тут же замолкла.

— Кончай с ней! Нужно с гостями разобраться! — Бородатый главарь выхватил нож из-за пояса и протянул одноухому. — Потом поразвлекаешься. Чай, и с дохлой не впервой!

Яромир же отразил выпад беззубого и, нырнув под рубящий удар четырехпалого, воткнул клинок глубоко в его живот.

Четырехпалый взвыл и попытался схватить Яромира за шею, но он оттолкнул его плечом на вновь замахающегося беззубого, от чего оба повалились на землю.

Слева показался блик стали. Яромир едва успел развернуться, как холодный клинок главаря прошёл буквально в верхушке от его груди. И сразу же следом прилетел увесистый кулак, заставив Яромира пошатнуться.

«Этот опасный...» — Яромир встряхнул головой, с трудом сфокусировав поплывший взгляд.

Бородатый главарь разбойников умело и яростно обращался с клинком, всё больше тесня с трудом защищающегося Яромира к телеге.

Яромир выждал момент, сделал обратный кувырок и незаметно захватил горсть дорожной пыли.

Главарь вновь атаковал сидящего на колене Яромира, но тот пустил ему пыль в глаза, на мгновение лишив зрения.

Яромир дернул главаря за пояс, подтянув его к себе спиной. Резким движением богатырь прогнулся назад и воткнул главаря головой в твёрдую, накатанную землю. Шея бородача захрустела и тело обмякло. Он больше не представлял опасности.

Тут же, с безумным, полным ненависти, воплем несясь беззубый.

Яромир перекатился через тело бородача, подхватил с земли его меч и атаковал на опережение.

Беззубый смог отбить первый удар, но второй пришелся ему на руку, разделив кисть, сжимающую рукоять меча, пополам. Не успел меч беззубого коснуться земли, как третий удар Яромира достиг цели.

Беззубый, разрубленный от плеча до пояса, рухнул рядом с главарём.

Из телеги донеслось тихое хрипение, и одноухий с окровавленным ножом в руках прыгнул на Яромира, стоящего к нему спиной.

И на это Яромир успел среагировать.

В воздухе он перехватил неуклюжего одноухого и придал его полёту ускорения.

Столкнувшись с землей, шея прыгуна издала страшный хруст, а голова вошла глубоко в плечи.

Сердце колотилось, всё тело охватила приятная дрожь битвы.

Сейчас Яромир чувствовал себя в своей стихии.

Он огляделся и выдохнул. Разбойников вокруг него не осталось.

Только сейчас Яромир вспомнил про подоспевшего на помощь воина и было бросился ему на помощь, но быстро понял, что ему это ни к чему.

Высокий худощавый мужчина в годах, замотанный в грязные, засаленные лохмотья и такой же повязкой на глазах лихо орудовал посохом, заставив Яромира застыть от изумления и наблюдать.

Старец обезоружил одного, сбил с ног прямым ударом в лоб второго и рубящим махом вернулся к первому, отчего тот сделал кувырок в воздухе и упал без сознания. Старый воин вернулся к единственному оставшемуся разбойнику, пытавшемуся подняться на ноги, и коротким движением свернул ему шею.

Злость Яромира угасла так же быстро, как и закипела.

Он вдохнул, выдохнул и огляделся: кроме него и слепого воина вокруг больше не было никого живого.

Яромир опустил взгляд на руки — они оказались по локоть запачканы в человеческой крови. Его замутило, ноги подкосились.

На глаза попался Кова, по голове которого будто попала под тяжеленный кузнечный молот.

Яромир, чтобы удержать равновесие, опёрся на телегу и не смог сдержать рвотных порывов.

Никогда до этого ему не приходилось применять свои умения на людях...

Старый воин, постукивая стальным наконечником посоха по дорожным камням, медленно подошёл к Яромиру и положил руку на плечо. Его ладонь оказалась нечеловечески горячей, можно сказать — обжигающей.

— Добрый птенчик, добрый! — хриплым голосом заговорил слепой старик. — С трусами и душегубами так и нужно: железной рукой и крепким духом. Насильники и братоубийцы. Не питай к таким жалости. Ты сделал, что должно. Славно бьёшься ты, птенчик, славно!

Яромир отёр рот и заглянул в телегу.

Обнажённое тело женщины лежало с перерезанным горлом в луже крови.

В её безжизненных глазах продолжался читаться предсмертный ужас и мольба о помощи.

— Что же я наделал? — прошептал Яромир, огляделся, спустился спиной по колесу телеги и уткнул голову в колени.

— Свершил правый суд, жестокий и справедливый, — спокойно ответил старец. — Не кори себя и запомни — за каждое деяние нужно ответ держать, и не важно, хорошее оно или нет. Такие же, как они, заслуживают именно такой участи.

Яромира продолжал колотить озноб.

— Ну, хватит трястись, как лист осенний. А-а, понял, понял — первый раз... Ну, это ничего, привыкнешь. Жизнь такая: либо ты, либо тебя. Всё, хватит, вставай, надо тела спалить, покуда трупоеды не нагрянули, — старец толкнул Яромира в плечо посохом. — И возьми их одежду. Им уже не согдится, а тебе, авось, и послужит.

Яромир почувствовал, как снова стало очень холодно. Трясись, не трясись, а шевелиться нужно. Он тяжело вздохнул и стянул с главаря бандитов рубаху и порты. На одном из убитых старцем он нашёл накидной дорожный плащ.

— Ну-ка, птенчик, скажи, что на них надето? — окликнул слепой воин Яромира, тыкая в тело четырехпалого посохом.

— Кожаные доспехи, а поверх серебрянкой на груди выведены что-то похожее на горы.

— Трусливые собаки! Беглые, из войска Сталь-градского. — старец презрительно плюнул на труп четырехпалого. — С поля бранного бежали и лиходейничать подались... Соскобли краску. Коли на дороге разведчики Игорева тебя с горами этими приметят, то на первом же суку вздёрнут и не спросят, чей будешь. Да выбери клинок понадежней. Как видишь, времена сейчас беспокойные, да и по лесам ещё много чего неприятного шастает...

На втором убитом старцем войне Яромир нашел хороший булатный меч и искусно пошитые кожаные ножны с ремнём.

Яромир снарядился и продолжил помогать слепому воину складывать тела в телегу, которую они доверху заложили сухими ветками и подожгли.

Лошадей слепой воин предусмотрительно привязал поодаль.

Старец и Яромир некоторое время молча стояли и смотрели на разгорающиеся языки костра.

— Славно пылает, — начал старик. — Дело сделано, теперь и дух перевести можно... Хоть и бандюги, но провианту нам малость оставили. Садись, птенчик, перекусим.

Они разместились возле широкой сосны. Старик маленьким ножом нарезал вяленого мяса, поломал хлеба и дал Яромиру один из бурдюков с ягодным вином.

Яромир, которого уже немного отпустило, не мог надивиться, как всё это старец делал с

плотно завязанными глазами.

— Чего вылупился, птенчик?

— Ты колдун? — Яромир с трудом откусил кусок жесткого мяса.

— От части. — старец загадочно улыбнулся. — Учись не удивляться, птенчик, ведь много чего тебе ещё предстоит повстречать, и моя слепота в этом — самая малая крупица.

— Но всё же, в чем секрет?

— Нет никаких секретов. Были у меня глаза. Самые прекрасные, самые замечательные глаза во всех мирах! Но меня предали и подло обокрали. Да-а... Слагали были, что их у меня было аж целых двенадцать! Только все это брехня... Не верь. Вот, сам убедись.

Старец развязал повязку и поднял веки, на месте которых оказались лишь пустые темные глазницы.

Яромир от неожиданности и странности зрелища поперхнулся.

— Страшно? А ты не бойся, привыкай, привыкай... Я научился жить с этим. Всё, что вокруг нас помогает мне видеть. Дуновение ветра, пение птиц, шелест травы, даже биение твоего сердца. Но с глазами, моими милыми глазами, было гораздо лучше... Сейчас же только чувства людские предо мной, как на ладони, а раньше я мог разглядеть самые глубокие тайны любой души. Вот, например, знаю, что больно тебе, внутри больно, тревога съедает. Сбит с пути... Да-а... Рассказывай.

Яромир глубоко вздохнул и глотнул вина.

— Да что говорить... Подвел я отца, страшно обидел его, а ведь кроме него у меня никого и не было. Ну ладно, Траян еще, только он же конь, много-ли от него дождешься? И теперь знать не знаю, куда мне топать и чего делать.

Яромир вкратце поведал старому воину о нескольких последних сутках, о том, что на топях приключилось, о старухе и ссоре с отцом. Неизвестно почему, но Яромир чувствовал, что он полностью может довериться слепому старцу. Тот, в свою очередь, тоже оказался прав — выговориться Яромиру было необходимо.

— Значится, славных ты, птенчик, кровей. Теперь всё понятно...

— А ты-то сам кто будешь?

— Раз ты мне душу открыл, то и мне от тебя таить нечего. Имя мое — Ховала. И я — никто. Странствую по дорогам и помогаю в беду угодившим. Стоит почуять мне беду какую, то любой подлец будет наказан по деяниям своим. Того, кто пустословит — проучу. Кто неимущего ограбит — самого дорогого лишу. Кто убивает и насилует ради забавы — навеки упокою. И не посмотрю, бедняк али князь предо мной. Как видишь — для меня все едины. Но, скажу тебе честно, есть и у меня цель. Я хочу найти, того кто сделал это со мной, покарать и вернуть то, что моё по праву!

— Я слышал от братьев, что люди зубы научились менять на золотые, но, чтобы глаза... — Яромир продолжал мелкими глотками опустошать бурдюк с вином и достал из-под рубахи Звезду Сварога. — Чудной ты...

— Чем ты там бренчишь таким? Дай-ка сюда. — Ховала протянул Яромиру руку.

Тот небрежно вложил в амулет в горячую ладонь Ховалы.

— Хм... Звезда Сварога, знак рода княжеского. Как любопытно... Ты где его достал? — Ховала протянул амулет обратно.

— На болотах, у водяного отнял.

— О как, у самого водяного? Занятно, занятно... Ты полон сюрпризов, птенчик. Больше никому его не показывай. Спрячь под рубахой и понапрасну не вынимай.

Яромир непонимающе смотрел на Ховалу. Старик задумчиво сидел, смотря пустыми глазами на языки огня.

— Вижу, что ты растерян и вопросов у тебя — уйма, только не мне на них отвечать. Придёт время, само всё откроется. Сейчас, птенчик, порхать тебе напрямик в Слав-город. Там брат твой, князь Игорь, престол держит...

Яромир прыснул изо рта вином в костёр, от чего в небо поднялись яркие языки огня.

— День становится всё краше и краше. Одна весть пуце другой!

— Ох, так ты не знал, что княже с тобой одной крови? Низко кланяюсь, князь птенчик! — старик наклонил голову и звонко рассмеялся. — В Слав-городе найдешь ты ответы, и береги Звезду Сварога, как зеницу ока! Она — прямой путь в княжеские покои. Слушай меня внимательно...

Старец принялся выводить острием ножа на земле что-то похожее на леса, реки и дороги. Карта.

— Коня возьмешь и прямо по дороге, до стана войска Слав-городского, что подле Троицка стоит. В стан — ни ногой, живым оттуда не вылетишь. Для них сейчас — каждый погань Сталь-градская. Перед станом повернешь в лес, вот сюда, а там прямо до Большака и на Слав-город, не сворачивая. Будь готов, на большой дороге ты и пострашнее беглых повстречаешь. Не помри раньше положенного! Ну, а мне пора дальше путь держать.

Ховала встал, поднял посох, собрал немного еды и отвязал одного из коней.

— Гой еси, птенчик! Да сбудутся деяния твои от круга, до круга! — крикнул Ховала, махнув Яромиру рукой. — Ещё свидимся!

— И ты будь здоров, старик, ныне и присно! — Яромир махнул ему в ответ и Ховала, ведя коня под узду, скрылся в тени леса.

Яромир осушил бурдюк, собрался в дорогу, запрыгнул на коня и поехал в другую от Ховалы сторону.

Телега за его спиной ещё долго продолжала гореть ярким пламенем.

Глава 15: «Что писец — то я вижу...»

Большой Торговый тракт.

Широкая, раскатанная телегами и протоптанная копытами тропа, будто руслами рек пересекающая всю Сваргу и соединяющая собой все важные и не очень торговые города.

Пошёл дождь.

Ветер бил крупными каплями по лицу Яромира, ещё больше вгоняя его в тоску, а хлюпанье грязи под копытами коня вызывало раздражение.

Яромир плотнее закутался в вотолу, натянул накидку до самого носа и, под размеренное движение лошади, погрузился в мысли:

«Колдуны, ворожба, князья... Чего дома не сиделось? Чудеса одни... Ховала... Где-то я слышал это имя... И почему обо мне все всё знают, а я — ничего и ни о ком?! Ох-х, братья, удружили! Сходил на свадьбу, погулял... Что ж: Слав-город, так Слав-город...»

Впереди, за поворотом, сквозь шум дождя, послышалось едва различимое ржание лошадей. Дозорные стана Игоря.

«Не будем играть с судьбой.» — подумал Яромир и свернул на малую тропу, как и советовал Ховала. — «Одного раза достаточно.»

Едва различимая тропа поросла травой и завалилась буреломом, но проехать добротному коню труда не составит.

Яромир хорошо читал дорогу. Отец научил.

К заходу солнца они были уже далеко от лагерной стоянки.

Дождь прекратился. Еды, взятой у разбойников, с лихвой хватало на несколько дней пути, но Яромира никак не покидало чувство тревоги и слезки. Он не знал, что можно ожидать, от доселе невиданных им мест и это пугало его.

Но, всё шло так, как и говорил слепой воин.

Яромир увидел приемлемое для ночлега место, убедился, что вокруг не поджидает никакая опасность и с трудом смог заснуть.

На утро, с первыми лучами солнца, он отправился в дорогу и уже к обеду покинул Темнолесье.

Стоило Яромиру выехать на Большой Торговый тракт, как перед ним растянулось широкое пшеничное поле.

Яромир спешился.

Пшеница сильно пострадала от проходивших здесь людей. Добрую часть посевов затоптали многочисленные конные, а впереди, над небольшим лесочком, виднелся столб дыма.

«Следы свежие... топтались на месте, ходили кругами. Не хороводы же водили? Значит, был бой... Здесь встретились, умчались в лес и вернулись обратно? Любопытно...» — заключил Яромир, осматривая следы на земле и поломанные ростки пшеницы.

Любопытство взяло верх и Яромир направил коня в сторону поднимающегося в небо дыма.

По мере приближения к его источнику, воздух становился тяжелее, а в нос ударил резкий запах пепла и горелой плоти. Конь начал дергаться и фыркать. Яромир, вспомнил, что случилось с Сизым на топях и, не желая больше идти пешком, решил привязать коня поодаль. Сам же отправился разведку.

Этот лес оказался не таким густым, как в Темнолесье и редкие, но крупные сосны стояли довольно далеко друг от друга.

По следам на земле Яромир ещё раз убедился, что большой конный отряд выехал именно отсюда.

Яромир остановился и прислушался.

Впереди доносился странный шум и рычание. Яромир двигался короткими перебежками от дерева к дереву, остановился возле небольшой деляны и огляделся.

Тут и там лежали останки людей и лошадей, а посередине, в огромной куче, тлели наскоро сваленные тела и остатки телег. Именно здесь прошла битва и уже успели пожаловать на пир незваные гости.

По всей деляне ползали трупоеды, жадно поедая то, что не успели скинуть в кучу и что не взялось огнём.

Твари рычали и бросались друг на друга, стараясь завладеть более лакомыми кусками добычи.

«Падалыщики... Сколько мы их с отцом перебили — не сосчитаешь...»

Яромир оценил ситуацию:

«Семь... Значит, остальная стая на подходе. Прав был Ховала — без доброго железа тут не обойтись, но проверять я его, конечно, не буду. Надо топтать отсюда, пока цел.» — Яромир стал аккуратно отступать, медленно вынимая меч из ножен.

Он повернулся и в ужасе замер.

Прямо перед его лицом расплылась в гнилом оскале безглазая рожа трупоеда. Из пасти капала кровь, а огромные ноздри жадно глотали воздух.

Увидеть Яромира он не мог, но вот учуять... Бежать было поздно.

Трупоед оголил зубы, и приготовился издать визг, чтобы подать сигнал к охоте, но Яромир успел вонзить клинок под челюсть твари. Тело забилося в конвульсиях, опасно мasha конечностями, в надежде дотянуться до Яромира.

Как Яромир не хотел, но по-тихому уйти не получилось. На звуки борьбы откликнулись остальные.

За спиной прокатился истошный визг стаи и по земля задрожала от топота множества лап. Началась охота и Яромир знал, что его уже зажимали в кольцо.

Он резко остановился и, спрятавшись за деревом, ударил не глядя. Тварь, что неслась за ним, упала разрубленная пополам. Тут же Яромир отсек следующему за первым трупоеду голову, но стая успела на зов и кольцо замкнулось.

Со всех сторон раздавался визг и клацали челюсти. Стоять на месте — сущее самоубийство, потому Яромир рванул в ещё оставшийся видимый между тварями.

Трупоеды бросались в атаку, беспорядочно нападали и тут же, один за другим, замертво падали на землю.

Яромир разбил голову последнего сапогом, остановился и перевел дыхание.

Он огляделся и всё нутро рухнуло...

Из тени леса со всех сторон, злобно рыча, на свет выползали падальщики, сосчитать которых Яромир уже не мог. Их было слишком много...

Яромир почувствовал под ногой что-то плоско и твердое — меч. Он печально улыбнулся.

— Эх, отец, вот бы ты видел...! — задорно вскрикнул Яромир, вцепившись в оба клинка обратным хватом. — Ну, отродье гнилое, подходи по одному!

Яромир знал, что делать. Отец с детства учил его охотиться на трупоедов.

И они ещё не знали, что сейчас не он был жертвой, а они...

Яромир закрутил мечами, будто веерами и завертелся в смертельном, кровавом танце.

Мелодичный свист железа игриво рассекал воздух. Мечи затянули свою смертельную песню.

Яромир бросился в атаку.

Словно вихрь в поле, он ворвался в ряды трупоедов, орудуя клинками, будто косарь косой.

Он крутился и рубил без остановки, а любые попытки тварей добраться до него приводили лишь к их отсеченным конечностям и расчленённым телам.

Как во время осенней жатвы падают колосья ржи, так же замертво валились и трупоеды.

Видя, что попытки одолеть свирепого воина не приводят к успеху, они стали отступать, улепётывая обратно во тьму леса.

Яромир пригвоздил последнего трупоеда к земле и без сил рухнул на колени.

Вдруг, над головой затрещала ветка и сверху, под истошный мужской крик, на землю рухнуло тело, прямиком на падальщика, подло подкрадывающегося к Яромиру со спины.

Яромир тяжело вздохнул, опёрся на клинок и поднялся на ноги.

Летун же, заметив идущего на него вооруженного человека, кашляя и задыхаясь, на карачках попятился назад.

Яромир устало перешагнул через незнакомца и вонзил клинок прямо в пасть всё ещё

брыкающейся скотине, и сел обратно.

— Паршивый из тебя сокол... — с лёгкой улыбкой начал Яромир, кивком указывая на верхушку сосны. — Мог бы и раньше слезть, да подсобить.

— Кхе-кхе, да куда уж мне, кхе-кхе. Они же туда и загнали. Еле удрал, — ответил незнакомец, с трудом пытаясь отдышаться. — Но как ты их... точно ураган! Раз — нога туда, раз — голова сюда! В жизнь не видывал такого!

— Ты кто такой? — устало спросил Яромир. — И чего здесь забыл?

— Звать меня Гришка и я — гонец и писец княжеский! — гордо выдал незнакомец, неуклюже поправил растрепанную рыжую шевелюру и подкрутил смешные длинные усы.

Он подскочил на ноги и ужасно замудрёно поклонился Яромиру.

— Что писец-то я вижу... Головой, видно, ты сильно приложился? Ишь, как вьешься, — усмехнулся Яромир. — Яромир.

— Таки ты, наверное, витязь великий?! Имя то какое — Яромир! И это... чейный будешь? Наш али Сталь-градский? Если из горных, то мне с тобою толковать не положено, а то видишь, как у нас с их братом расправляются. — Гришка указал на сваленные в кучу тела.

— А не ваш я и не их — как-то сам по себе. Ты так и не ответил, чего тут делал?

— Таки это, послал подлый Среброголов конных, чтоб они разбой на дорогах чинили, да провианту лишали войско наше доброе. Долго они караванам досаждали, и поймать-то их не могли, пришлось князю лучшие силы в дело пускать. Ну, вот и результат на лицо.

— С этими-то мне всё понятно..., - недовольно нахмурился Яромир. — Ты сам тут чего забыл?

— Таки я домой, в Слав-город, возвращался, а тут в стане мужики об облаве обмолвились, вот моё любопытство и сыграло... Я, понимаешь, дотошный, люблю все из первых уст, так сказать... Да и мало ли тут чего полезного могло остаться. Мертвякам же цацки не нужны, а добру молодцу всяко сгодятся. Таки это, я как приехал, как сволоты эти зубастые накинудись на коня моего чудесного, так я со страху на дерево и запрыгнул. Они пока ими всеми заняты были, про меня и позабыли вовсе. Таки вот я и просидел там целые сутки, пока ты их тут как капусту не понашинковал.

— Храбрец, ничего не скажешь! — усмехнулся Яромир, поднимаясь на ноги. — Далеко отсюда до Слав-города?

— Таки верхом дней семь. Пешком — все четырнадцать топать можно.

Гришка подошёл поближе к Яромиру. Рыжий гонец оказался высоким и худощавым. Яромиру даже пришлось задрать голову, чтобы разглядеть его получше.

— Ты спас меня, витязь! Я же в людях разбираюсь, вижу, что ты не местный, от слова совсем... Таки это, раз нам в одну сторону путь держать, может, вместе поедем? Мало ли чего по дороге встретиться, а из меня воин, как видишь, совсем не ахти, а с тобой и мне спокойней будет, и тебе всяко веселее. Таки поверь, и в городе я далеко не последний человек! На службу ратную к князю хочешь?! Так это запросто! Лучшие вина и бабы?! Тоже по моей части! Всё, что захочешь — всё состряпаю в лучшем виде!

Яромир недоверчиво прищурился и оценивающе осмотрел Гришку.

— Нехай так. Больно ты потешно молвишь... Только сначала здесь мне прибраться подсобишь.

Гришка сглотнул и заметно побелел.

— Хочешь сказать, что мне, таки, придётся руками трогать вот «это»?

Яромир улыбнулся, утвердительно кивнул и хлопнул готового потерять сознание

Гришку по плечу.

Для Гришки сбор трупов стал настоящим испытанием. Его даже несколько раз прополоскало, а Яромир рад был стараться, чтобы ещё больше раззадорить нового товарища.

Закончили они только к вечеру. Насобирали сухостоя, палок и веток. После чего подожгли получившуюся гору из всевозможных останков.

От запаха паленой гнили Гришку снова прополоскало. Хотя, здесь даже бывалому Яромиру стало не по себе...

Они согласно переглянулись и поспешили убратся подальше от этой мертвой поляны.

Яромир испытал большое облегчение, когда нашёл своего коня там, где оставил.

Уже во всю поднялась луна, но всё-таки решили ехать, меняясь по очереди, как устанут ноги.

Тем более, что Гришка утверждал, что знает, где можно неподалёку найти прекрасное место для ночлега.

В конце концов гонец вывел их на необъятных размеров заросли крапивы и конопли, кусты которых так разрослись, что на несколько голов превышали даже далеко не маленького Гришку.

— Слышь, гонец, писец или как тебя там?! — нарушил долгое молчание Яромир, старательно шоркая рукавом жутко зудящий от конопли нос. — Помнится ты мне клялся всеми богами, что знаешь дорогу, как облупленную, а мы уже битых три часа ходим пёс побери по каким зарослям... Мне-то как-то побоку, но тебя разве крапива не жалит? Когда там уже будет твоё это «укромное местечко»?

— А вы, сударь, таки, оказывается весьма нетерпеливы... — Гришка раздражённо почесал ужаленную крапивой шею и с осторожностью притоптал следующий куст. — На то и расчёт, что никто любоглазый сюда не полезет. Совсем недолго осталось. Терпение, мой друг, терпение.

Но терпение Яромира очень быстро подходило к концу, тем более что уже давно перевалило за полночь и появилось стойкое желание побольнее стукнуть свалившегося на голову гонца.

Наконец, густые заросли начали редеть и перед путниками показалась здоровенная глыба, где, из неглубокого углубления, звонко плескаясь, бил родник.

— Таки, я же говорил! — Гришка расплылся в самодовольной улыбке и, будто козёл, запрыгал к роднику.

Яромир же с опаской огляделся.

На вид совершенно спокойное, можно сказать — уютное, место, спрятанное в самой глуши леса, вдали от людей не внушало ему доверия.

Он склонился над травой, присмотрелся к земле и облегчённо выдохнул, не найдя ничего, что могло бы свидетельствовать хотя бы о малейших признаках опасности.

Гришка же так жадно припал к роднику, будто не видел чистой воды целую вечность.

— Таки, я же говорил... — гонец бережно выжал мокрые рыжие усы. — Здесь нас уж точно никто не найдёт!

«Я бы не был так в этом уверен...» — покосился на него Яромир, затягивая поводья на одной из тоненьких сосёнок, растущих неподалёку.

Выемка в скале отлично защищала от ветра, так что Гришка без труда смог развести костёр, а Яромир любезно поделился с ним ещё вчера пойманным кроликом.

Немного перекусив, они устроились поудобнее вокруг огня, а шум ветра, гуляющего

среди макушек деревьев, и успокаивающее журчание родника быстро склонили ко сну.

Яромир спал беспокойно, то и дело просыпаясь и оглядываясь, но не находя никаких признаков опасности засыпал вновь. Причём так крепко, что Гришке едва удалось его разбудить.

Гонец яро толкал его в бок, что-то невнятно, судорожно бормоча.

Яромир, не совсем понимающий, что происходит, сел, протёр глаза и лишь тогда смог разобрать несвязную речь Гришки:

— Яро...Яроми... Там! Оно вон там! — задыхаясь причитал гонец, тряся сонного Яромира за плечи.

Дважды ему повторять не пришлось.

Краем глаза Яромир подметил, как беспокойно дёргается лошадь.

— Конопли нанюхался что ли? — недовольно прокряхтел он под нос, поднимаясь на ноги, уже сжимая в руках заранее подготовленный меч. — Ты выдел, что это?

— Не знаю я, не знаю! — Гришка испуганно спрятался за спину Яромира. — Но он вон там, в кустах!

— А ну, тихо! — сквозь зубы прошипел Яромир. — Так, ну-ка, давай — вдохнул, выдохнул! Нужно отвязать коня. Слышишь? Ты займёшься, а я прикрою. Понял?

Гришка глубоко набрал воздуха и понятливо затряс головой.

Шли медленно, вдоль стены.

Яромир не сводил глаз с зарослей крапивы, чьи макушки размеренно покачивались в след за их движением.

Что-то или кто-то явно лишь выжидал подходящего момента.

Гришка трясущимися руками вцепился в ремни и с большим трудом смог распутать узел, затянутый Яромиром. Он тут же оседлал брыкающуюся кобылу, как поджидавший зверь явил себя.

Лютоклык — огромный вожак волков, обречённый волей упыря на вечное служение и нескончаемые муки.

Тварь не бросилась в атаку, как предполагал Яромир. Она вышла медленно, устрашающе преграждая путь к отступлению.

Чёрная кровь мерзко стекала с облезшей до костей пасти. Гноящиеся, содранные в кровь лапы оставляли на земле склизкий, зелёно-жёлтый след.

Яромир повернул голову и увидел, как побелевший Гришка закатил глаза и бессильно обмяк на спине скакуна.

Животное, почувствовав свободу и обезумев от страха, рвануло вперёд.

Лютоклык тут же бросился наперерез.

Яромир прогнул следом.

Гнилые зубы опасно щёлкнули возле шеи проносящегося мимо скакуна, когда он поймал тварь за ногу и что было сил швырнул в каменную стену.

Кости зверя затрещали, и лютоклык безжизненно скатился по камням на землю.

Только Яромир не отступил. Он прекрасно знал, что это ещё не конец, как и знал, что ему делать дальше.

Зверь, обильно харкая чёрной кровью, вновь встал на ноги, встряхнул оставшейся шерстью и раззявил пасть в ужасающем оскале.

Яромир же расставил ноги и с сгруппировался, выставив меч перед собой.

И лютоклык вновь не пошёл в лобовую атаку.

Тварь хитро рванула вдоль стены и, приблизившись к Яромиру на расстояние прыжка, ловко подпрыгнула и оттолкнулась лапами от камня.

Неожиданный манёвр твари не смутил Яромира.

Короткий нырок в сторону. Хлёсткий удар снизу и туша лютоклыка мешком рухнула за его спиной. Голова же, противно хлюпая кровью, покатилась дальше по земле и Яромир едва успел поймать её, чтобы она не свалилась в родниковую воду.

Попади в него чёрная кровь и источник можно было бы считать потерянным, как и всё живое вокруг него.

«Если здесь лютоклык, значит рядом и его хозяин...» — Яромир отёр клинок о кусок ткани, оторванной от подола рубахи и посмотрел в сторону узкой протоптанной тропинки, куда ускакала лошадь с Гришкой. — «Нужно побыстрее сваливать, пока он не проснулся...»

Яромир долго шёл по примятой крапиве и в конце концов услышал недовольное лошадиное ржание и причитания пришедшего в себя Гришки:

— Да успокойся же ты наконец, глупая скотина! — он пыжился и пыхтел, тянув брыкающегося коня за поводья. — Надо когти рвать, покуда и до нас тварюга эта не добралась...!

— И не доберётся. — незаметно подошёл со спины Яромир и сильно дёрнул коня за узду, от чего тот тут же замер на месте, громко раздувая ноздри. — Гляжу, смелости тебе не занимать. Любо узнать, как ты вообще умудрился дожить до своих лет?

— Не твоё дело... — Гришка с обиженным видом отошёл в сторону и надул губы.

— Ой, да брось, гонец, и так видно, что в своём Слав-городе тебе ничего тяжелее пера держать не доводилось. — Яромир язвительно натянул уголки рта, чем окончательно выбесил Гришку.

— Жаль, что тварюга не откусила тебе язык! — фыркнул он в ответ, и с психом пошёл вперёд. — Можешь считать, что наша договорённость расторгнута! И один доберусь, без твоей помощи!

— Ты не ерепенься, — Яромир нарочито сдвинул брови, что, по его мнению, придавало ему серьёзности. — а то привяжу к сосне и буду из далека любоваться, как упырь придёт мстить за своего лютоклыка. А они, знаешь, такие: всю твою кровушку до капельки высосут, а что останется — собакам отдадут...

— Таки, прямо упырь-упырь?! — Гришка испуганно обернулся, глаза его округлились, а лицо побелело.

— Самый настоящий. — Яромир невозмутимо поправил седло, сумки и лихо вскочил на скакуна. — Только они могут волка в лютоклыка обратить и очень огорчаются, когда находят свою любимую скотину мёртвой.

Гришка громко сглотнул, недовольно почесал затылок и осторожно вернулся к Яромиру:

— Таки, твоя взяла... Коль наш уговор на бумаге записан не был, печатью не скреплён, дьяком не заверен, значит и расторгать нечего. Посему, продолжим путь вместе! — он постарался сделать самый невозмутимый вид из всех возможных. — А за язык извини. Не хотел обидеть... Зверюга тебя не покусала?

— Ха-ха! Забавный ты, писец! — резкая перемена настроения Гришки рассмешила Яромира. — Ты лучше сразу скажи, когда в следующий раз будет твоё такое же «уютное местечко», а то мало ли... Горе-следопыт!

Гришка недовольно поджал губы, коварно прищурился и, что есть мочи припустил коня

по крупу, от чего тот сорвался с места, а Яромир чуть не выпал из седла.

Глава 16: «Не трухай, прорвёмся!»

Яромиру казалось удивительным, как быстро они нашли с Гришкой общий язык, от чего их путь оказался совершенно не скучным, а каждая беседа сопровождалась острыми подколами и заразительным смехом, звонко разлетающимся на всю округу.

Живя со стариком, он и не мог подумать, что заводить новых друзей может оказаться таким приятным занятием...

Так, уже через тройку дней пути, они уже могли сказать, что знают друг друга целую вечность.

И, как оказалось, Гришка не зря переживал по поводу опасной дороги.

Помимо стычки с лютоклыком, Яромиру несколько раз пришлось отгонять сбившихся в стаю одичавших собак из погубленных войной селений, спугнуть лешего и отбиться от двух свинорылых чертей, которые до усёру испугали Гришку.

В остальном же их путь вышел ничем не примечательным. Так казалось Гришке. Для Яромира же каждый камень казался что ни на есть — диковинкой.

В одном из небольших поселений, состоявшим на княжеском попечении, Гришка выпросил у местного старосты старую клячу, что значительно ускорило их путешествие.

Когда они пополнили запасы и продолжили путь, Яромир подметил:

— Всё диву даюсь: столько селений проехали, а кажется, будто они все одинаковые, ну прямо точно такие же, как и Три дуба. Вон, гляди, крыши — ну один в один, и амбары, и сараи... Даже люд весь разодет одинаково...

— А чего ты хотел? — Гришка довольно поправил на голове лисью шапку, выменянную у кожевника на восемь заячьих лапок и несколько грошей в довесок. — Таки, все же из одного места вышли, из Слав-города. Сердце Новой Сварги, Дом богов — как его только не называют. Всё остальное — так... Поналяпали острогов тут и там, а как в Слав-городе места не стало, то разбежался народ во все стороны. Вот за много-много зим и стали эти остроги — селениями, да причём какими важными! Таки, весь Слав-город мукой да зерном кормят. Кто бы престол не держал, а все о таких вот маленьких деревушках страсть как пекутся. Потому что знают, что без них и в Стольном граде житья никакого не будет. Таки, с голодухи поперемут.

— Занятно ты Гришка рассказываешь! Ох...

Конь Яромира провалился копытом в небольшую яму, от чего его наездник подавился косточкой кисло-ягоды и едва удержался в седле, чем вызвал приступ смеха у Гришки.

— Ржи, ржи... Отдам тебя следующему лешему, будешь знать...

— Таки, не горячись, Яромир! Как тебе надо мной глумиться — так ничего, а как мне пошутить — так сразу «лешему скормлю»? Не кажется тебе, что это наглость с твоей стороны? Коль не я, то кто ещё тебе, неотёсанному, столько о жизни городской, о землях дальних, об укладе государственном поведает? А я тебе уже рассказывал о девках Слав-городских?

— О-о! — Яромир замученно закатил глаза. — Ты же только о них днями на пролёт и треплешься.

— Таки как о них не говорить? Какие волосы, какие очи, а как пахнут... Ах-х! Хороши и спереди, и сзади...

— Так бы с оружием управлялся, как на девок слюни пускаешь. Небось попусту языком

молотишь, а на деле тебе вон че показывают.

Яромир сложил дулю и протянул Гришке.

— Таки и обидеть можно. — Гришка надул щёки и отвернулся.

— И что — поколотишь? — усмехнулся Яромир и толкнул друга ногой. — Согласись, ратник из тебя — как из меня кухарка... Да что там далеко ходить: кто меч поднять не смог, когда черти напали?

— М-да, таки, готовишь ты и вправду отвратно... Зато у меня котелок варит, по лучше, чем у некоторых. — Гришка покосился на Яромира и надменно задрал подбородок. — Кто уже какой день нас свежей рыбкой кормит? М-м? Потому что кто-то знает, где клюёт, смастерил силки под рыбку и место прикормил, а кто-то стоит остолопом по колено в воде и, как дикарь, тыкает в тину палкой... Таки ещё и дёргается потом: «почему это у тебя, жопорукого, такой улов, а я с одними чебаками, как дурак...?»

Гришка жестом передразнил нервно машущего острой Яромира, да так потешно, от чего тот закатился смехом.

— Ох-х! Уморительный ты, Гришка! Спору нет, много ты знаешь, интересно с тобою! А ты где так хорошо научился ножички кидать? Дорогостоящий, в бегущего зайца с пятнадцати шагов попасть.

— Таки, кроме этого, при дворе других забав и не было. Так и прижилось, что мальчишками днями напролёт в свайку играли. Там руку и набил. — Гришка вытащил из-за пояса короткое лезвие, обмотанное бечёвкой. — Во, гляди, уже и до Окольной добрались! Хорошо идём!

Они вышли к берегу широко разлившейся реки, вдоль которой нескончаемой линией тянулся березняк.

Лучи солнца игриво пробивались сквозь листву, делая это место необычайно живописным.

— Да-а... Лепота... — вдохновлённо прошептал Яромир. — В моих краях тиках видоотродясь не сыщешь.

— Яромир, вот до столицы уже рукой подать, но ты так и не рассказал мне, чего там забыл? — Гришка достал из сумки сверток с собранной с утра вдоль тракта дикой клубникой и забросил пригоршню в рот.

— Дело есть... — Яромир замаялся, не зная, что ответить. — к князю.

Гришка закатился смехом:

— Это ты, брат, конечно, удумал. Наш светлый княже абы каких оборванцев не принимает!

— Ха! — Яромир больно толкнул Гришку в плечо. — «Большой человек, большой человек...» Тьфу! Пустомеля!

— Таки, попрошу не выражаться! От слов своих я не отказывался! Не принимает ещё не значит, что не примет. Времена сейчас сам видишь какие... — Гришка забросил в рот ещё одну горсть ягоды. — Вдруг ты убивец, которому за голову Игоря гору золота пообещали? Хотя нет, какой с тебя лиходея? Больно тугодумный...

— Нарываешься? — Яромир протянул к носу Гришки кулак.

— Таки, что ты, Лада упаси! — Гришка осторожно отодвинул кулак в сторону. — Я сегодня добрый, потому — устрою тебе встречу с Игорем. Ему как раз такие упрямые молодцы в дружину нужны. Вай, какой важной курицей будешь!

— Какой он — этот твой «князь»? — Яромир перемотал поводья вокруг руки,

наклонился, сорвал сухую тростинку и стал ковырять ей в зубах.

— Княже наш — правитель суровый, наверное, иногда даже слишком... но при этом справедливый. Таки, знаешь, чего я заметил? Больно ты на негоходишь. Если вот с этой стороны посмотреть, то совсем одно лицо. Особенно вот — подбородок! Такой же широкий, так и просится, чтобы... — Гришка задиристо помахал кулаком, вновь развеселив Яромира. — Что-то ты скрываешь!

— А если скажу, что я князю брат, согласишь?

Гришка опять закатился смехом.

— Тогда я — сам Славомир Сварожич! Не смейся. Из всех славичей только один Игорь да остался.

— Их было много?

— Я тебе диву даюсь, Яромир! Тебя то-ли в бочке с соленьями держали? — Гришка засыпал в рот оставшуюся ягоду. — Но, да ладно. Таки, слушай на здоровье. Не жалко! Как светлый княже Ярослав с женой и сыном сгинули, так Игорь престол и принял, а подле него жена — княжна Марина. Ох, а баба какая... Одно загляденье! И бед от неё, стоит отметить, столько же... Чего посол Ольдов только стоил. На детинце поговаривают...

— Где?

— Ну, детинец — палаты, князь, дружина, бояре. Все шишки города, но, сейчас не об этом... Говорят, что княжна Марина чары какие-то на Игоря наложила. Что не нашепчет — так все по её и будет. Таки теперь ещё и эта история с Ольдом и Варварой всей Сварге покоя не даёт.

— Ольд — это же князь Сталь-града, а Варвара кто?

— Ты меня поражаешь всё больше и больше... Варвара — дочка Ярослава, сестра Игоря.

— Сестра?! — Яромира от удивления остановил коня посреди дороги

— Сестра и сестра, чего так удивляться? Ещё Иван был, так тому, как десять зим стукнуло — хворь забрала. И младший... только прятали его ото всех, даже имени никто не знает.

Яромир нахмурил брови и поравнялся с Гришкой.

— Про Варвару... Причина всего, брат, стара как мир. Таки, надумал Игорь сосватать Варвару за князя Ольда Среброголового. Видите ли, шибко важная территория — Серебряные горы. Свадьба же позволила бы решить Игорю сразу кучу вопросов. Это тебе и сталь дешёвая, и к землям новым дорога свободная. Ольд еще при княжении Ярослава на Варвару глаз положил. Влюбился мужик до беспамьтства, но она таки имела на это свое мнение. Ей же палец в рот не клади — по самый локоть откусит! По началу Ольд пытался сердце девичье завоевать. Подарки дарил, отправлял телеги полные изысканных тканей и украшений, но она все нос воротила. Вот только Игорь — не его отец, он с сестрой долго не разговаривал. Княжну связали и напрямиком в Сталь-град. Таки не учли князья, что девица не из простых, а, всё-таки, кровей славных. При первой возможности она деру дала от Ольда, тот и глазом моргнуть не успел. До сих пор девку всем миром ищут. Среброголовый же страсть как разгневался и посчитал это личным оскорблением от самого Игоря. Таки приехал Ольд с дружиной, встал под воротами Слав-города, и высказал Игорю все, что о нём думает в самой, что ни на есть неллицеприятной форме. Тут уже разобиделся Игорь. С того и дерутся князья наши. Хотя, как князья — обычные люди. Ладно ратники и наемники — это их хлеб, но пахари и свинопасы причём? Им же до того, кто там из князей кого на каком месте вертел — вообще дела никакого нет, но почему-то они больше всего от войны и

страдают. А сами князья чего? Сидят себе в своих теремах, только медовуха по усищам и стекает.

— А с Мариной и послом что?

— Таки тоже все просто. Было время, когда ярость и обида спали и захотели князья все миром уладить. Отправил Ольд послов с дарами, так один из них — кровный брат Среброголова, удумал Марину соблазнить. Она, недолго думая, рассказала все Игорю, а он же от ревности совсем с ума сходит... Таки он и вспылит. На глазах у всего люда Славгородского выхватил клинок и отсек послу голову, да так, что та покатила по ступеням до самых Сварожьих врат. Потом, в порыве гнева, там еще несколько плеч лишились своих нош... Живые, конечно, тоже остались, их вместе с головами погрузили в телегу и отправили обратно в Сталь-град. Вот шуму-то тогда было. Говорят, что Среброголовый прилюдно обозвал Игоря трижды проклятым моркотником и на крови поклялся, что лично отомстит ему за такое оскорбление.

Гришка закончил и пристально посмотрел на Яромира.

— Твоя очередь.

— Ты о чем?

— Пятый день едем, и хоть бы слово о себе сказал.

— Эх, Гришка, — тяжело вздохнул Яромир. — Ты столько всего знаешь, столько всего видел, а я всю жизнь прожил со стариком в полнейшей глуши и забот кроме как сеном запастись, да мукой у нас не было. Тут же ты мне про целый мир... Расскажи лучше ещё что-нибудь, больно интересно ты молвишь.

Гришка недоверчиво ухмыльнулся и принялся рассказывать про городские традиции и праздники.

Так и прошел их оставшийся путь.

К большому облегчению Гришки, последующая дорога оказалось совершенно спокойной.

За последние пару дней они повстречали лишь несколько бродяг, торговцев и целую кучу дозорных, каждый из которых усердно пытался доказать, что перед ними враги или отъявленные лиходеи.

Благо, у Гришки, в кожаной сумке, была бумага дорожная, при предъявлении которой у вояк сразу отпадали все вопросы.

Хотя, одно несчастье с ними всё-таки приключилось. Гришкина кляча оказалась настолько больной, что через день откинула копыта, из-за чего дорога затянулась ещё на сутки. Не зря в той деревне с ней так легко распрощались...

К концу пути, среди полей и лесов всё чаще и чаще стали появляться не только мелкие деревушки, но и уже более крупные хозяйства.

— Ну что, Яромир, встречай, здесь начинается великий Слав-город! — переполненный гордостью Гришка широко раскинул руки, будто показывал нечто необъятное.

Яромир пристально огляделся по сторонам, но кроме небольших домиков, разместившихся по обе стороны дороги, он ничего необычного не увидел.

— Не густо, — разочарованно вздохнул Яромир, ведущий коня за поводья. — Я себе по-другому представлял...

Гришка толкнул его в плечо, оборвав Яромира на полуслове.

— Да ты обожди делать выводы. Тут только начинается, а всё самое интересное будет там, за пригорком.

И действительно, поднявшись на горку, перед ними открылся изумительный вид.

Перед путниками раскинулась огромная долина, от края до края которой простирались дворы и посадки, а в самом центре, на холме, словно величественный исполин, возвышались княжеские палаты.

И всю эту красоту пронизывала бескрайняя река, рвом огибающая детинец.

От таких широт Яромир буквально потерял дар речи. Гришка же подтолкнул изумленного товарища, и они стали неспеша спускаться к окольному городу.

Он был невыносимо голоден.

С позавчерашнего дня он смог найти лишь полусгнившие тыквенные огрызки и те из помоев, вываленных овцам.

Синяки болели и все кости ныли. Дуралей! Надо же было так попасться... И как назло, в этот раз били больнее обычного. С какой-то особой жестокостью. Двое суток толком ходить не мог.

Видать у всех наболело, не только у него.

Но, если бы он всё-таки смог тогда снять с пояса того пентюха торговца этот мешочек с золотишком, то смог бы купить всё, что пожелает. Даже мясо...

Огромный кусок свинины бросить на камень у костра... Как же сочно шкворчит жир от огня, а запах...

От мыслей о еде побежали слюни и желудок скрутило ещё сильнее.

Нужно немедленно найти что-то съестное. Или кого-то...

Он выбрался на свет из брошенной собачьей конуры, служившей ему убежищем, и аккуратно выглянул из-за угла.

По улице туда и сюда сновали люди. Много людей. А чего ещё ожидать от Торговой площади?

Хотелось пить.

Он проскользнул между толпой носильщиков, следующих за торговцем специями к прилавку, рядом с которым стояла поилка для лошадей.

Чем не вода? Раз кони пьют, то и ему сгодится.

Он утолил жажду и пристально огляделся в поисках лёгкой добычи.

У толстяка справа можно было вытащить засапожный нож, а слева удобно лежал пучок моркови.

Он так и сделал.

Прополз под ногами к толстяку, осторожно вытянул нож из ножен и побежал к овощному прилавку. Только схватился за морковную ботву, как глазастый помощник лавочника поймал за руку.

Спас нож.

Он полоснул маленьким, но очень острым лезвием по крепко схватившей его руке. Хватка ослабла. Он вырвался и тут же поспешил скрыться в узкой щели между домами.

В такую никто кроме него не пролезет.

Завтрак есть. Это уже что-то!

Как говаривал его дед: «Лучше есть, чем не есть!»

Он ловко вскарабкался по бревнам трехэтажного пятистенника и удобно расположился

на крыше.

Он любил это место. Отсюда открывался изумительный вид на Слав-город.

Окольщина, посад, детинец — это был его город и это будет его город!

Стопы ломило от боли, но и к ней он привык. Как тут не будет ломить, когда приходится совершенно босым бегать по как попало отёсанным камням мостовых...

Сырая морковь отозвалась режущей болью в желудке, но пусть будет хоть это, чем оставаться голодным.

Он с завистью смотрел на возвышающиеся над городом палаты и мечтал, что однажды войдёт в них. Нет, не как гость или ротозей, а как князь, или, на худой конец — боярин. Его примут с распростертыми объятиями, будут кланяться и прислуживать... Решено!

Только для начала нужно найти что-то посущественнее моркови, живое или что раньше было живым...

За этим придётся спуститься в окольный город. За украденное на площади мясо можно не только руки, но и головы лишиться, а она ему ещё была нужна.

Он осторожно скатился по склону крыши и приземлился прямоком в стог сена. Ему до замирания сердца нравилось так делать.

Что в торговом, что в любом другом квартале, на глаза людям лучше было не показываться — от одного только вида поколотят, поэтому приходилось ходить скрытыми путями, в обход основных дорог.

С наступлением войны даже в окольном городе добыть что-то серьёзное стало тем ещё приключением.

Хозяева ставят детей следить за скотом, а те, как завидят, то сразу в крик. Никакого свободного промысла... Ни куру, ни утку уже просто так не утащишь.

Что за жизнь?!

Есть кошек и собак для него было омерзительным. Их он любил, так как их жизнь не слишком то и отличалась от его..., ну, если не брать в расчёт домашних.

Поэтому оставались только голуби.

Вот и они, как раз собрались возле трактира! Он уже предвкушал сытный обед. Живот снова закрутило.

Осторожно, как кошка, он подкрался, приготовил нож и замер.

Ну теперь не уйдет!

Как вдруг из-за трактира вышли двое, с конём на поводу. Один так размахивал руками, что его заветная добыча взмыла в воздух и разлетелась в разные стороны.

От злости острые ногти на костлявые пальцах глубоко впились в кожу, а от обиды по впалым щекам потекли слезы.

И он запомнил своих обидчиков.

Откормленный светловолосый здоровяк и надменный рыжий, высокий будто каланча, в глупой шапке.

Он их запомнил и уже точно не потеряет из виду. Они ему за это заплатят...

Яромир шёл по окольному городу с открытым от удивления ртом.

Здесь привычные по Трем дубам четырехстенники с соломенными крышами сменялись большими трехскатными пятистенниками со светелками и прилежными огородами. И люду тут было — видимо невидимо.

Все кругом шумело и кричало.

— Здесь у нас холопы живут, да и всякие зиждители, древоделы и огородники с мостовиками. Низкий люд, как на детинце говорят — чернь, — начал Гришка, обводя рукой широкую улицу.

Тут и там виднелись харчевни, возле каждой из которых крутилась толпа всякого разного люда.

— Коли приключений каких захочешь найти, али девку на ночь, то здесь даже простой медяк может помочь в исполнении любых твоих желаний. Хотя, особо желанным будешь ты сам для пахарей да работяг местных. Таки больно любо этим тартыгам незнакомые рожи на прочность проверять. Можно сказать, это их главная забава.

Среди толпы виднелись, как и простые рабочие в длинных рубахах и лаптях, так и небольшие вооруженные отряды, человек по пять, в кожаных доспехах, с ног до головы обвешанных оружием, которое на вид было далеко не лучшего качества.

— А эти, кто? — кивнул в их сторону Яромир.

— Таки это наемники. Ворье и убийцы. Но покуда мы на военном положении, то некоторые знатные их за злато в охрану к себе берут. Те еще прохиндеи.

Пройдя харчевню Гришка махнул рукой и спугнул крутящихся рядом голубей, за что получил от одного из них весомую плюху прямиком на шапку.

Они проехали окольный город и первую линию обороны — стену из высокого заточенного тына, окружающего весь основной город.

Чем дальше они продвигались, тем заметнее рос вверх и Слав-город. Причем не только дорога уходила на подъем, но и размеры расположенных вдоль нее домов. Тут уже были и двух, и даже трехэтажные постройки, с балконами и летними верандами. Каждое подворье предусмотрительно огородили друг от друга частоколом, и почти при каждом дворе располагалась либо лавка, либо мастерская.

— Тут, на посаде, через дом да рукодельник какой живет или мастер по чему-нибудь. Таки вот, например, по праву руку — Шевцовый закоулок. Захочешь красоте какой тряпки расписные достать, то прямиком сюда дорога, а всего за златой самого аки князя нарядят. По леву же руку, мужики железом и камнем занимаются. Гвоздичники, котельщики, замочники и оружейники всех мастей. Так! — Гришка поймал за рукав Яромира, засмотревшегося на проходивших мимо девушек. — Ты от меня только не отходи, а то, где я тебя искать-то потом буду. Сейчас, как на торговую заедем, ты держи ухо остро и карманы под присмотром. Здесь от того, что люда столько, щипачи прожжённые, даже сапоги с конного стянут, тот и не заметит.

Яромир посмотрел на ставшего серьезным как никогда гонца и понятно кивнул.

— Я диву даюсь Гришка. Ты погляди! В моей деревне вообще все одинаковые ходят. Там старуха Фрося на всю округу одёжу шьет. А тут, ну надо же... Как тут не заглядишься?! — ответил изумленный Яромир, продолжая, словно филин, вертеть головой в разные стороны.

— Насмотришься еще, давай, пошли! — Гришка потянул его дальше по улице.

Торговый посад был огромным. Тут и там раздавались крики купцов предлагающих, как они говорят, по просто неприлично смешной цене купить меха, ткани, фрукты, строительные и кузнечные инструменты, примерить одежды разнообразных фасонов и покроев.

Гонец остановился и окинул Яромира взглядом:

— Таки подошли к самому главному... деньги есть?

Яромир засунул руку в карман и вытащил содержимое. На его ладони лежали несколько медяков и целая куча подсолнечных семян.

— М-да, не густо... В таком виде к князю точно не пустят. Тебя б приодеть.... — Гришка задумчиво посмотрел на коня. — Сильно дорога тебе кобыла?

— Лошадь, как лошадь... Ты чего это удумал?

— Таки ты погляди, такой скакун на все двадцать золотых потянет, а коль хорошо пойдет еще столько же серебряников за сбрую дадут.

— Ага, а ежели к князю не попаду, мне чего тогда делать?

— Так у тебя целое состояние будет, а я, по дружбе, всего лишь пару золотых своей доли возьму. Сугубо за старания...

— Какая доля?! Конь-то мой!

— Ну, тогда я погляжу, как ты коня у купцов скаредных сам выменяешь! Экая потеха будет, когда тебя ещё и без штанов оставят. С этими ребятами разговаривать нужно уметь, а ты даже с девкой разгульной и трех слов не свяжешь.

— Опять нарываешься? — Яромир поднес кулак к самому носу Гришки. — Чуешь, чем пахнет?

— Таки не закипай, спокойствие, шуткую же я. — Гришка замахал руками. — Славный ты парень, Яромир! Ежели с князем, всё-таки, не выйдет, то тут всегда для людей с твоими талантами работенка найдется. Не трухай, прорвемся! Со мной таки не пропадешь!

Гришка снова схватил Яромира за рукав и потянул вглубь толпы.

Глава 17: «Пришпоренный петух»

Торговый посад Слав-города.

Второй по величине, после Троицкого, посад Новой Сварги.

Бесчисленное разнообразие товаров, огромное количество честных торговцев и столько же самых отъявленных прохиндеев.

Гришка тащил Яромира на другой конец площади.

Между стойкой с резными ложками и торговцем снастями, расположилась лавка с шорными изделиями. Яромир догадался, что Гришка вёл его именно к ним.

— Седла из жаркого Хамара, потрогайте — ремни из кожи тура, заговорённые кнуты из волоса лешего с Дальнего дола! — кричал низкий, коренастый бородач, играя на большом животе, как на накре.

— Самые лучшие, самые удобные! Таких уздечек нет даже в княжеских конюшнях! Вот, поглядите, сбруя достойная самого Даждьбога! — зазывал высокий, лощеный паренёк, изящно порхая вокруг лавки.

Гришка придержал Яромира:

— Тут обожди... Я с ними потолкую наперво, а ты за конем пригляди. Таки не хватало, чтобы товар прямо из-под носа увели.

Яромир коротко кивнул, а Гришка засвистел, привлекая внимание купцов. Они смеялись и братовались, как давние знакомые. После недолгого приветствия Гришка жестом подозвал Яромира.

— Яромир, знакомься: мои старинные друзья, самые отъявленные торгаши и до бессовестного везучие офени из всех мне известных — Могута и Всемир, из далекого Зеленогорска. Вот, дорогие, как я и говорил — наша великолепная кобылка.

— Гой еси, — первым подошел Всемир, поправляя спадающий на глаза светлый

волос. — Какой статный... Этого жеребца вместе с лошадьё отдаешь?

— Этого я, пожалуй, для князя придержу! — подбоченился Гришка.

— Тьфу! В гузно князя! — прохрипел Могута и махнул рукой. — У него таких и так полная гридня, а мы с ним ох дел понаворотим! Не простой... Пятьдесят золотых! Чтс скажешь, брат?

— Пятьдесят и коня можешь оставить себе, — Всемил обошёл Яромира. — Годный, годный... В чем подвох? Ну-ка покажи зубы.

Яромир насупился, едва сдерживаясь чтобы не вспылить.

— Ля, набобынился как! — Могута легко толкнул Яромира кулаком в грудь. — Ну, ты, глухой али немой?!

Только Яромир приготовился ответить, как вмешался Гришка:

— Это всё, таки, заманчиво, но предлагаем мы коня... и только!

— И совершаете большую ошибку! — Всемил потянул лошадь за хвост и осмотрел круп. Животное сделало шаг назад. — Действительно неплохая, весьма неплохая кобыла. За такую и все двадцать пять золотых дать не жалко. Что скажешь, брат?

Могута чиркнул странной лучиной по неизвестному Яромиру бруску. На её конце показался огонёк, который бородатый купец поднёс к туго скрученному свертку из сухих листьев. Могута вдохнул ртом из свёртка и выпустил в воздух струю дыма, сильно пахнущую дурман-травой.

Могута закашлялся, нырнул под брюхо лошади, осмотрел копыта и расчесал пальцами густую бороду:

— Годная, брат, годная. Двадцать пять — красивая цена, только вот что-то бабки в корочках, всё в струпьях, а левая сторона вообще мокрецом взялась.

— Двадцать три?

— Да, но одна сбруя чего стоит... — попытался возразить Гришка, но жестом перебил Могута:

— Это, мужики, для начала... Брат, посмотри в холку.

Всемил прошёлся рукой от гривы до крупа:

— Гришка, Гришка... Добрая лошадка, да что ж вы так её бедную замучали? Хребет торчком, грива скудновата, ребра на глаз можно посчитать, и хвост... Суций кошмар! Ты, любезный наш, извини, но тут только на двадцать тянет и не серебряником более.

— Какой там двадцать!? — Могута потрепал лошадь за ноздри и заглянул в пасть. — Не зубы, а сплошное гнилье! И кобыла далеко не молода уже. Вон, вся пасть — сплошной кругляк! Далекo уже за десять зим. Куда потом старуху девать? Только что на ливер...

— Таки разве вам самим кобыла не нужна? Я подглядел, что у вас никто не запряжен! Не на своём-ли горбу товар повезёте...? — Гришка хитро прищурился.

— На чьём горбу что возится, не твоя забота, ржавый!

Всемил, видя, что Могута быстро распыхляется, поспешил разрядить напряжение:

— Да-а, ну-ка, как там тебя, Яромир, да? — Всемил жестом подозвал Яромира. — Поди, хлопчик, дай на ней кружок другой, да так, чтобы и шагом, и рысью.

Гришка одобрительно кивнул. Яромир запрыгнул на коня, прогарцевал вокруг лавки несколько кругов и остановился возле купцов.

— Нет, брат, ну хороша же чертовка!? — заключил Всемил.

— Покладисто идёт, то да, но что неровно, да изрядно загребаёт — не хорошо.

— Да, да! И на костник большой. Такая кобыла ни боярину, ни торговцу и даром не

нужна будет... — подхватил Всемир.

— Пятнадцать и шапку из онуйского бобра, для хлопца! Наше последнее слово.

— Таки поглядите, как вынослива, какие мышцы, что канаты! — вступился за лошадь Гришка, в надежде хоть как-то остановить затеянную купцами игру. — Какая шея, какой круп! А как в поле идет...! Не помнишь, Яромир, за неё ведь чернь окольная девятнадцать давала и даже в рот не заглядывала!? Пойдем, отсюда! Таки вернёмся к мужикам, те и то больше выручим...

— Ишь, шинора, какой стал...! — Могута почесал топорщащиеся на макушке волосы. — Видал, брат, как у Троицких торгашей натаскался? Ха-х! А как думаешь, Гришка, от кого весь Троицк мастроты понабрался?

Могута затянул самокрутку и выпустил пар Гришке в лицо.

— Обождите! В память о нашей крепкой дружбе, — Всемир сложил ладони перед грудью. — мы с братом готовы пересмотреть ваше предложение!

— Ну, пойдём, потолкуем... — прохрипел Могута, и они отошли к лавке.

Купцы спорили и махали руками, но Яромир никак не мог расслышать, о чем они говорят, хоть и стоял совсем недалеко.

— Таки не трухай, это их обычная манера. Офени — они же такие... Народ хитрый. И ломанного гроша просто так не положат, если выгоды не светит. Но, так как друзья мы давние, то меня дурить не станут. Это они так лишь перед тобой выкаблучиваются. — Гришка улыбнулся и важно скрестил руки на груди.

Через несколько мгновений вернулись Могута и Всемир.

— Ваш вопрос вызвал бурные споры со стороны целесообразности и благоразумия приобретения данного вьючного животного. В виду всех его достоинств и недостатков...

— В виду того, — перебил Могута. — Что это настоящий кусок говна!

Всемир цокнул, закатил глаза и продолжил.

— А также бесспорно великолепное седло и сбрую. Исключительно из нашего глубочайшего уважения к нашей дружбе. — Всемир кивнул Гришке. — Мы дадим семнадцать золотников шестьдесят серебряников и тридцать четыре медяка, за столь интересный, но не лишенный недостатков...

— Кусок говна! — закончил явно довольный собой Могута.

— Очень любезно с вашей стороны! Преклоняюсь перед вашей щедростью, — низко поклонившись, ответил Гришка, принимая мешочек с монетами от Могуты. — Пересчитывать не надо?

— Тебе самому пересчитать ничего не нужно? — хитро улыбнулся Могута в ответ.

— Были рады знакомству, Яромир, и надеемся на дальнейшее выгодное и весьма продуктивное сотрудничество. — Всемир пожал руку Яромиру и расплылся в подозрительной ухмылке.

— И я уверен, что очень и очень скорое... — подошёл Могута и протянул руку следом.

Яромир передал поводья Могуте, и они попрощались с купцами.

Гришка отвел Яромира в сторону и повязал деньги на пояс.

Неожиданно за спиной загудел боевой рог. Народ на площади стал толкаться и расходиться, освобождая дорогу для стремительно приближающегося конного отряда.

Во главе дружины, на крупном вороном скакуне с золотой гривой, скакал статный витязь с густой черной бородой, в которой заметно проблескивала седина, и такими же тучными бровями. Солнце так ярко отражалось от его шишака, что Яромиру приходилось

прикрывать глаза рукой, чтобы хоть что-то разглядеть.

На нагруднике каждого из воинов была вытеснена Звезда Сварога.

— Так это и есть князь? — спросил Яромир, тыча Гришку в бок.

— Ха! Куда ему до князя!? Не-е, брат, это — Реувит, воевода. От тут всё войско в кулаке держит и лично княжеской дружиной занимается. Нет ему в битве равных и сам княже его братом себе равным нарек, за дела великие, а это, знаешь-ли, дорогого стоит... Именно Реувит с дружиной волколаков до самого Троицкого посада поизвёл и не одного молодца при этом не потерял. Во как!

— А почему у него Звезда Сварога?

— Таки это... Только до Ярослава никто не мог звезду носить, а как князя великого не стало, то сделал Игорь его своим знаменем, чтоб вороги страшились, и дружина мужалась. О как! Хотя витязям все эти знамена — до одного места! Лишь бы жалованье платили побольше, да муштровать заставляли поменьше. Кто больше даёт, тех стяг и натягивают. Хотя, своими глазами видел, как они в ночь перед боем руны гвоздями на оружии выковыривают, да Перуну молятся.

В этот момент Яромир почувствовал, как кто-то потянул его за меч. Он, было, дернулся, но остановить воришку ему не удалось. Босой худощавый мальчишка, весь в лохмотьях, ростом чуть больше аршина, ловко отцепил ножны, проскользнул между зеваками и затерялся в толпе.

Яромир бросился за ним, но быстро потерял его из виду. Только встал, как тут же, с другой стороны, потянули за пояс. Этот же оборванец срезал мешочек с деньгами и тут же растворился среди людей.

Гришка, заметив карманника, крикнул:

— Держи ворюгу!

Но в таком столпотворении это сделать было невозможно.

Он отомстил!

— Вот же зараза! Чтоб его черти драли! — кричал Гришка, грозя кулаком в воздухе, после чего гневно прикрикнул на Яромира. — А я тебя предупреждал, что тут глаз да глаз за своим добром нужен! Теперь вдвоём на детинец нам никак не попасть! Ох-х, одна беда с тобой... Но, да ладно, что-нибудь придумаю. Пошли, горе-воин, попробуем со стражей договориться.

Склонив голову и не произнеся ни слова, Яромир побрел за Гришкой в сторону княжеских палат.

Посад от детинца отделял подъемный мост, а вдоль острога из заостренного тына протекала речка Славенка, служа природной преградой.

Яромира и Гришку детинец встретил массивными дубовыми воротами, висящими на толстенных железных петлях.

— Калитка, так калитка, да, брат? Быль гласит, что сам Славомир собственноручно эти петли ковал и ни одна сила темная по своей воле на двор не пройдёт, но сейчас не об этом... Тут посерьезней беда. — Гришка кивнул в сторону стоящих перед воротами острожих, вооруженных копьями и щитами. — Обожди тут, попробую договориться.

Гонец что-то долго объяснял и махал руками, то и дело, показывая на Яромира, но стражники оказались непреклонны. Потерпев неудачу, Гришка махнул на них рукой, при этом одарив демонстративным плевком, и вернулся к Яромиру.

— Лбы упертые! Таки погляди, как за жопы трясутся... Видите-ли сам князь запретил

посторонним на детинце появляться, без его личного на то соизволения.

Яромир схватил Гришку за рубаху:

— Ты слово дал, гонец! Я и так тебя послушал и без коня, без меча, и без гроша в кармане остался, а коли кинешь меня тут... ой, не завидую тебе!

— Таки, вообще-то, ты сам ворон в толпе ловил, а я тебя предостерегал! В том, что ты ротозей моей вины нету, а к князю я тебя всё ровно доставлю. Меня-то они, никуда не денутся, а по грамоте пропустят. Там и для тебя обязательно лазейку найду. — Гришка пошарил по карманам и достал несколько медяков. — Вот, возвращайся в «Пришпоренного петуха», ну в ту харчевню, что на окольном проходили. Тут немного, но должно хватить на добрый кусок курятины и кружку браги. Она, таки, не очень, но лучше, чем ничего... Только я сильно тебя прошу, ни во что не вляпайся до моего прихода. Договорились?

На этот раз Яромир спрятал монеты за пазуху, от греха подальше.

— Идет. А если не явишься?

— Обижает, брат... Я слово всегда держу! Ну, все, давай, не будем терять времени, — Гришка хлопнул Яромира по плечу, протянул грамоту острожим и быстрым шагом скрылся за воротами.

Яромир недолго любовался величественными оборонительными сооружениями Слав-города, после чего развернулся и потопал в сторону «Пришпоренного петуха».

Дело шло к вечеру и народа на торгах уже практически не осталось, хотя шуму меньше не стало. Купцы сворачивали лавочки и грузили товары по телегам, а вокруг них крутились последние покупатели, желающие сторговаться по более низкой цене.

Яромир обратил внимание на место, где еще недавно стояла лавка Могуты и Всемила, но купцов уже и след простыл.

Быстро смеркалось, и на улице уже начали зажигать придорожные масляные фонари, слабо освещающие городские улицы.

Когда Яромир добрался до харчевни, то понял, что вся жизнь Слав-города переместилась сюда. Вокруг «Пришпоренного петуха» столпилась куча народу, все гудело и шумело, а изнутри доносились крики и звуки музыки.

От этого места Яромира заудело в груди. Плохое предчувствие настораживало, но раз Гришка сказал ждать его именно тут, то придется ждать. Причем уж больно сильно захотелось есть...

Тут и там творилось черти что.

У стены харчевни, прямо за углом, изрядно пьяный мужик извергал на землю излишне выпитую им брагу.

Возле входа несколько скотников и полевых в грязных рубахах на кулаках выясняли, кому из них и в какой очередности доведется покувыркаться с какой-то там Алёнкой.

За самим «Пришпоренным петухом» пятеро молодцев в кожаных нагрудниках пинали, явно чем-то провинившегося перед ними, бедолагу. Яромир, было, хотел заступиться, все-таки нечестно это — пятеро на одного, но он пообещал не привлекать к себе излишнего внимания, и, отвернув взгляд в сторону, направился ко входу.

Над дверью харчевни противно скрипела на ветру вывеска в форме большого железного петуха с позолоченными гребнем и шпорами.

Яромир с трудом протиснулся внутрь, потревожив двух громко спорящих бугаев с поломанными носами, выглядящими как дряблая картошка. Среди туго забитого людьми зала он разглядел место за обшарпанным столом, куда и поспешил сесть.

Теперь он мог нормально оглядеться. В ярко освещенном помещении собрались представители всевозможных призваний и профессий.

Не самые приятные лица разбились по кучкам и кружками заливали в себя пиво и брагу, а вокруг них вились такие же неприятные, потрепанные жизнью гульни и плёхи.

В самом дальнем углу громко шумела самая большая из всех компаний, столпившаяся вокруг чего-то, чего Яромир с этого места разглядеть не мог.

— А не лановато ли по таким местам ходить, юнофа? — к Яромиру подошёл лысый, пузатый хозяин харчевни, расплывшийся в улыбке, которой не доставало нескольких передних зубов. — Я тебя ланьфе тут не видал!

— Больше и не увидишь... Но раз уж я тут, и ты тут, то можно что-нибудь пожевать, да горло смочить? Больно утомился. — Яромир достал из-за пазухи данные Гришкой медяки и положил их на стол.

— А, погляфу, что тебе фа словом в калман лесть не нуфно. — при виде денег хозяин расплылся в безобразной улыбке. — Фа твои деньги — любой каплиф.

Харчевник удалился на кухню, а Яромир устался в стол, размышляя над произошедшими за последние несколько недель событиями. Вдруг на его плечо опустилась тяжелая рука и, по обе стороны на лавку приземлились Могута и Всемил.

— Я же говорил, брат, что скоро встретимся! — радостно воскликнул Могута, тряся плечо Яромира.

— Нам явно улыбается удача! — подхватил Всемил, вскинув ладони к потолку.

— Здрaвы будьте... а какими... — начал было Яромир, но Могута не дал ему договорить.

— Не столь важно какими, главное, что мы вновь встретились! — прохрипел Могута и достал из-за пазухи самокрутку.

— Понимаешь, нам суждено было встретиться именно в этом... — Всемил облокотился на стол.

— Свинарнике! — вставил Могута.

Всемил глубоко вдохнул и закатил глаза:

— Можешь так не делать?!

— А что, правда глаз колит, брат?! — заязвил Могута. — Я не виноват, что твои благородные уста не могут называть вещи своими именами!

— Твоя брань смущает нашего друга!

— Как-то не особо... — протянул Яромир.

— Вот, слышал? Суемудрок! Что хочу, то и лопочу! — захохотал Могута и подпалил самокрутку.

— Неисправим... — махнул рукой Всемил и обратился к Яромиру. — Видишь-ли, Яромир, мы ищем нечто особенное... успех, удачу, фарт — как хочешь назови...

— Что-то такое, чем обладать захочет каждый — от смерда до бога! — подхватил Могута.

— Видишь-ли, мы не совсем обыкновенные лавочники, и не посадские завсегдатаи. Сегодня мы здесь, завтра там, — продолжал Всемил. — Вот, только утром мы продавали сбруи в Слав-городе...

— А уже завтра будем в Троице, предлагать специи и масла! Ну, где там этого жирдя носит?! — Могута громко стукнул кулаком по столу, чем привлёк внимание окружающих. — Харчевник, тащи сюда свою задницу!

— Или подадимся на север, в Большеозерск, — продолжал Всемир. — Или Долину дождей, на самый крайний случай — в Бел-город, и будем там сбывать ложки серебряные, да бусы янтарные. Понимаешь, мы верим, что это наша судьба — стать самыми великими, самыми известными во всех мирах.

— Точно сказал, брат! Рано или поздно, да вся Сварга окажется у наших ног!

— Но вот беда — мы сами не знаем, чего ищем...

— Точнее знаем, но не знаем где это найти!

— По этой причине, и продаем всё на свете, что под руку попадет. По этому же и мотаемся туда-сюда, долго на одном месте не засиживаясь. Вдруг само найдётся.

— И знаешь, что, Яромир, — Могута пустил ему в лицо струю дыма. — Как тебя увидели, то нутром почуяли, что нашему делу именно ты поможешь преуспеть!

Вернулся харчевник с курицей и кружкой браги в руках. При виде купцов его улыбка спала, и заметно затряслись руки.

Глава 18: «Понятно, но не понятно...»

— Ну, фо, фдластуй дологой хофяин! — воскликнул Могута, передразнивая хозяина харчевни. — Фдластуй, Фосия! Давненько мы к тебе не заглядывали, а?! Скучал?!

Беззубый толстяк, нервно затряс головой.

— Здрав будь, Фосий! — приветствовал его и Всемир. — Покажи-ка, чем же таким ты нас сегодня потчевать собрался?

Фосий громко сглотнул и поставил еду на стол. Могута, не спрашивая разрешения Яромира, оторвал от жареной куриной голени небольшой кусок и закинул в рот.

— Хм-м... Ты погляди брат, в этот раз и курица не дурна, весьма недурна! — воскликнул Могута, хлебнул браги, и тут же выпрыснул её на трясущегося Фосия. — Тьфу! Так и знал! Подлец! Ты отравить парнишку что-ли решил? Скотина, это же яд! Им даже свиней поить нельзя, не то, что добрых людей!

— И сколько же наш любезный хозяин с тебя за сие пойло содрал? — спросил Всемир Яромира, принюхиваясь к оставшемуся содержимому кружки.

— Семь медяков и несколько грошей. — ответил Яромир.

— Неслыханная дерзость! Хабала! Никакого стыда! — Могута подскочил, привлекая к себе все больше и больше внимания. — Шинора! Разбой среди бела дня!

— Но мы же ещё можем все уладить, правда, дорогой Фосий, или напомнить, что было с твоим, хочу отметить, не самым прогнившим местом, в прошлый раз? — сказал Всемир, усаживая разошедшегося Могута обратно на скамью.

Фосий так разнервничался, что помимо шепелявости стал ещё и заикаться:

— В-все сделаем в луффем в-виде! Плофу меня иф-финить, не мог я ф-фнать, фто сей молодой юнофа — ваф дологой дфуг!

— Да ф-фто ты говолиф!? — передразнил Могута. — Живее, неси на стол нормальной медовухи и мяса! Только не вздумай жопиться, скряга, я знаю, что у тебя в закромах много чего припрятано!

— И не забудь любезно вернуть нашему другу деньги за те помои, что ты принёс до этого. А то повадился добрых людей, да вокруг пальца...! Ах, да... Милый Фосий, ты же знаешь, зла мы долго не держим и искренне верим в твою сознательность, по тому надеемся, что сегодня наша трапеза будет достойна самих богов. — Всемир достал из кармана золотой и бросил на стол перед Фосием.

При виде блеска золота маленькие глазки харчевника округлились. Раскланявшись, он убежал на кухню и через некоторое время принёс поднос с ароматной медовухой и жареной говядиной. Фосий поставил угощения на стол и, поклонившись, постарался побыстрее скрыться из виду.

Яромир хотел было наброситься на мясо, но купцы настояли наперво осушить кружки — за знакомство.

— Вы правда братья? — спросил Яромир, отрывая зубами от большого куска говядины.

— По нам что-ли не видно!? М-м? — Могута подсел к Всемилу. — Ты присмотришь — одно лицо!

Яромир засмеялся, ведь купцы были совершенно разные, без единой похожей черты. Один — высокий, красивый, манерный. Другой — низкорослый, коренастый, весь обросший, с большими приплюснутым носом.

— Сущя правда, причём, стоит отметить — единоутробные. — подхватил Всемил. — Есть у нас ещё сестрица, но с той тебе лучше не встречаться — целее будешь.

— Не то слово! — резко вмешался Могута. — Там такой норов, что дракону хвост в узел завяжет и глазом не поведёт! Стерва!

От смеха Яромир подавился куском и поскорее постарался запить его медовухой.

— А вот ты, Яромир, мне тоже кое-кого напоминаешь... Погляди, брат! — Могута подсел к Яромиру и повернул его лицом к свету.

— Твоя правда, брат! Сейчас... — Всемил вытащил из кармана чеканный золотой и сравнил выгравированный на нем профиль с лицом Яромира. — Так перед нами же сам светлый княже!

— Чтоб мне провалиться! Как будто само его великославное гузно к нам за стол пожаловало! Вот так обдувала! Провести нас хотел, да!?

Яромира передернуло.

— Какой там из меня князь!? На батрака или конюха ещё, вот, сгожусь... — пытался отвертеться Яромир, отталкивая руку Могуты, но братьев было уже не остановить.

— Ты тут не заливай, не на тех напал! Напомни-ка, брат, сколь у Ярослава Славного дитяток-то было? — Могута задорно вытянул новую самокрутку.

— Четверо, братец.

— Именно! Старший сейчас на детинце из-под юбки этой, да простит меня Игорь, прошмандовки не вылезит, девка негораздая, что Варварой нарекли — в бега подалась, третьего — Ванюшу — хворь побрала, а последний вместе с Ярославом и Ольгой сгинул. Ну же брат, вспомни, как его матушка назвала! — Могута хитро улыбнулся брату.

Всемил воскликнул от удивления и стукнул себя по лбу:

— Ну точно же, точно, пустая моя голова! Погляди на него!

— Хо-хо! А князь, дорогой ты наш Яромир, сгинул аккурат шестнадцать кругов назад!

— Считай, как почти семнадцать, брат!

Тело Яромира задрожало, дыхание участилось. Нужно было уходить. Он попытался встать, но братья усадили его на место.

— Да вы чего мужики, сидел бы я сейчас с вами в грязной харчевне, весь в рвань и без гроша в кармане, коль бы был кровей княжеских? — голос Яромира непроизвольно задрожал.

— Не брещи. Нас не проведешь. — перебил Всемил. — Ольга назвала сынишку — Яромир. И ты — Яромир, да ещё и с князем на одну физиоморду! Вот это вести, так вести!

— Экая новость! За это нужно выпить! — Могута вскочил со стула. — Эй, Фосий! Дорогой мой Фосий! Ещё медовухи, да чтоб рекой лилась!

Хозяин харчевни выглянул из-за стола и молча кивнул.

— Не бойсь, хлопец. — Всемир продолжал сохранять спокойствие, в отличии от брата. — Мы — могила. Никому ни слова не скажем.

Могута плюхнулся рядом и положил руку на плечо Яромира:

— Такие знакомства нам только на руку! Эх, брат, не подвела чуйка! Так ты, значит, перед Игорем челом бить приехал?

— Да как так-то? Я ни словом не обмолвился, а вы обо мне больше, чем я сам знаете?! — воскликнул пораженный Яромир.

— Так нам и говорить ничего не надо. Понимаешь, дар у нас такой — все обо всех знать, быть там, где быть должно... Было время, когда Игорь обещал золота отвесить, сколь сам весишь, тому, кто брата его домой приведет...

— Хо-хо! А тут ты сам к нам в руки свалился! — воскликнул Могута. — Экая удача!

— Так, слушай, Яромир, раз Гришка тебя тут бросил, значит к князю ходу нету...

— Зато, мы знаем! — подхватил Могута. — А раз ты славич, то ты — етить какой фартовый!

— Золото, сам понимаешь, на дороге не валяется! Было бы бессовестнейшим упущением проворонить такой шанс.

— Но ты не ссы, полученным мы с тобой, ясно дело, поделимся! Мы, хоть и торгоши, но не скарედные! Ты ж теперь для нас, можно сказать, родня...

— Это как? — напрягся Яромир, но тут же вмешался Всемир, закрывая Могуте рот.

— Не слушай моего недалекого брата. Хмель в голову ударил, вот и несёт всякую околесицу... Фосий, Фосий родной, лети скорее!

Фосий чуть-ли не бегом принёс новую партию медовухи и, получив золотой, снова быстро скрылся с глаз.

— Ну, за фарт! Будем! — Могута поднял кружку, за ним последовали остальные.

Осушив одну, следом пошла еще одна и еще... а дальше Яромир уже сбился со счета.

Могута, уже изрядно захмелев, не отводил взгляд от угла, в котором до сих пор толпился народ.

— Кстати, про удачу... Вы, славичи, её каким-то необъяснимым образом притягиваете. Брат, может и нашего испытаем?

— От чего бы не попробовать, пройдем! — Всемир улыбнулся и, с трудом опираясь на стол, встал. — Яромир, нас ждут в игорном углу. Скажи мне, знаком ты с зернью?

Яромир коротко помотал головой.

— Проще пареной репы, гляди. — Могута взял его за руку и поволок к столу каталы.

За столом сидели несколько человек и бросали кости, поровну разделенные на черные и белые грани.

— Все просто. Ставишь кон, загадываешь цвет и бросаешь. Выпал твой цвет, а у противника нет — ты красавчик и выигрыш твой. Только катала половину от половины себе оставит — то его доля.

— Понятно, но не понятно... — Яромир едва мог связать слова.

— В одном медяке — двадцать грошей. — уточнил Всемир. — Если ты поставил медяк и выиграл, то катала себе пять грошей возьмёт. Со всем остальным так же.

— Теперь понятно, а ваш какой интерес? — спросил с недоверием Яромир.

— Мы, Яромир, звон монет в кармане больше любим, а ты выходит — наш прямой путь к богатству. — Всемир похлопал его по груди. — Главное не волнуйся, если что, то мы с братом выручим.

— А ну, разойдись, свинопасы! — Могута протиснулся к освободившемуся месту за игровым столом, из-за которого как раз вышел расстроенный парень в заплатанном походном платье. — Давай, малец, сюда садись.

Яромир опустил на скамью.

Во главе стола стоял катала, высокий мужчина с крючковатым носом и длинными патлатыми волосами, собранными железным обручем, принимавший от всех желающих ставки.

— Чего-то я твоей рожи тут не видывал, пацан. Но назад дороги уже нет. Назвался груздем — полезай в лукошко. Чего ставишь?

— Давай два медяка, а там поглядим, — на ухо подсказал Всемир. — Вдруг мы ошиблись...

Яромир достал из кармана две медных и бросил на стол. Не успели они упасть, как катала тут же их подобрал и спрятал в шапку.

— Пацан поставил кон! Ну, кто из вас, разгильдяев, готов с ним выйти?

За стол, напротив Яромира, сел седой старичок с большой залысиной и так же кинул два медяка.

— Ну, допустим! Правила у нас обычные. Две кости, два цвета. Называешь пару и бросаешь, пока у одного не выпадет нужная. Тяни, пацан, чей ход первый будет.

Катала протянул Яромиру кулак, из которого торчали две соломины.

Яромир вытянул короткую.

— Малец бросает первым. — катала передал ему кости. — Называй пару.

Яромир посмотрел на Всемира и Могута. Они лишь одобрительно кивнули, давая понять, что выбор придется делать самому:

— Пара белых. — Тяжело вздохнув сказал Яромир и бросил кубики на стол.

Кости, прокатившись по столу, упали одной белой и одной черной стороной.

— Первый блин, как говорится... ну, ты сам все знаешь! — катала передал кубики старичку. — Твой бросок, Иола.

— Пара черных, — тяжело прохрипел старик и сделал ход.

Обе кости легли черным верхом.

— Выиграл Иола! Вот твоя ставка. — Катала бросил три медяка и десять грошей перед стариком.

Глаза Иола жадно загорелись. Старик схватил медяки со стола и поспешил скрыться, не желая испытывать удачу повторно.

Яромир, было, тоже попытался встать, но крепкие руки братьев усадили его обратно.

— Сказали же тебе, что блин комом. Давай еще. — с серьезным видом сказал Могута и вложил в руку Яромира несколько серебряников.

— Понравилось денежки просаживать?! И много их у тебя? Небось и золотишко найдётся?! Глядите-ка, а парнишка-то — азартный! Одного раза ему мало было! Говорит, что полные карманы денег — проиграть не жалко! Ну, кто хочет проверить?! — кричал катала.

На против сел один из тех наемников в кожаных дублетах, что избивали парня за харчевней, и небрежно кинул ставку на стол.

— Ну, давай, малец. Два серебряных. Поддержишь?

Яромир кивнул и выложил монеты на стол.

На этот раз первый ход был за противником.

— Черная и белая. — полным уверенности голосом пробасил лысый лопоухий бандит и сделал бросок.

Обе кости легли черной гранью.

Настала очередь Яромира.

Его сердце быстро билось и руки охватила легкая дрожь. Все же с мечом было обращаться куда проще, чем с маленькими костяными кубиками.

— Пара белых, — ответил Яромир и неуверенно катнул кости по столу.

Кубики вновь легли парой черных.

Право хода вернулось к лысому.

— Пара черных. — сказал бандит и бросил кубики на стол.

Кости легли белой парой. Лопоухий гневно ударил кулаком по столу и тихо выругался.

— Черное и белое. — сделал выбор Яромир и, закрыв глаза, выбросил кости.

В этот раз удача была на его стороне.

— Эгей, вот так шпыня! Я же говорил брат, что с ним нам точно повезет! — запрыгал от радости Могута.

— Теперь не останавливайся! — Всемир потрепал Яромира по голове. — Удача улыбается тебе!

Катала отдал деньги Яромиру и обратился к лопоухому.

— Тьфу, обыграл какой-то пацан.... Отыграться хочешь?

— А тоже, еще б я сопляку продувал. Вот, мой кон. — Бандит выложил восемь серебряников. — Али ты зассал, малец?

Тон лопоухого зацепил захмелевшего Яромира, и он ответил ставкой.

— Смотри, чтобы ты не зассал. Катала, давай сюда свою солому!

Вытянув право первого броска, Яромир взял кон на первом же круге, поставив на пару белых, против пары черных лысого бандита.

Но тот так просто не хотел сдаваться и предпринял еще несколько попыток на отыгрыш, но все они привели к полному провалу.

Яромир заразился удачей.

В итоге, проиграв все, что было в карманах раздосадованный и покрасневший от гнева лопоухий бандит вышел из-за стола, напоследок бросив в сторону Яромира то-ли проклятие, то-ли угрозу — среди шума харчевни было не слышать.

Братья потирали руки, веселились, а Фосий только и успевал, как менять им кружки с медовухой.

Яромир же вошёл в кураж.

Он брал кон за коном, побеждая всех садящихся к нему за стол.

К Яромиру попыталась протиснуться одна из местных волочаек, в надежде первой охмурить столь удачливого парня и получать долю от выигрыша, но братья, в очень резкой форме, её быстро отшили. Девушка, обиженная и оскорбленная, со слезами на глазах, поспешила покинуть харчевню.

Яромир, же полностью увлеченный игрой, не обращал на происходящее вокруг никакого внимания, продолжая забирать ставку за ставкой.

Но игра быстро закончилась, когда в харчевню с криками ввалились мужики, до этого

дерущиеся на входе, а за их спинами, тыча пальцем, шла обиженная братьями волочайка. С гневным видом мужики растолкали зевак у игрового угла и тот, что был самый крупный из всех обратился к Яромиру.

— Ты, что ли, хамло, посмел Алёнушку нашу обидеть, да еще и шлёндой драной обозвать?! — крикнул он в сторону ничего не понимающего Яромира.

— Он это, он все! Он! Проучите его, как следует, мальчики! — надрываясь, кричала вертихвостка.

— Ага, только сначала мы этого шулера взгреем, как следует! — за спинами раздался голос лопухого, вернувшегося в сопровождении дружков. — Больно хорошо для зерни рука у него набита. Нечистое тут дело.

— Там кости в рукаве припрятаны! — выкрикнул кто-то из толпы.

— Или колдун вовсе! — подхватил следующий голос.

— Айда мужики, вытрясем его и проверим! — Лопухий хрустнул костяшками и направился к Яромиру.

Катала, чувствуя, что запахло жареным, по-быстрому собрал кости со стола, завернул в шапку свою часть выигрыша и поспешил скрыться в толпе.

Яромир, чувствуя, что обстановка накаляется, приготовился к драке.

Перед наступающими вышел Могута.

— Я бы на вашем месте извинился и поставил честным людям кружку мёда, — выкрикнул из-за его него Всемил. — Или тикал отсюда подобру-поздорову!

На против Могуты встал здоровяк из заступников чести девичей.

— Коротышка что-ли нас остановит?! Нашел бы ты лучше себе пони и ускакал за горизонт, покуда я тебя как таракана не раздавил!

Пока здоровяк распылялся перед Могутой, Всемил обратился к Яромиру:

— Сейчас начнется заваруха, так что давай, я денежки у себя пока припрячу, надежней будет, а как уляжется, то все поровну поделим.

Яромир согласно кивнул и быстро выгреб выигранные серебряники и медяки в сумку Всемила.

В пьяном угаре Яромир не совсем понимал, что вообще происходит.

Он видел лишь неприятную рожу лопухого бандита, здоровяка, кричащего на Могуту, неприятно истерящую бабу и Фосия, трясущегося от страха и безуспешно пытающегося вывести всю эту компанию на улицу.

В какой-то момент здоровяк толкнул Могута, вновь обозвав его коротышкой.

— Ах, значит, коротышка, вымесок ты драный?! Чем больше бочка, тем громче падает на кочке! Держи!

Могута заряди ногой промеж ног здоровяка. От невыносимой боли того скрутило в половину. Могута схватил здоровяка за волосы и познакомил его лицо с поверхностью ближайшего стола.

Ножки стола разлетелись в стороны, но дерзкий здоровяк был уже не в состоянии подняться.

— Давайте, сучьи дети, по одному! Сейчас я вам всем покажу, какие бубенчишки в штанишках коротышки!

Завязалась драка.

Бандиты промяли яро сопротивляющегося Могуту и набросились на Яромира, тогда как Всемил с несколькими мужиками, вставшими на их сторону, отбивались от Алёнкиных

ухажеров.

В конечном итоге, уже не было понятно, кто с кем дрался — втянуты были все.

Яромир и братья-купцы раздавали увесистые оплеухи, а нападавшие всё продолжали напирать.

В дело шло все, что было под рукой: столы, скамейки, кружки, бочки и прочее имущество харчевни.

Фосий, потеряв всякую надежду на сохранность имущества, крикнул что-то про стражу и выбежал из харчевни, по которой, то и дело, летали люди и все, что не было приколочено к полу.

Сзади на Яромира напрыгнул мужичок, повиснув у него на шее.

Яромир по-всякому крутился, но душитель всё никак не хотел разжимать руки.

Поэтому, взяв небольшой разбег, Яромир примял его к стене.

Раздался хруст, и руки опустились сами по себе.

— Получи, жулье! — лопухий накинудся на Яромира с кулаками.

Яромир был так пьян, что у него перед глазами вместо одного кулака было четыре, из-за чего он пропустил пару ударов по лицу.

В груди зажгло и он ударил в ответ, не глядя.

Лопухого оторвало от земли, и он пролетел тройку шагов, собрав по пути несколько столов и скамеек.

Но огонь в груди не хотел утихать, а только сильнее разгорался.

Яромир разошелся не на шутку.

Он уже не разбирал, где свои, а где чужие, поэтому бил всех, кто попадался под руку.

Богатырь схватил ближайшую лавку и огрел ей какого-то мужика. Доска лопнула пополам, а тело отлетело к противоположной стене.

Сзади на Яромира с ножом набросился наемник, но его в прыжке успел перехватить Могута и покатился с ним по полу.

Всемир же в это время осторожно, по стеночке, продвигался к выходу, стараясь не лезть в гущу событий.

Один из нападавших прицелился кулаком в его лицо, но Всемир ловко увернулся и коротким точным ударом отправил его спать.

— Не смей трогать моё прекрасное лицо! Знаешь, сколько мне приходится за ним ухаживать по утрам?! — Всемир едва успел пригнуться от летящей в него кружки. — Пожалуй подожду снаружи...

Он медленно перешагнул через лежащее на полу тело и скрылся за колонной харчевни.

Яромир же окончательно пошёл в разнос.

Он его увесистых ударов мужики падали без сознания один за другим. Яромир даже не заметил, как в харчевню вбежала стража возглавляемая Фосием.

Дружинники долго не разговаривали.

Выхватили палки, и с особым усердием принялись успокаивать разбушевавшихся посетителей, по очереди вытаскивая их на улицу.

Тем временем Всемир добрался до Фосия, схватившегося за голову от вида своей разрушенной харчевни, и вложил ему в руку горсть золотых.

— И снова мы глубочайше просим прощения за учиненный беспорядок и надеемся, что это хоть как-то сможет скрасить его последствия.

— Ага, прямо как в прошлый раз! Правда, Фося?! — к ним подошел Могута, держась за

правый глаз и указывая на Яромира. — Только этого осталось утихомирить.

Яромир в свою очередь принялся охаживать стражников, которые даже толпой не могли его взять.

— Есть у меня одна идея! — на пороге харчевни появился Гришка, одетый в новое синее платье, расшитое белыми нитями. — Айда за мной!

Яромир же будто обезумел.

Только он швырнул в стену последнего стражника, как его охватил поток ледяной воды, выплеснутой прямо в лицо.

Не успел Яромир протереть глаза, как по затылку прилетело чем-то тяжелым, и он поплыл.

Последнее, что увидел Яромир до того, как отключился, были лица Могуты, с заплывшим правым глазом, Всемила с пустым бочонком и Гришки, с поленом в руках.

Глава 19: «Не вели казнить, вели слово молвить!»

Чёрное солнце.

Завораживающее и одновременно ужасающее явление. Величественное, устрашающее знамение конца мира...

Именно оно вновь горело на небе, освещая землю мрачно-огненным светом, когда Яромир пришёл в себя.

Он снова оказался там, на холме, перед проклятым войском Забвения, с величественным воином в черном рогатом шлеме во главе.

Всё повторилось, точно как в прошлый раз.

Ратник в угольных латах поднял шипастый меч, и орда ринулась в атаку.

Только теперь Яромир чувствовал мир совершенно иначе.

Он огляделся в поисках подмоги, но всё вокруг выглядело прежним.

Он всё так же оставался один среди выжженной земли, сплошь усеянной останками человеческих тел, числу которых не видно было ни числа и ни края...

Чувство страха и смерти, горечь потери, безысходности и отчаяния вновь целиком завладели Яромиром.

Сердце забило быстрее, перехватило дыхание и затряслись руки.

Бескрайняя волна чудовищ быстро надвигалась, поднимая в воздух клубы пыли и пепла.

Ему хотелось развернуться, убежать, скрыться как можно дальше, но тело онемело и отказывалось двигаться с места.

Предводитель войска Забвения продолжал пристально следить за Яромиром, явно довольствуясь его беспомощностью и своим успехом.

Яромир чувствовал это, хоть и не видел его лица. Но он точно знал, что там, под рогатым шлемом, оно расплылось в торжествующем оскале.

Озноб мелкими, болезненными уколами пробежал по телу. На лбу проступили капли пота.

Осознание пришло неожиданно, свалившись на плечи неподъемным грузом и, будто цепями, сковав грудь.

Он и властелин Забвения связаны своеобразной нерушимой нитью, делающую их одним целым...

Только промелькнула эта мысль, как перед самым носом распахнулась ядовитая, слюнявая пасть борута, готовая впиться огромными зубами в голову, как спину обдало

холодом...

... И Яромир проснулся.

Теперь он лежал на каменной плите, ледяная поверхность которой и прервала его странный сон.

«Так недолго и в привычку войдёт...» — Яромир протёр заспанные глаза и с трудом сел.

Единственный свет в этом холодном, сыром помещении с каменными стенами исходил от силуэта двери, вырезанного на тёмной стене горящим снаружи факелом.

«Ну и удружили...» — Яромир потрогал внушительных размеров шишку на затылке и одёрнул руку от боли. — «Мы тебе поможем, Яромир! Отведём прямиком к князю, Яромир! Ага... А в итоге что — поленом по голове и в узилище? Хороша помощь, ничего не скажешь!»

Он встал, зацепил руки за спиной и принялся мерить маленькую комнатку шагами.

Стражники изъяли всё, даже сапоги, оставив ему лишь драную рубаху и поношенные штаны.

Яромир испугался, что и амулет отобрали, но, пощупав рукой по шее, он нашёл цепочку на своём месте, от чего испытал большое облегчение.

«Дурак! Простофиля! По делом мне... Говорил же отец, надеяться исключительно и только на себя. Эх, никому в этом мире веры нет... и себе тоже!»

От боли голова закружилась, Яромира замутило и он поспешил сесть обратно на плиту.

«Ну, Гришка, хорошо приложился! Значит обманул... братом еще называл, подлец! Ох, гонец, лябза проклятая, вот я тебе покажу... Пожалеешь, что тебя тогда гнильцы не сожрали!» — Яромир окинул взглядом дверной проём. — «Не для того я такой путь проделал, чтобы как собаке под замком сидеть!»

Яромир поднялся на ноги и размял кости.

«Что бы ни было, а всё равно князя увижу!» — Яромир отошёл подальше от двери и сделал глубокий вдох и выдох.

Трёх шагов разбега хватило, чтобы от удара плеча массивная дверь сорвалась с петель, с грохотом врезалась в стену на против и гулко рухнула на пол.

Следом за дверью, в узкий, низкий, едва освещённый коридор, выскочил и Яромир.

Он на мгновение замер, определяя в какую сторону двигаться дальше.

Направление подсказал воздух, слабо колышущий огонь редких факелов, развешанных вдоль стен.

Яромир понимал, что такой грохот не мог не привлечь внимания и поспешил поскорее выбраться из подземелья.

Он добежал до развилки, как на встречу, из-за угла, выскочил высокий толстый тюремщик, неистово воняющий барсучьим жиром.

Не успел он открыть рта, как Яромир, с ходу, нанёс удар.

Толстяк без сознания рухнул на пол, подняв в воздух столб пыли.

Яромир перепрыгнул через тело и было побежал дальше, но вовремя опомнился и вернулся за ключами, висевшими у тюремщика на поясе.

Чем дальше продвигался Яромир по ветвистым коридорам, тем чище и свежее становился воздух.

В проёме показались уже закатные лучи, как дорогу перегородил вооруженный стражник.

Яромир остановился. За спиной послышались быстро приближающиеся крики и топот. Времени не было.

Стражник опасно размахивал мечом, оттесняя Яромира вглубь темницы.

Но Яромир оказался быстрее.

На мгновение стражник задержал клинок внизу. Яромир пинком подбил его кверху и тут же врезался плечом в не ожидавшего такого действия стражника.

Стражник упал на спину, попытался встать, но быстро подскочивший Яромир поймал его за голову и ударил ей о стену.

Звонкий лязг железного шишака звонко прокатился по коридору и тело стражника обмякло. Он больше не представлял угрозы.

Яромир выбежал на улицу и у него на мгновение перехватило дыхание.

Он оказался на широком гульбище, прямоком перед величественными княжескими палатами, а по левую руку возвышались массивные дубовые ворота детинца.

Яромир находился именно там, где нужно. Он перевел дыхание и побежал к главным воротам палат.

Со всех сторон сбегалась стража, но все попытки остановить Яромира оказались безуспешны, а сам он и не думал останавливаться.

Уклонившись от нескольких нападавших, Яромир буквально влетел вверх по ступеням и в одно мгновение уложил двух караульных, стоявших на страже дверей главного зала.

Вот только сам открыть их Яромир не успел.

Толпа стражников навалилась на него сзади и двери с диким грохотом распахнулись, а они кубарем ввалились внутрь терема.

Гусляры, балалаечники и дудочники прекратили играть музыку.

В огромных размеров зале с расписными стенами и столами, ломившимися от всевозможных яств, воцарилась глубокая тишина.

При виде множества людей, разодетых в дорогостоящие наряды, Яромир перестал оказывать сопротивление и стражники, заломив руки, поставили его на колени.

Он достиг, чего желанного, но что было делать теперь...?

Над главным столом, с престола, поднялся широкоплечий, светловолосый мужчина, на вид тридцати зим от роду, в котором Яромир разглядел четкие черты князя Ярослава из ведения, показанного ему бабушкой — князь Игорь.

— Что за вздор?! — воскликнул Игорь, махнув рукой и разлив вино по столу. — Как посмели...?!

Стражники подвели Яромира к главному столу.

— И что, всего один оборванец?! — рассмеялся Игорь. — Воевода, твоё упущение! Совсем хватку потерял, Руевит? Когда такое случилось, что любому смерду, по своему хотению, дозволяется в княжеские покои попасть, как к себе домой?! Может и тебя, вслед за городовым, на покой пора отправлять?!

Воевода Руевит, пристыженный словами Игоря, тяжело поднялся со скамьи и исподлобья посмотрел на Яромира.

— Исправим, княже. — Руевит, размял огромные, как у медведя, руки и вышел к Яромиру. — Ну, малец, говори, куда голова еще на плечах...

Но Яромиру было совсем не до воеводы.

Он не мог поверить, что перед ним был его родной брат. Тот, о ком еще несколько дней назад Яромир не мог даже помыслить, сейчас стоял в паре шагов и с любопытством

рассматривал его болезненными сине-жёлтыми глазами.

Неожиданно из толпы выскочил Гришка и упал в ноги воеводы:

— Не вели казнить, о, великий князь, вели слово молвить!

— Что ж за день-то такой, — тяжело вздохнул Игорь. — каждый норовит слово поперек вставить! Ну, гонец, говори, только что путное, а то голову твою на одну пику с его оденут!

— Таки, государь, о нём и речь! Это, о светлейший, Велесом клянусь, самый великий витязь, коих мне приходи... — Гришка оборвался на полуслове, видя, как князь быстро меняется в лице. — Разумеется после тебя, княже! Слава роду твоему! Вез я его пред тобой челом бить за службу ратную, да больно глуп и короболюб он...

Не в силах больше терпеть наигранное подхалимство Гришки, Яромир вспылil и отбросил державших его стражников назад.

Он бросился к гонцу, в надежде проучить его увесистой оплеухой, за что тут же получил огромным кулаком воеводы по лицу.

От невероятной силы удара Яромир откатился на пару шагов и встал на колени. Грудь зажгло огнём и Яромир медленно поднялся на ноги:

— Раз так, будь по-твоему, — он сплюнул кровь, вытер рассечённую губу и ответил подошедшему воеводе таким же весомым ударом.

Могучий воин опустил на зад и затряс головой, явно не ожидая встретить такого сопротивления.

— А вот это уже занятно! — воскликнул Игорь, наполняя рог вином и давая знак музыкантам.

Придворные трубачи затянули напряженный мотив.

Стражники было бросились на Яромира, но их гневным басом остановил поднимающийся с пола Руевит:

— Стоять, олухи, где есть. Сам!

С невиданной быстротой слуги раздвинули столы и наполнила кубки бояр, которые разошлись вдоль стен с нетерпением ожидали зрелища.

Завязалась драка, в которой ни Яромир, ни воевода не уступали друг другу ни в мастерстве, ни в силе.

Старик его хорошо обучил мастроте братовства.

Они обменивались увесистыми ударами, выходили на захваты, катали друг друга по полу, но победить друг друга не могли.

Яромир, от пропущенного удара локтем упал на колени, тут же обхватил ногу Руевита, перевернулся и повалил его на пол, оказавшись за спиной.

И Яромир не упустил возможности.

Он поймал воеводу, как совсем недавно его самого захватил Патша, и будто железными тисками стал сдавливать шею.

Но даже из такого, практически безвыходного положения, Руевит не сдавался, правда, недолго.

Музыка затихла и в зале вновь воцарилась тишина.

Игорь, видя, как лицо воеводы посинело и руки практически перестали сопротивляться, перепрыгнул через стол, подошёл к Яромиру и потянул его за разодранный рукав:

— Довольно!

Яромир расслабил руки, и воевода рухнул на пол, жадно глотая воздух и разминая шею.

— Славно бьешься! Заслужил голос! Ну, молви, чего хотел! — продолжил Игорь,

прожигая взглядом Яромира, упавшего перед ним на колени.

Его лицо было покрыто ссадинами и кровоподтёками. От борьбы с воеводой рубаха окончательно разорвалась, оставив на теле Яромира несколько висящих лоскутов ткани и обнажив чудом уцелевший амулет, всё ещё продолжавший болтаться на шее.

Взгляд Игоря упал на необычную вещицу.

Он присел рядом с Яромиром, продолжавшим хранить молчание, и коротким движением сорвал Звезду Сварога.

— Откуда это у тебя? — голос Игоря звучал одновременно и гневно, и удивленно. — И не вздумай лгать! От того, что ты сейчас скажешь зависит сколько ещё твоя голова продержится на плечах.

— Подарок... от водяного с Туманных топей. — с трудом выдавил Яромир.

Голос Яромира заметно дрожал, хотя он всеми силами старался сохранить спокойствие.

Лицо Игоря выглядело больным, а его сине-желтые глаза неестественно горели в свете факелов и масляных светильников.

— Встань.

Яромир поднялся, и Игорь стал медленно ходить вокруг него.

— Знаешь, чья эта вещь? — Игорь говорил тихо, стараясь, чтобы только Яромир его слышал.

— Вероятнее всего, что князю Ярославу.

— Именно... моему погибшему отцу! Откуда в тебе такая сила, что ты самого Руевита одолел?

— Не могу знать, княже, с рождения такой...

Игорь остановился перед Яромиром и пристально посмотрел в его глаза.

— Сколько зим?

От холодного тона Игоря у Яромира проступил пот на спине.

— Уж как семнадцать будет, княже.

— От кого твой род и почему ты так стремился до меня добраться, что целой дружины не убоялся?

Яромир почувствовал, как задрожали колени. Он глубоко вдохнул и выдохнул:

— Не знавал я ни отца и не матери, о великий князь, а растил меня старик в дремучих лесах Темнолесья. Другой же старик наказал во чтобы то ни стало принести этот амулет лично тебе, княже. Сказал, что только ты мне всю правду откроешь!

Игорь взял Яромира за плечи, присмотрелся и прошептал:

— Быть не может... Как на отца похож... И глаза её... Звать как?

— Яромир.

Глаза Игоря наполнились слезами, и он стиснул недоумевающего Яромира в объятиях.

— Столько зим...

Люди вокруг охали, ахали и перешептывались, выражая неподдельное потрясение.

— Ты погляди, какой статный... Воевода, это же брат мой, Яромир!

Руевит, красный как сердце-овощ, сидел на лавке и глубоко дышал, медленно приходя в себя.

Яромир тоже весь залился краской, видя, что теперь всё внимание было приковано к нему.

— Как он тебя, а?! Ох, и славный же богатырь вымахал! Прямо я в молодости! — продолжал Игорь. — Жена, жена, Марина, посмотри, брат мой, потерянный, живой!

Побледневшая княжна Марина сверкнула на Яромира ярко жёлтыми, похожими на змеиные, глазами и подозвала служанку наполнить её рог.

— Всем миром родителей искали, все бес толку. Я же уже давно всякую надежду потерял... а тут ты сам пришёл!

Реувит поднялся с лавки и встал возле князя:

— Силен он, княже, спору нет. Только больно дикий и наглый, никакой выдержки, — в голосе воеводы Яромир подметил нескрываемую обиду.

— Значит, решено, возьмешь его к себе на воспитание! — Игорь хлопнул в ладоши. — Заодно и дружину натаскаешь, а то совсем... ни в какие ворота! Ну, что скажешь, Яромир, пойдешь моими молодцами командовать?

— Твоя воля, княже. — Яромир низко поклонился Игорю и обратился к Руевиту. — Прости меня, воевода, что драку учинил... это всё язык Гришкин, будь он неладен! Что дружинников поколотил — тоже прощения прошу...

— Так вот, значит, кто всю дружину в харчевне отлупил. То-то весь город на ушах стоит, да за богатыря неведомого трезвонит. — слабо улыбнулся Руевит. — Ничего, славич, будет у нас еще времечко поквитаться, сделаю из тебя настоящего сотника!

Руевит посмотрел на Игоря, одобрительно кивнувшего головой, и протянул Яромиру руку. Яромир поклонился и протянул свою в ответ.

— Раз по рукам ударили, то пришло время и люду тебя представить, — Игорь положил руку на спину Яромира, вывел его на середину зала и громко объявил. — Народ Славгородский, сей дерзкий незванный гость, столь нагло и неуважительно прервавший наш пир — оказался моим, считавшимся давно сгинувшим, кровным братом — Яромиром! Нальём же за чудесное возвращение в мир живых! А ну гусяры — затягивайте песни! Кухари — подать яства! Брат мой живой! Пустите весть по городу, пусть все знают, что младший сын Ярослава вернулся домой!

Терем будто ожил.

Большой зал наполнился слугами, которые ставили столы, наполняли их новыми яствами и помогали боярам вернуться к своим местам.

Неожиданно, со спины, к Яромиру и Игорю подошла княжна Марина, поддерживая край изумрудного цвета платья и держа в руках золотой кубок полный сливового вина.

— Знакомься, брат, — Игорь обнял Марину за тонкую талию. — это жена моя — Марина. Марина — это Яромир, мой чудом вернувшийся брат! Представь, я же его ещё крохотным на руках носил... Ну, скажи мне жена, похожи?

Яромир поразился красотой княжны, но, вспомнив слова Гришки про то, как Игорь к ней относится, потупил взгляд и поклонился.

— Одно лицо, мой государь!

Хоть Марина и улыбалась, но Яромир чувствовал исходившее от неё недовольство, а её голос хоть и был томным, но раздавался в голове звонким лязгом холодного металла.

— Какое немыслимое и дерзкое появление. Буду весьма рада узнать его... — Марина сделала паузу и провела ногтем по груди Яромира, от чего ему стало неловко. — поближе. Но, сперва, юношу следует умыть и переодеть, а то от него разит, будто его только что достали прямиком из выгребной ямы. Негоже его к гостям в таком виде выводить. Как-никак — лико рода княжьего, мой государь.

— Твоя правда, жена. — Игорь окинул Яромира оценивающим взглядом. — Сначала лицо, а уж потом истории... Слуги, а ну, займитесь хлопцем!

Не успел Яромир оглянуться, как его поймали за руки две милovidные служанки и потянули за собой по коридорам терема.

К большому удивлению Яромира, терем оказался таким же большим и сказочным внутри, как и снаружи.

Массивные железные двери были выгравированы причудливыми золотыми узорами, а стены украшены красивейшими полотнами и коврами.

Они прошли несколько поворотов и остановились возле небольшой двери, от которой исходил яркий запах пихты и берёзы.

— Вот так хоромы, даже баня есть?! — едва успел удивиться Яромир, как служанки затолкали его в комнату с каменкой, пологом и огромной бадьей с водой.

Одна из девушек неожиданно ловко стянула с него рубаху, а другая штаны.

Яромир залился краской и постарался прикрыться, но вышло это так неуклюже, что бывшие до этого совершенно молчаливые служанки закатились смехом.

— Полезай, страмец, в таз! — светловолосая девушка, утирая слёзы, указала на бадью, от которой исходил густой пар.

Горячая вода быстро расслабила остававшиеся напряженными мышцы Яромира.

В этот момент он думал, что именно так и выглядело настоящее блаженство.

Вторая служанка, милovidная девушка с не по-детски тяжелым взглядом, подала ему бритвенные приборы. Яромир привел лицо в порядок, после чего девушки стали натирать его тело мылом и бальзамом.

Их необычайно нежные прикосновения отзывались в Яромире странными, незнакомыми доселе чувствами.

Глубочайший стыд и приятное блаженство обрывисто сменяли друг друга, будто множество маленьких иголок кололись от макушки до кончиков пальцев ног.

Кровь прилила к низу живота, от чего Яромир ещё больше покраснел и постарался прикрыться, но служанки не обращали на него никакого внимания и делали своё дело без толики смущения.

Через несколько минут одна из служанок ненадолго вышла и вскоре вернулась, держа на руке черное узорчатое платье, прошитое золотыми нитями и совершенно новые кожаные туфли.

Девушки хотели помочь одеться, но Яромир запротивился:

— Здесь сам. — Яромир повернулся к ним спиной и прикрыл срам широким полотенцем. — Никогда нянек не было и сейчас не нужно... Обождите снаружи.

Служанки кротко поклонились и поспешно вышли из парильни.

Яромир быстро отёрся, натянул платье, туфли и вышел вслед за девушками, после чего те, так же молча, проводили его обратно в большой зал.

Игорь первым заметил осторожно спускающегося по ступеням Яромира и, раскинув руки, вышел к нему навстречу.

В зале вновь воцарилась тишина.

Грязный оборванец, еще не так давно позорно стоявший перед всеми на коленях, выглядел прекрасным, статным, белокурым лебедем, немного потрепанным, но всё же — лебедем.

Тут и там, среди бояр, можно было слышать перешептывания о невероятной схожести Игоря и Яромира.

— Как статен! Как столепен! Разве могут боле оставаться сомнения, что это — мой

родный брат?! Пей же, люд Слав-городский, за его здравие! Пей, за память отца нашего светлого! Пей и прославляй род славный, да оберегать ему вечно Русь Светлую! Пусть сегодня мёд и вино льются рекой, а столы ломаются от яств! Рви струны, гусяр! Радость великая в дом мой пришла!

Народ загудел и зал наполнился звоном стучащих кружек, перебивающих усердно старающихся музыкантов.

— Пройдём к столу, брат, — Игорь взял Яромира под руку. — Уважим гостей, а после и потолкуем.

На последнем слове голос Игоря едва изменился, но Яромир это прекрасно уловил: «Видимо, разговор предстоит не из приятных...» — заключил он и проследовал за братом к главному столу.

Игорь посадил Яромира по левую руку от себя, подвинув Руевита с его привычного места, чем вызвал глубокую досаду грозного воеводы.

Весь оставшийся пир гремели песни, люд кружился в самых разных танцах и, как наказал Игорь, питьё лилось рекой.

Только Яромиру всё никак не мог успокоиться...

Глава 20: «Поднимем же за нас — внуков Сварога!»

Наконец, Яромир получил то, что, вроде бы, так хотел: семью, дом, признание — но, почему-то, сейчас внутри скреблось неприятное чувство обмана.

За натянутыми улыбками и льстивыми речами он прекрасно видел всю суть людей, собравшихся в большом зале княжеского терема.

Зависть, похоть, обман, злоба, корысть — лишь маленькая доля того, что они так ловко скрывали от затуманенного вином взора Игоря.

Только Яромир видел всех их насквозь, по косым, жгучим взглядам, по едва уловимой дрожи в голосах. Отец научил.

Яромир бегло пробежал глазами по шумно стучащим кружками захмелевшим боярам и крутящейся вокруг них прислуге.

От непривычной суматохи и духоты мутило и хотелось поскорее выбраться на воздух.

Неожиданно, внимание привлёк угрюмый человек, тоскливо уставившийся в пустую стальную кружку за самым дальним столом и скрываемый ото всех полумраком потухшей лампы — Гришка.

При виде подставившего его товарища Яромир гневно свёл брови и тут же слабо улыбнулся. Он больше не злился на Гришку, но всё ещё желал его проучить — от удара поленом по голове осталась добротная, больно ноющая шишка. Ну ничего, будет ещё время отплатить ему тем же...

Яромиру неистово захотелось присоединиться к товарищу, сбежать от притворного, гнетущего внимания, но, из-за подпиравших его с двух сторон Игоря и Руевита, это сделать не представлялось возможным.

«Что ж, рано или поздно и этот вечер закончится...»

Ещё никак не давало покоя чувство тревоги.

Княжна Марина — начиная с её самого первого взгляда Яромир так и не переставал чувствовать его на себе.

Горячий, полный любопытства и безграничного желания — он не давал ему покоя, пробуждая глубоко внутри знойный мандраж, заставляя всё тело податливо отзываться на её

недвусмысленные послылы.

Княжна настойчиво пожирала Яромира своими чарующими желтыми глазами, но видя, что тот упорно не отвечает взаимностью, поменялась в лице, недовольно заёрзала на месте, извинилась перед Игорем и чуть ли не бегом взлетела по лестнице.

И только стоило Марине покинуть большой зал, как тревога Яромира улетучилась сама собой.

Да и когда тут было о чём-то переживать, когда покосившийся от выпитой медовухи воевода, уже совсем позабыл про их недавнюю стычку, принялся во всю обнимать Яромира, то и дело подливая в рог, не столько в его, сколько в свой.

Князь Игорь с большим любопытством и задором расспрашивал о детстве, о старике, принимал поздравления от гостей, каждое из которых вгоняло Яромира в краску.

После очередной наигранной похвалы от воняющего салом и едва передвигающегося на заплывших жиром ногах боярина Игорь всё же обратил внимание на сконфузившегося, вжавшегося в стул Яромира:

— Они тебя смущают, брат? — князь с повелительным видом выпрямился на маестате. — Лизоблюды, собаки, пускающие слюни, жалобно трясущие хвостами в надежде получить обглоданную кость с моего стола. Подхалимы и льстецы... Они уважают лишь язык кулака и стали. Кнут и пряник... Они не стоят твоего волнения, как и доверия. Правда, без них — никак, поэтому, чтобы сохранялся порядок, кости им приходится оставлять пожирнее. Тебе же по первой дам совет: держись подле меня, присматривайся, приглядывайся, а там, глядишь — научишься и тебя самого не обглодают.

Игорь демонстративно откусил добротный кусок от утиной голени и швырнул остатки далеко в зал, где тут же из-под лестницы вынырнула пепельная ловчая, жадно вцепилась зубами в кость и так же быстро скрылась обратно.

«Почему мне кажется, что я ещё пожалею о том, что заявился сюда...?» — заставила задуматься Яромира короткая, но глубокая речь брата.

Когда большая луна показалась в верхних окнах большого зала князь Игорь, заметно уставший от затянувшегося пиршества, приказал слугам выкатить гостям ещё две бочки вина, подать запеченного кабана, а сам же поспешил откланяться.

— Идём, потолкуем, в дали от излишне любопытных глаз. — тихо сказал Игорь и указал Яромиру следовать за ним.

Яромир аккуратно перелез через распластавшегося по столу, храпящего, будто медведь, воеводу и последовал за братом к лестнице, противоположной той, куда пошла Марина.

Стоило подняться наверх, как гогот пирующих тут же стих.

Яромир с облегчением выдохнул.

Широкий коридор, со стенами, украшенными различными полотнами с причудливыми узорами, слабо освещали редкие факелы.

Возле одной из многочисленных дверей Игорь остановился, приоткрыл её и жестом пригласил Яромира войти.

Сразу же из комнаты в нос ударил приторный запах лаванды.

«Так и не скажешь, что князь боится духов?» — Яромир бросил короткий, недоверчивый взгляд на брата и вошёл внутрь.

Комнате, как и коридору, сильно не хватало света. По середине стоял круглый стол с кувшином, двумя кружками и подносом вяленого мяса, но не искусно выструганная ольха привлекла всё внимание Яромира.

На стене, прямо напротив входа, висел большой портрет мужчины, в расшитой золотом красной рубаше, блестящей рукоятью меча-кладенца на поясе и звездой Сварога на шее.

«Отец...» — от волнения у Яромира больно закололо под ребром.

Рядом с Ярославом на стуле сидела белокурая женщина, в небесно-голубом платье, подобранным под цвет её синих глаз.

— Какая красивая... — прошептал обомлевший Яромир и медленно приблизился к картине.

Игорь бесшумно закрыл дверь, наполнил кружки вином, протянул одну Яромиру и всмотрелся в освещенный луной портрет.

Яромир почувствовал, что в брате резко что-то изменилось.

— У тебя её глаза. — мрачным тоном начал Игорь. — Хм-м, значит — судьба... Целых семнадцать зим ни слуху, ни духу и вот... сваливаешься, как снег на голову. Не подумай, что я тебе не рад. За такое долгий срок и не с таким смиришься. Я уже давно всё переболел, твоё появление лишь встревожило старые раны. Ты их совсем не помнишь?

— До недавнего времени я даже не знал об их существовании. Отец... — Яромир осёкся и тут же поспешил поправить себя. — Старик всё детство твердил, что я найдёныш и только.

— Лжец! — Игорь с силой сжал кулак, так, что кружка, похожая на маленький бочонок, захрустела. Ни с того, ни с сего его дыхание участилось, а глаза налились кровью. — Ничего, ничего... Завтра же утром отправлю дружину в Темнолесье. Хлопцы быстро ему развяжут язык! Как миленький расколется! Слышал бы ты, как самые толстолобые поют, аки соловьи, когда мои ребята выдирают им ногти один за другим.

Резко нахлынувшая на Игоря ярость отозвалась в Яромире лёгким испугом.

— Нет нужды, княже, старика тревожить... — постарался успокоить он разгневавшегося брата. — Я и без него знаю, что случилось с родителями на топях...

Игорь вновь изменился в лице, сел за стол и замер в ожидании.

Яромир же, хоть и сам не верил в то, что собирался сказать, постарался выглядеть настолько убедительным, насколько это представлялось возможным:

— Отец с дружиной заплутали в Туманных топях и угодили в логово водяного. Ярослав отважно сражался с чудищем, отрубил его костлявую руку. Бился, будто зверь! Только не знал, что победить тварь в воде невозможно. Он успел отправить мать с одним из ратников, но и они не смогли ускакать далеко — по трясине быстро не побегаешь. Нагнали волки и воин не смог защитить её... Со мной на руках он славно бился, но, прирезав последнего волколака, и сам от полученных ран испустил дух. Старик лишь божьим приведением оказался рядом...

Яромир закончил и сел на против князя. Тот же некоторое время нервно барабанил пальцами по столу, после чего встал из-за стола, подошёл к окну и залпом осушил кружку:

— Надо же... Такой великий витязь, славич, и такая паршивая кончина... — Игорь тяжело выдохнул и ненадолго замолк. — Если правда такова, то больше никто про это не должен узнать. Память о храбрости и силе духа отце должна беречь сердца людей. Быль о его отваге должна песнями разливаться устами скоморохов по стенам каждой харчевни Сварги! Как говорил наш дед: «Коль уродился славичем — изволь и помереть славно!» Потому, для всех рассказ твой слегка приукрасим. Пусть отец сразил непобедимое чудище, из последних сил отбивался от полчищ тёмных сил, но всё же смог тебя уберечь, вынести с проклятых топей. Весь израненный, с мечом в руках закрыл собой старого отшельника. Срубил сотни голов, и лишь напоив Кладенец чёрной кровью пал сам, как и подобает

истинному потомку Славомира! На том и решено! Откуда же ты прознал об их кончине, раз старик тебе ничего не рассказывал?

— Топь поведала. — Яромир, видя недоверие в глазах брата, тут же продолжил. — Старик научил читать следы и собирать их в картину. Да и эта безделушка уже о многом говорит...

Внимание Яромира привлекла Звезда Сварога, блестящая посеребрёнными красками на шее отца. Он вспомнил про свой амулет, судорожно зашарил рукой по шее и заметно занервничал, не обнаружив его на месте.

— Следопыт значит. — Игорь вернулся за стол.

Князь быстро понял от чего Яромир заерзал на стуле, опустил руку в карман и катнул ему по столу замаранный в саже амулет.

— Такие вещицы в наше время редкость... Береги её, как память об отце. — Игорь напомнил кружку и протянул Яромиру. — Опиши этого своего «слепца».

— Чудной он... — Яромир старался осторожно подбирать слова. — Глазницы, как пропасть: пустые, чёрные, совсем без глаз. Самое странное, что всё при этом видел, куда лучше, чем я своими двумя.

— Колдун или ведьмак. — твердо заключил Игорь. — Одним словом — приبلуда. Что ни день — доносы, что много всякой неведомой ерунды повелось встречаться в мире... Слишком много. Он назвался?

— Сказал, что Ховалой кличут.

— Ховала... — Игорь задумался. — Мать рассказывала былины, что у её деда воеводничал витязь, что кликали Ховалой. Витязь, в деле ратном которому равных было не сыскать... Но, то лишь былины...

Игорь снова встал и, скрестив руки за спиной, стал медленно ходить по комнате.

— Складно ты, брат, молвишь, и вера в твои слова есть, да только всё равно душа моя не на месте... Понимаешь? Как будто во всей этой истории ещё что-то скрыто, тайное, не видимое глазу, а водяной просто оказался в нужное время и в нужном месте, как и твой отшельник... Кто-то плетёт за моей спиной сети и с твоей помощью я обязательно это выясню.

Яромир неуверенно пожал плечами и взглянул на амулет:

— Позволь и мне спросить, княже?

— Наедине можешь опустить чины и звать меня братом, Яромир. Как-никак в наших жилах течёт одна кровь. Но и не забывайся, и при других изволь выказывать должное уважение. Мой лик держит людей в ежовых рукавицах. Так и должно оставаться впредь! — Игорь слабо улыбнулся. — Что же тебя волнует?

— Признаюсь, я всё ещё не знаю, что значит эта «Звезда»?

Игорь расстегнул верхние пуговицы платья и показал Яромиру свой амулет, точно такой же, только вылитый из чистого золота.

— Я скажу тебе так же, как когда-то давно, в детстве, говорил мне отец, а ему — его отец. Род наш пошёл от великого богатыря Славомира, Сварожьего сына. Почитал люд Славомира как божество, восхвалял и поклонялся перед ним. И не зря... Всё, что мы видим и знаем в Этом мире возвёл он. К созиданию чего не прикладывал руку, всё приобретало необыкновенные свойства, включая и его детей. Но, душа Сварога имела настолько большую силу, что даже могучему Славомиру она оказалась неподвластна. Божественность истощала его, с каждым днём делала всё слабее, но и умереть, как обычные смертные, он не мог. «Бога

может убить только бог», а других богов, кроме него, в Сварге не осталось... Пришло время, когда Славомир в конец устал от истязующих его мук, он достал с неба звезду — сосуд способный принять и сдержать душу Сварога, после чего и обрел желаемый покой. Только Славомир скрыл Звезду, так, что и по сей день никто не смог её найти. Своим детям, славичам, он оставил лишь наказ, что силой нашей должны мы поддерживать мир и искоренять всякую злую силу. Объединять простой люд, вселять отвагу в сердца, наполнять силой дух и руки, дабы Сварга так и оставалась для них домом. Мы же — их свет! Потому и престол обязан держать только лишь его прямой наследник — богатырь крови славной!

Игорь взглянул на портрет отца, осушил кружку с вином и продолжил:

— Оставил Славомир нам Звезду Сварога, как символ рода, силы и власти. Буду честным, то я считаю, что всё это всего лишь занятная быль, да и только... Как думаешь?

— Мне кажется, что я уже и не удивлюсь, если даже это окажется правдой... — Яромир наполнил кружку Игоря.

— Так посмотреть, раз и ты сидишь передо мной жив-живёхонек, то почему и такому не стать?! — рассмеялся Игорь. — Я же — не наш дед. Для меня: все, кто живёт на отцовской земле — внуки Сварога, славные дети. Не гоже только одному роду присваивать все почести и победы. Каждый в княжестве, от лютой черни до боярина, достоин ходить под Звездой Сварога. Усилиями обычных людей возводились эти стены, их кровью отбивалась земля у нечисти, клочок за клочком. И, как прежде, все мы — часть единого воинства, силы, что однажды полностью очистит земли Сварги от врагов рода людского! Под взором все-отца не падут витязи духом, не опустят ни меча, ни щита, не побегут с поля бранного! Их слепая вера в то, что все их деяния, как на ладони, перед богами и предками, что я, князь, — живое воплощение Славомира, — заставляет чернь беспрекословно следовать моей воле! Делать всё, чего бы я только не пожелал...

Вино ударило в голову Яромира и огоньки восковых свечей на стенах стали задорно тропиться в глазах.

— И, всё же, не могу поверить... — Яромир опасно качнулся на стуле, едва удержав равновесие, чтобы с него не кувырнуться. — Вот, совсем недавно, я пил медовуху у Ерёмы на свадьбе, вздыхал по зеленоглазой Верее и думал, кабы мне от старика по шее не схлопотать... А теперь что? Я в столице и сам великий князь меня братом называет. Брат, может и меня водяной на болотах упокоил, и я попал в Ирий? Лежу поди себе, там, в грязи, разодранный на куски, и всё это мне только мерещится...

Игорь устало улыбнулся Яромиру:

— Для меня ты тоже, как сон. — теперь Игорь подлил вина Яромиру. — Говоришь, что ты умело на нечисть охотишься? А мне, хоть я и князь, никого кроме волколака встречать не доводилось... И то лишь ребенком наблюдал, как Руевит бросил его собачью башку к отцовским ногам. Правдивая молва ходит, что водяные получились одними из самых отвратных чудищ?

— Ещё какими... Силища невиданная, а вонь от него какая...! — Яромиру вспомнился смрад водяного, и он тут же скривился. — Полагаю, повезло мне, что этот однорукий оказался, а то так бы точно руки и ноги поотрывал. У отца не было ни шанса...

— Тогда, как же ты смог? — Игорь коварно прищурился, а в голосе проскользнула лёгкая издёвка.

— Старик научил. Я, наверное, со всеми возможными чудищами управляться умею...

— Значит, не только следопыт, но ещё и «чёрный охотник»? Ты полон неожиданностей,

брат... Любопытно, чем же ты меня ещё удивишь?

— Чёрный охотник?

— А что, откуда ты пришёл не так называют тех, кто нечисть гоняет?

— Лихом лесным называли, отребьем, пришлыми...

— Воистину, Сварга велика и полна тайн. — заключил Игорь. — Ну, давай, не держи в себе. Спрашивай дальше?

— Расскажи про брата и сестру. — неожиданно для самого себя, вырвалось у Яромира.

Игорь поперхнулся вином и залился краской:

— Варвара — проклятая, своенравная визгопряха и ерохвостка! Вот, что ты думаешь, мужики тыкают друг в друга ржавыми железяками, да кишки наружу выпускают? Её рук дело и только! Нет, чтобы хоть раз проявить позорность и помочь брыдлорылому Ольду откинуть копыта, так она ведь сбёгла в первую же ночь и как в воду канула! Теперь, этот старый дурак, считает, что я её прячу, да ещё и ненаглядную мою Марину совратить хотел, недомерок! — опьяневший Игорь гневно ударил кулаком по столу. — А я никому даже смотреть на неё лишний раз не позволяю! Слышишь?! Никому!

Яромир понятливо кивнул.

— А что с братом?

— Ванька-то? Славный богатырь, как и подобает... — глаза Игоря наполнились тоской. — Эх, какой славный молодец был, а как мечом владел — загляденье! Хворь чёрная его забрала, через зиму, как мы с Мариной свадьбу отыграли. Он ведь немногим старше тебя был. Ваня, Ваня... Давай-ка, поднимем же за нас — внуков Сварога!

Братья стукнулись и осушили кружки.

— Погляди, — Игорь указал Яромиру на почти догоревшие свечи. — уже почти и ночь пролетела... Многое тебе, Яромир, предстоит узнать и ещё большему обучиться. Дам тебе день обвыкнуться, а там, с утра, и начнём. Сейчас же пора на боковую.

Игорь трижды хлопнул в ладоши и в комнату осторожно вошли служанки, до этого купавшие Яромира.

— Они проводят и будут совсем не против согреть для тебя перину! — Игорь загадочно ухмыльнулся. — Мне же пока обдумать нужно... Всё, ступай! И, пожалуйста, ни в чём себе не отказывай.

— Доброй ночи, брат. — Яромир встал из-за стола и поклонился Игорю.

Яромир, покачиваясь, вышел из комнаты. Служанки закрыли за ним дверь и под руки повели его в глубь длинного коридора.

Выделенная для Яромира комната оказалась небольшой, но уютной, с широкой кроватью и пышной периной.

Девушки раздели и уложили Яромира, но заснуть с ними он смог только ближе к обеду.

Глава 21: «Хватит лясы точить, за дело!»

Яромир почувствовал на щеках легкое прикосновение обжигающих солнечных лучей и от приятного прохладного ветерка зачесалась борода.

Борода?!

Яромир открыл глаза, но в этот раз он очутился не под чёрным солнцем, а посреди леса, если его можно было так назвать...

Огромные, необъятные деревья, казалось, доставали макушками до облаков. Их сухие опавшие ветки походили на добротные сосны, а вокруг, гулким эхом разносился по

окрестностям стук многочисленных топоров.

Явно зачищали свежий сруб от неровностей.

В этот раз Яромир не мог управлять своим новым телом. Ему оставалось только лишь наблюдать.

Такой высоченной, густой и зеленой травы он не встречал нигде, а за спиной возвышались величественные горы с заснеженными вершинами.

Кем он оказался на этот раз?

Яромир чувствовал силу в этом теле, будто бы ему было подвластно само мироздание.

Он подошёл к готовому массивному стволу, забросил его на плечо будто пушинку, молча похлопал крепкого мужика, сидящего на корточках и подтачивающего топор брусом, по плечу и пошёл в сторону гор.

Яромир вспомнил о том, что Гришка рассказывал ему былинку, о острове Буяне, где, перед Репейскими горами, простирался волшебный лес из величественных царь-дубов. Но, то лишь былина, а этот лес совсем не казался сказочным...

Яромир расслышал быстро приближающийся топот и его обогнала колесница, запряженная четырьмя красивейшими белыми скакунами.

Возничий, серебряные волосы которого блестели в солнечных лучах, одной рукой держал поводья, а другой золотую цепь, обвязанную вокруг большой стопки подготовленного бруса, волочащегося по земле в след за колесницей.

Неожиданно воздух перед ним заискрился, образуя проход, в котором, будто в водной глади, отразилось людское поселение.

Возничий беспрепятственно въехал в проход, а Яромир вошёл следом за ним.

По ту сторону простирался широкий холм, тот же самый, где в прошлый раз светило черное солнце, а на этот раз во всю кипела жизнь.

Вместо пепла и дыма от тлеющих кустов и деревьев всё вокруг цвело и зеленело. Здесь больше не было ни мертвых тел, ни темного войска, а туда-сюда ходили очень даже живые люди, занимавшиеся каждый своим делом.

По левую сторону, вдоль длинной линии домов, стояли пахари с мотыгами, которыми руководила золотоволосая девушка в платье, сплетённом из сотен полевых цветов. Она указала всем отойти подальше, взмахнула руками и из только что вспаханной земли поднялись колосья пшеницы, которые тут же стали срезать серпами жницы.

Заметив Яромира, она приветливо улыбнулась и помахала ему рукой. Он кротко кивнул в ответ и едва не запнулся о детей, бегающих по двору.

Детвора, заливаясь смехом, удирала от двух мальчишек, сильно отличавшихся от остальных.

Один был с рыжими, больше походившими на пляшущие огоньки, волосами, другой наоборот — обладал иссиня-бледной кожей и сосульками на голове.

Яромир окинул детей грозным взглядом и они, с громким смехом, бросились в рассыпную.

Он улыбнулся и направился к колеснице, которая остановилась перед большим строящимся домом.

По уже выложенному крыльцу и подклету Яромир узнал в нём княжеские палаты Славгорода.

Неужели сейчас он был самим Славомиром?

Множество мужчин сидели на венцах и вырубали в огромных бревнах пазы под клети и

обла. К ним же присоединился и среброволосый возникший.

По его руке пробежала искра, похожая на молнию, и в ладони материализовалась зачарованная секира, которой он принялся вырубать засечки на только что привезённом срубе.

По левую руку от палат, молодой парень с ярко-желтой, топорщащейся во все стороны шевелюрой взмахом руки отрывал готовые брёвна от земли и подавал наверх, где принимавшие плотники укладывали их по нужным местам.

Но Славомир нёс свою ношу не к ним.

Чуть дальше палат пролежала только начинающаяся возводиться линия оборонительных сооружений, в которой уже можно было насчитать несколько десятков тыновых бревен.

Рядом, на стопке сруба, сидел огромный, больше походивший на гору человек и заострял торцы брёвен для тына с помощью меча-кладенеца, который в его руках казался не больше простого засапожного ножичка.

Славомир аккуратно положил перед великаном своё бревно. Тот одобритительно кивнул, что-то пробасил на неизвестном Яромиру языке и посадил в землю только что выточенный тын, доходивший длинной почти до трёх косых сажений, словно это была обыкновенная веточка.

Яромир чувствовал, что Славомир испытывал большое удовлетворение и радость от происходящего вокруг. В груди приятно жгло при виде того, как люди и боги трудятся сообща.

Вот только Яромиру никак не верилось, что ему всё-таки явились сами боги.

Наслушался Гришкиных сказок, теперь и мерещится всякое. Хотя всё казалось очень даже реальным...

Славомир заметил на спуске с холма мужчину в темно-синем платье с густыми черными волосами, собранными очельем. Он опирался на посох и внимательно всматривался в разлившуюся на горизонте широкую реку.

Яромир сразу признал в посохе незнакомца резную палку своего старика, но его нынешнего владельца со спины он разглядеть не мог.

Мужчина ударил посохом о землю.

Налетел ветер, положивший траву и сильно качнувший макушки деревьев, от чего в небо взмыли стаи покоящихся на них птиц.

Второй удар гулом прокатился по земле, заставив её задрожать.

От третьего удара земля под посохом затрещала и разошлась.

Разлом стал быстро расширяться и побежал в сторону реки, прорезая для неё новое устье, которое тут же стало заполняться водой.

Славомир подошёл к черноволосому ведьмаку и остановился рядом, наблюдая за рождением новой реки.

— Славенка... — довольно протянул Славомир, провел пальцами по густой бороде и наклонился к воде.

Яромир не успел разглядеть ни лица Славомира, ни лица ведьмака, потому как его сон прервал грохот резко распахнувшейся двери:

— А ну, подъем, лежебока! — глухой бас Руевита громом разнесся по комнате. — Никакого порядка..., но я тебя быстро научу! Третью часть на сборы и чтоб стояком во дворе был! Понятно объясняю, юнец?

Воевода подошел к окну и распахнул ставни, наполнив комнату ярким солнечным

светом.

Яромир с большой неохотой сел на край кровати и, протерев заспанные глаза, спросил:
— Долго я спал?

Руевит бросил чистую рубаху и порты на стол возле кровати.

— Еще вчера должны были начать, да княже строго наказал тебя не трогать... Эх, не будь ты славных кровей, то выпорол бы, как сидорову козу! Всё, некогда трепаться. Место дружины во дворе, за конюшнями. Напоминаю — треть часу.

Руевит пригрозил Яромиру пальцем и, развернувшись на пятках, бодро вышел из комнаты.

— Вот тебе и доброе утро. — недовольно пробурчал под нос Яромир, наматывая онучи и натягивая порты и рубаху.

Служанки оставили на столе тарелку с пирогами и кувшин молока, чем он спешно и позавтракал.

Он затянул пояса по туже и направился к лестнице, что находилась в конце длинного коридора. Яромир хоть и был пьян, но дорогу запомнил отлично.

К большому удивлению Яромира, в большом зале ждал Гришка, одетый в точно такую же одежду, что и он, с крайне несвойственным для него печальным видом.

— Здрав будь, богатырь или мне таки называть тебя — ваше княжеское величество? — голос Гришки звучал очень обиженно. Он раскланялся перед подошедшим Яромиром, но тут же получил от него кулаком по дых и захлебнулся. — Кхе-кхе! За что?

— Чтоб ума прибавилось. — сухо прошипел Яромир. — Или тебе причин мало?! Может ещё раз напомнить?

Яромир ещё раз сжал кулак, но Гришка поспешил его остановить:

— Таки, спешу напомнить, что ежели не я, то за то, что ты натворил в харчевне, стражники были готовы тебя на кол посадить и даже как звать спрашивать бы не стали. Дорого нам с купцами встало, чтобы тебя хотя бы в темнице подержали, а на утро к князю отвели! — лицо Гришки налилось краской, и он толкнул Яромира в грудь.

Впервые увидев Гришку в гневе, Яромир изумился и не стал его больше трогать, а тот всё не унимался:

— Сказано же было: «ешь, пей и ни во что не встречай», но ты, таки, снова всё испоганил, ерохвост божевольный! Слава Яриле, пронесло и головы наши не сидят на пиках перед главными воротами! Таки теперь, поглядите на него: княжий сын, славич... Тьфу, бестолочь ты, неблагодарная!

Яромир исподлобья посмотрел на Гришку и, осознавая его правоту, тяжело выдохнул.

— Твоя правда.

— Конечно моя, чья же еще? — при виде раскаяния Яромира Гришка немного успокоился. — Горе ты моё... Таки, на утро после пира, княже меня к себе вызвал, долго обо всём допрашивал и наказал, что быть мне теперь не гонцом, а твоим хвостом.

— Это как — хвостом?

— А так... Я теперь везде за тобой следовать должен и в гридню — в том числе. Княже сказал, что ты больно далекий от городского уклада, а я — от ратного дела, вот и будем друг у друга учиться, друже ты мой короболобый...

Гришка наиграно улыбнулся и хлопнул Яромира по плечу.

— Ну, коль на то воля княжеская... — Яромир глубоко вздохнул, принимая то, что теперь Гришкину болтовню придётся терпеть ещё очень и очень долго. — а тебе, и правда,

не помешало бы поучиться мечом махать. Может и проживешь подольше. Воевода сказал, что ждёт меня возле конюшни, а времени уже почти не осталось. Проводишь?

— Как будто есть выбор... — пробубнил под нос Гришка и пошёл в коридор за лестницей, жестом позвав за собой Яромира. — Таки, не хорошее у меня предчувствие по поводу этого всего... Ладно, пойдём коротким путём!

Они недолго петляли по тёмным ветвистым коридорам подклета и вышли к большим стеклянным дверям, за которыми виднелся прекрасный цветущий сад.

— Прекрасный цветник княжны Марины. — Гришка огляделся, чтобы убедиться, что никто их не слышит. — Пожалуй, её главная любовь и гордость. Заходить туда без неё строго запрещено, но это самый короткий путь во двор, а воеводу, поверь, лучше не злить...

Гришка осторожно открыл дверь, пропустил Яромира вперёд и так же осторожно закрыл за собой.

Яромир же открыл рот от удивления.

Большая комната оказалась заполнена самыми разными растениями, цветами, бутоны которых переливались всеми красками радуги, и кустами, о существовании большинства из которых Яромир даже не догадывался.

С высокого стеклянного потолка свисали тонкие стебли неизвестного растения, по стенам вились запутанные узлы плюща.

От многообразия цветочных ароматов у Яромира закружилась голова.

— Ну же, чего рот раззявил? — Гришка потянул Яромира за руку. — Надо скорее уходить, нам нельзя...

Гришка не успел договорить, как зашуршала листва и, из раздвинувшихся ветвей, на свет вышла совершенно нагая княжна Марина, на шее которой лежала большая жёлто-зелёная змея, угрожающе шипящая на незваных гостей.

— Нравятся мои дети, богатырь?

Яромир подметил, что голос Марины звучал совершенно иначе, ни как при их первой встрече. В нём больше не было металлического холода, а сейчас он очаровывал, соблазнял. Он будто музыкой прокатился по саду, пробуждая в Яромире самые потаенные желания.

От томного, чарующего взгляда княжны Яромира бросило в жар. Её желтые кошачьи глаза пленили, лишали воли, и, казалось, готовы были сжечь его на месте. Яромир почувствовал, как слабеют мышцы и подкашиваются ноги. В голове помутнело. Самообладание быстро покидало его...

При виде наготы княжны, Гришка быстро опустил взгляд в пол и низко поклонился.

— Они прекрасны, княжна. — Гришка, заметив, что Яромир впал в ступор и не может оторвать глаз от Марины, потянул его за ворот к полу. — Пол мира объехал, а краше ничего не встречал.

По спине Яромира, освободившегося от чар Марины, пробежал холодный озноб.

Теперь всё вокруг ощущалось совершенно иначе.

Среди цветочного дурмана он чувствовал опасность, витающую в воздухе, и, еще большую — исходившую от княжны и её змеи.

Нужно было как можно скорее покинуть это место...

— Уже уходим, княжна. — Яромир поклонился и подтолкнул Гришку к выходу. — Мы не хотели тревожить...

Марина успела поймать Яромира за рукав и потянула его назад:

— Разве я вас отпускала? — Марина, виляя обнаженными бёдрами, обошла Яромира и

маняще провела ногтем по его груди. — Вы без спроса вторглись в магушку-рощу и теперь мне решать, когда вы сможете её покинуть. Конечно же, если не хотите, чтобы мой муж узнал об этом...

— Нижайше просим простить нас, — теперь уже Гришка одёрнул Яромира. — мы теперь состоим на службе у воеводы...

— Забываешься, гонец! Вы все подчиняетесь Игорю и только ему! — воскликнула княжна и змея бросилась на Гришку, грозно зашипев в опасной близости от его лица. — Ну же, Аспид, нет нужды портить гонцу лицо. Оно ему ещё пригодится...

Марина нежно погладила змею по коже, от чего та быстро успокоилась, и обратилась к Яромиру:

— Надеюсь, ты быстро усвоишь это, дорогой деверь. — её голос снова стал ласковым и нежным, а в глазах заиграли ярко-желтые огоньки. — Мой муж не прощает непослушания, но, гораздо страшнее он разбирается с изменщиками. Вы меня утомили... Прочь с глаз моих!

Марина указала Яромиру на дверь и, поглаживая Аспида, будто плывя по воздуху, скрылась в густых зарослях сада.

Яромир смотрел ей в след и, когда змея дернулась, он увидел на поясице Марины шрам в виде Черного солнца.

Опасность миновала и Гришка поспешил поскорее вытолкнуть Яромира за стоящую за их спинами дверь.

— Тьфу, ведьма. — прошипел Гришка, второпях захлопывая за собой двери сада. — И змеюка у неё мерзкая! Ты видал это? Таки, чуть штаны не обмочил. Нормальные бабы себе кошечек или собачек заводят, а эта... пошли отседова поскорее!

Гришка плюнул на пол перед дверью и быстро потопал по темному узкому коридору.

Яромир ещё мгновение стоял на месте, обдумывая всё, что только что произошло и поспешил за Гришкой.

Они вышли с обратной стороны терема, оказавшись прямо перед конюшней, оружейной и личной кухней княжеской дружины.

На широком дворе около трех десятков молодцев занимались братовством, а руководил всем Руевит, словно величественный волот, возвышающийся над тренировочным полем.

Краем глаза приметив подошедших Яромира и Гришку, воевода сложил руки у рта и прокричал:

— А ну, сынки, становись! Говорить буду! — голос Руевита оглушающим басом прокатился по двору.

Мужики, прекратив возню, быстро выстроились полукругом вокруг командира.

Каждый из мужей был статен и широкоплеч. По их виду и шрамам Яромир сразу определил, что перед ними стояли бывалые воины, закаленные в множествах сражений и прекрасно знающие своё дело.

Среди строя Яромир разглядел и гридников с совсем свежими ушибами и ссадинами, от чего его щеки залились краской, а в горле застрял ком. Стало стыдно...

— По княжескому указу, — Руевит медленно вышагивал перед строем, держа руки за спиной. — вот эти вот молодцы, с сего дня причисляются к нашим рядам. По сему, даю вам наказ принять их со всей широтой и радушием и забыть былые обиды, если таковые меж вами были!

Воевода остановился и бросил грозный взгляд на обладателей фиолетовых синяков, от чего те смиренно упустили взгляды в землю.

— Вот и хорошо! — Руевит одобрительно кивнул и пошел дальше. — гонца Гришку вы и так все знаете...

Строй разразился язвительным смехом.

— Чем же он нам согодится, батька? — выкрикнул кто-то из строя.

— Сказки и прибаутки будет тоскливыми вечерами рассказывать? — подхватил другой и по строй снова закатился смехом.

— А ну, отставить ржание! — Воевода нахмурил брови и повысил голос. — Светлый княже поставил наказ: подготовить этих двоих к достойному несению службы! На кону стоит честь — моя и ваша! И мы сделаем из них самых лучших воинов, хоть сто шкур снять придётся! Я понятно объясняю?

Все в строю одновременно кивнул.

— То-то... Второй молодец, кто еще не знает, сам князь Яромир Ярославович — родной брат нашего любимого князя Игоря. Прошу, как говорится, любить и жаловать.

Яромир чувствовал себя неловко, но страха в нем не было, чего нельзя было сказать о побелевшем, едва держащимся на ногах Гришке...

— Так, всё, — Воевода громко хлопнул в ладоши. — Представление закончилось! Не на что больше глазеть! Продолжайте!

Строй вновь разбился на пары и продолжил занятия.

Воевода же, убедившись, что все заняты делом, подошёл к новобранцам:

— То, что ты князю брат еще ни о чем не говорит... — он больно ткнул указательным пальцем в грудь Яромира. — В моей дружине каждый друг другу брат и все обязанности у нас также делятся по-братски. Не смотря на всю твою удаль и навыки, вы будете беспрекословно выполнять все, что я прикажу. Могёте вы, не могёте, я сказал — вы сделали. К тебе, Гришка, это наперво относится. Княже наказал из тебя доброго ратника сделать, но мы же — целого воеводу состряпаем! Здесь у нас всё строится на послушании и порядке! Чтобы я от вас ни брани, ни неуважения к вашим братьям не видел и не слышал! Любое охальничество будет наказано. Сурово, но справедливо. Так, сынки?!

— Так, батька! — хором ответила Руевиту дружина.

— То-то же... — Руевит подбоченился и расплылся в гордой улыбке. — Почти каждый из них обнимался с позорным столбом, зато теперь погляди на них! Соколики! И так, с сего дня живете по нашему закону. Гришка, лежак в гриднице для тебя уже подготовили. Учиться, упражняться, нести службу будете вместе со всеми.

— А как же я? — развёл руками Яромир. — Мне где спать?

— Волею князя, твоё место в покоях. Говорит, что негоже его родичу в гридне отираться.

— Коль ты сам сказал, что мы здесь все друг другу ровня, то и мне никаких поблажек не нужно! — возразил Яромир. — Я не баба какая, чтоб мне подачки и подарки делали! Не по духу мне от других чем-то отличаться. Все, как один — значит все! Накажешь на голой земле спать, буду спать!

Руевит, явно довольный речью Яромира, хлопнул его по плечу:

— Ха-х! Прыткий какой! Вот и славно! По душе ты мне, юнец. Тогда за Гришкину голову своей отвечаешь, и за учебу его тоже. Будешь его казателем, а я, соответственно — лично твоим. Мне, знаешь, тоже не будет лишним свою мастроту с богатырем славным подтянуть. Ну, хватит лясы точить, за дело!

Воевода жестом указал Яромиру и Гришке приступать к борьбе, как это делали

остальные.

Они поклонились Руевиту, скинули рубахи и пошли к остальным — брататься.

Глава 22: «Не шути так со мной, брат!»

Окрестности Слав-города.

В основном, это густо разросшиеся сосновые боры, живописные березняки, изобилие лугов, полей и пастбищ. За исключением небольшого участка земли, что пролегал к северу от города.

Там, не смотря на все людские старания, так и остались болота да трясины, правда — изобилующие всяческой живностью и не только.

С того времени, как Русичи возвели стены стольного града Новой Сварги, они смогли повывести практически всю нечисть на множество верст вокруг.

После этого и жить людям в новых для них землях стало гораздо спокойнее.

Хотя, нет-нет, но всё с того же севера, из болотистых земель, изредка, да наведаются незваные гости, в лице кикимор, вурдалаков и прочих неприятных тварей.

Как на зло, именно там, в трудно проходимых лесах, лежали так любимые князем Игорем охотничьи угодья.

Правда, сюда он спешил наведываться только тогда, когда находиться в тереме уже совсем не оставалось сил.

Как раз туда, к Илистому пруду, Игорь и отправился в начале вересня, прихватив с собой кучку видных бояр, воеводу Руевита и небольшую дружину.

На этот раз, впервые, князь приказал воеводе взять Яромира и Гришку.

— Далеко ещё до этого их «пруда» переться? — Яромир, ехавший всю дорогу во главе отряда, подле князя, при очередной остановке придержал коня и поравнялся с Гришкой, еле еле тащащимся в самом хвосте. — Дурацкое седло! Как на новом поедешь, так обязательно всю задницу поизотрёшь! Вроде такой город, столько мастеров, а лучше Ерёмы всё равно ещё никто сёдла не собирал...

— Что, таки, уже не терпится поползть под боярышником, по уши в грязи, в поисках какой-нибудь захудалой зверюшки для князя? — недовольно хмыкнул Гришка в ответ. — Как по мне, так после вчерашней беготни лучше уж заделаться костровым, чем носиться туда-сюда, как в гузно ужаленный... Знаешь, как ноги гудят?

— Тебе лишь бы погундеть, балда пустоголовая! — Яромир больно пнул Гришку в ногу. — Напомнить, в какой раз ты втягиваешь нас в неприятности?! Сдались тебе эти куры?

— Чья бы мычала! Таки, вообще, я не о чём не жалею! Куры, не куры, а вот их хозяйка оказалась весьма любострастной барышней! — Гришка расплылся в самодовольной ухмылке. — А куры — хоть какая-то, да награда за испорченный вечер! Кто ж знал, что её муженёк заявится в самый неподходящий момент?!

— Подери тебя Стрибог...! Позорище! Хоть учи тебя, хоть нет — всё равно, как об стену горох! — Яромир звонко цокнул и осуждающе закатил глаза. — Нет, ну это надо же! Одно название «дружинник»! Вместо того, чтобы отлупить, чтоб пискнуть боялся, взять и сбежать через окошко от какого-то там свинопаса... Помнишь, что воевода сказал? Ещё раз попадёшься и уже всей дружиной по шее получим! И в этот раз я тебя защищать от мужиков не буду! Сам напросился!

— Ты погляди на него! А ещё другом называется... — обиженно пробухтел Гришка. — Таки, вы не особо-то и жаловались, когда моих курей лопали! Аж хари трещали! Как тут, так

«Гришка, ты золото!», «Гришка, молодец!» ... А как чего коснись, так все шишки на меня! Двучинные скоты, всё с вами понятно! Можешь возвращаться к своему брату. Не смею более задерживать, ваше славное гузно своей гнусной мордой!

— Всё, не бухти! — Яромир сделал вид, что не заметил совсем не скрываемого недовольства товарища. — С ними страсть, как скучно. Кроме как о деньгах, да о войне больше никаких разговоров не водят.

— Таки, ты слушай внимательнее и запоминай! Это тебе не интересно, а мне, зато, знаешь как?! Что думаешь князь этих толстопузов с собой тащит? Погляди на них. От них же, как от ловчих, толку никакого. Зато, здесь князь может с ними такие дела решать, что в стенах терема лучше в слух не произносить. А то, сам знаешь, у каждой стены, полотна и половицы уже есть уши. Зачастую даже не одни.

— Это ты сейчас про Марину?

— И про неё, в частности. Тебе, пить дать, лишь бы булавой помахать, а я — человек образованный, за землю родную радею. — Гришка огляделся и, убедившись, что никто не подслушивает, перешёл на шепот. — Таки, как по мне, наша княжна — как бы не страшнее Среброборода оказалась! Нутром чую, что больно хитрую игру она затеяла... То-то она Игорем вертит, как её черной душеньке угодно! Но ещё больше мне интересно, на кой такой ляд ты ей сдался!

Яромир непонимающе сдвинул брови.

— Не придуряйся! Это ты глаза закатил и бегаешь, довольный, на побегушках у старшины, а я подметил, как князь нервно дёргает скулами, видя, какими взглядами она тебя одаривает. Ох, чует моё сердце, добром это всё не закончится!

Неожиданно, князь Игорь оборвал свой разговор с дородным, седым боярином и остановил коня, от чего встал и весь отряд, замерев в ожидании.

Игорь быстрым движением, подхватил свой необычно изогнутый лук с передней луки, набросил стрелу на тетиву и выстрелил в плотные заросли разросшегося можжевельника.

Снаряд угодил в нечто живое, притаившееся в кустах, что успело лишь громко хрюкнуть и протяжно захрипеть.

Бояре, как один, тут же усыпали князя рукоплесканиями и всевозможными похвалами.

Игорь же держался так, будто это для него было нечто собственное и крайне обыденное.

Воевода Руевит подал знак, двое дружинников спешили и нырнули в кусты за добычей князя. Уже через мгновение они вернулись, еле-еле волоча за ноги здорового вепря, пробитого насквозь выпущенной князем стрелой.

Яромиру постоянно рассказывали былины о выдающейся силе Игоря, но самому ему на деле ещё не доводилось этого видеть воочию.

И сказать, что он остался впечатлён увиденным, даже таким, на вид простым действием — совсем ничего не сказать...

— Сразу видно — славная кровь! — одобрительно пробасил Руевит. — Раз уж и зверя первого уложили, так не пора ли и нам передышку сделать? Давно едем княже. Кони устали, да и темнеть начинает. Разреши соколикам место для ночлега подготовить? А вепрем Гришка займётся. У него, как ты знаешь, по части кого-нибудь прожарить — особенное дарование!

Руевит с издевательской ухмылкой покосился на залившегося краской Гришку, от чего все вокруг, включая Игоря, дружно закатились заразительным смехом.

— Добро, воевода, добро! — вытирая слёзы, махнул рукой князь. — Только как до пруда доберёмся. Чай, совсем немного осталось. Там успеем ещё и отдохнуть, и животину погонять.

Воевода недовольно поджал губы, что заметил только Яромир, и поклонился князю, приказав погрузить вепря в телегу под добычу.

Погода стояла тёплая и дождей не было уже несколько дней, от чего дорога оставалась твёрдой и отряд мог передвигаться быстро и безо всякого труда.

Добрались до места и разбили лагерь аккурат к наступлению темноты.

Уже с появлением первых звёзд, вепрь во всю вертелся на вертеле, бояре разбрелись по шатрам, а Руевит заканчивал давать указания дозорным и назначать смену караула.

Гришка, с самым обиженным видом колдовал возле костра, хотя Яромир прекрасно знал, что про себя он сейчас несказанно радовался.

Ведь явно получил, что хотел и теперь ему не нужно будет всю ночь шариться по холодному, страшному лесу.

Самого Яромира поставили охранять вход в княжеский шатёр. Только Игорю всё никак не сиделось на месте.

Князь, весь день прибывавший в бодром расположении духа, с наступлением темноты помрачнел и погрузился в глубокие раздумья.

Он долго, беспокойно бродил по лагерю, задумчиво поглаживая аккуратно подстриженную бороду, пока не подошёл к Яромиру с полным решимости видом:

— Брат, пройдемся. Нужно потолковать.

Взволнованный тон и едва заметно дрожащая рука Игоря насторожили Яромира, но он последовал за князем во тьму леса без лишних вопросов.

Как оказалось, так называемый Илистый пруд, оказался поросшим высоченной осокой и камышом скромным озерцом. Место неприятное, но, на удивление, изобилующее всякой разнообразной живностью, постоянное присутствие которой тут и там замечал Яромир.

Одинокая узкая тропа, пролегающая среди камыша, уходила глубоко в глубь пруда.

По ней-то Игорь и повёл Яромира, в конце концов приведя его на небольшой островок земли, расположенный в самой середине озера.

— Люблю уединяться в этом месте. — нарушил долгое молчание Игорь, и, совершенно не стесняясь и не боясь испачкать узорчатое походное платье, улёгся прямо на землю. — Здесь даже думается как-то по-особенному... Ну, чего встал, особое приглашение нужно? Ложись рядом!

Он похлопал ладонью по земле, приглашая Яромира присоединиться.

Яромир, не совсем понимающий что происходит, огляделся по сторонам и не обнаружив никакой опасности лёг рядом с братом.

Перед ними распростёрлось совершенно безоблачное звёздное небо, усеянное бесконечным количеством ярких созвездий, игриво поблескивающих и переливающихся всевозможными цветами.

— Это место. — продолжал Игорь, не отводя взгляд от неба. — Чувствуешь ли ты его силу так же, как я?

Яромир на мгновение замешкался с ответом. Его охватил неопишуемый восторг и казалось, будто земля ушла из-под ног, а тело устремилось бесконечно ввысь.

— Кажется, что небо вот-вот упадёт прямо нам на головы... — с нескрываемым восхищением ответил Яромир.

— Это место мне показал наш отец, а ему — его. Он всегда говорил, что именно здесь мы, славичи, боле всего близки с нашими предками. Все они считали, будто это место заряжает нас силой. Не веришь? Я тоже не сразу поверил. погоди, скоро всё сам почувствуешь...

Яромир же уже начал ощущать лёгкое покалывание и невиданную лёгкость во всём теле.

— Я долгое время наблюдал за небом и пришёл к выводу, — продолжал Игорь. — что Род-отец не покинул Этот мир после его создания. Всмотрись внимательнее. Чувствуешь? Что это может быть, как не его могущество? Вот он, брат, Род-отец. Он — весь Небесный чертог, а боги — его дети! Чувствуешь, Яромир? Мы же с тобой тоже своего рода боги... С твоего появления, я долго размышлял о природе нашего бытия. И, наконец, нашёл ответ. Объединившись, мы бы смогли разгадать секрет нашей силы. Нам всего лишь нужно отыскать Звезду Сварога.

— Так то — лишь былина... — с лёгким недоверием покосился на брата Яромир. — Да и даже если то правда, даже если мы перевернём всю Сваргу, найдём эту злосчастную Звезду и сможем разгадать тайну Славомира, как нам её обуздать, если целому богу это не удалось?

— Именно, что одному с ней не совладать. Но если разделить... В наших жилах — кровь древних! И я полон безграничной уверенности, что именно нам под силу стать теми, кем мы должны быть по праву рождения — настоящими богами.

— Небесный чертог, как и Род-отец, бескраен, безжалостен и холоден, в тоже время, как и незыблем, беспристрастен и животворящ. Возможно, его тайны, как и воля Славомира, всё-таки, должны оставаться тайнами? И, может, лучше лишний раз не вмешиваться в дела богов? Пока

— А ты всё не перестаёшь меня удивлять, брат.

— Так старик меня научил.

— Какой особенный человек, этот твой «старик» ... В такие беспокойные времена такой мудрец, как он, ох, как мне бы не помешал.

— Я чувствую, что тебя что-то ещё тревожит, брат. Со мной ты можешь быть честен.

— Честен... — пробурчал Игорь и на некоторое время вновь замолчал. — Не буду ходить вокруг да около. Меня беспокоит ты.

Яромир удивлённо посмотрел на князя.

— Позволь спросить, чем же? Уже, считай, целая зима прошла... Я, вроде бы, не бедокурю, несу службу не хуже остальных и у воеводы на хорошем счету. Чем же я тогда мог вызвать твоё недовольство?

— То-то и оно. Нареканий к тебе нет, но люди за спиной шепчутся, что я тебя специально подальше от двора отвадил, что ставит меня в крайне неловкое положение. Уже поползли слухи, что я вижу в тебе угрозу! Немыслимо! Недопустимо! Какая-то чернь смеет сомневаться во мне?! Княжеская власть должна оставаться сильной! Славный род должен оставаться сильным! Потому, предложу тебе ещё раз: встань подле меня, не как равный, но как правая рука. Выбери любое занятие, какое душе угодно! Руевит стареет, уже давно не так могуч, как прежде. Ты же подаёшь большие надежды. Хочешь, сделаю тебя воеводой? А Руевита отправим покончить с обороной Сталь града! Ну, что скажешь? Чернь должна знать своё место и с тобой, рука об руку, однажды мы поставим на колени всю Сваргу! И никто, никогда больше не посмеет усомниться в моей власти и нашей силе! Вместе мы станем новыми богами! Я склоню перед твоими ногами и Белые горы, и Солнечные земли, Край

дождей, Солёные пески, весь Север, Запад и Юг будут твоими! Я же отправлюсь на восток и покорю неизведанные доселе земли! Раз и на всегда воцарится мир, один род, одна власть! Наша власть!

Яромир молчал. Двойственное чувство неопределённости неприятно заскребло на душе, но он уже заранее знал ответ:

— Нижайше благодарю тебя за предложение, брат. Но своего решения я не изменю...

— Упрямый значит? Цену себе набиваешь?

— Всего лишь знаю своё место.

— Значит ты полный дурак! Я предлагаю тебе весь мир, а ты, потомок самого Сварога, предпочитаешь шнырять на побегушках у стареющего, безродного вояки?

— Пусть и безродного, зато полного чести. За таким, как Руевит, и в огонь пойдёшь, и в воду.

— Хочешь сказать, — Игорь резко подскочил на ноги и его глаза запылали от гнева. — Что за мной бы ты не пошёл, куда бы я не приказал?!

— «Именно, что «приказал...» — Яромир последовал вслед за ним, всеми силами стараясь сохранять самообладание и не наговорить лишнего. — Брат, и я с тобой буду честен. Ты — князь, голова, правитель. И за тебя любой из нас сложит голову без раздумий, даже тот же воевода. Как раз-таки Руевит — главный пример преданности, верности и честности. Не скривит душой, не предаст и не отступит до самой гибели. Разве не такие люди тебе нужны в эти тяжелые времена?

Игорь яростно дёргал скулами. Выглядевшие больными и уставшими глаза налились кровью.

Яромир же сохранял хладнокровие. Он прекрасно понимал, что с буйным нравом брата любая оплошность может стоить ему головы.

Игорь протяжно выдохнул и по-отцовски положил руку на плечо Яромира:

— Будь по-твоему. Не бери близко к сердцу. Последнее время целый ворох неприятных известий просто сводят меня с ума... Ценю, что ты не побоялся говорить со мной открыто. Именно от тебя мне это и нужно, как ни от кого-либо другого. Хоть одна голова да должна оставаться светлой... Мне важно знать, что ты — мой брат, моя кровь, со мной на одной стороне! Что лишь на друг друга мы сможем положиться, даже когда против нас будет весь мир. И, всё же, вопрос со всеми гнусными слухами нужно решить на корню. Я предвидел твой отказ, потому предлагаю тебе другой путь: соблюдая все традиции и законы, через три зимы сделаем тебя сотником и, раз бабы у тебя нету, то сосватаем с подрастающей дочкой Москварибора...

— Брат, ты извини, — осторожно перебил князя Яромир. — но молчать не могу! Княжна Марина...

— Да-да, — теперь уже перебил Яромира Игорь. — не продолжай! Жена зачастую бывает невыносима и любит поиграть на моих нервах. Признаюсь, это ещё одна причина, почему стоит немедленно заткнуть твоей свадьбой рты простолюдинов!

— И у меня уже есть невеста на примете, — замялся Яромир. — и я как раз хотел просить у тебя соблаговоления привезти её в город.

— В толк не возьму, как у тебя хватает столько наглости перечить своему князю? И, тем более, как я это всё тебе спускаю с рук... — недовольно покачал головой Игорь. — Хоть красавица?

— Волосы — что огонь, кожа — как шёлк, глаза — точно твои изумруды...! — щеки

Яромира застенчиво запыхлал. — Прости меня, о велики князь, может у тебя были какие-то планы относительно союза с купцом, как были когда-то на Варвару?

— Не шути так со мной, брат! — Игорь сделал вид, что пропустил укор мимо ушей. — На твоё счастье на этот раз — никаких подоплёк. Москварибор — купец видный, но толку от него, как от свиньи злата. Просто... он, как человек хороший, и дочка у него больно смазлива на личико. По мне, так тебе бы подошла такая. Но, раз уже есть твоему сердцу зазноба милая, то даю на то своё княжеское добро! По приезду домой...

Князь оборвался на полуслове и в недоумении посмотрел на Яромира.

По его ошарашенному взгляду Яромир тут же понял, что Игорь почувствовал тоже, что и он — леденящий озноб, пробежавший на спине.

Приближалось нечто опасное, и братья славичам нужно было немедленно возвращаться в лагерь.

Сорвались с места и, едва стоило им выбежать из камышей Илистого пруда, как тут же послышались ужасающие крики людей и разъярённый рёв чудовища.

Яромир на мгновение остановился, вслушался и сразу же признал нападавшего — борут, лесной чёрт.

Такой противный, рычаще-писклявый клекот невозможно спутать ни с одним другим.

«Вероятно, его привлёк запах жареного вепря...» — Яромир вновь пустился в погоню за Игорем. — «Надеюсь, мы не опоздаем!»

Прошлая стычка с подобной тварью почти стоила Яромиру ноги. Благо, старик оказался рядом.

Теперь же все находящиеся в лагере могли полагаться только лишь на Яромира.

И ему во что бы то ни стало нужно было опередить Игоря, пока тот, по незнанию, не сделал всё только хуже.

Игорь оказался необычайно лёгким на ногу и оказался в лагере первым, на мгновение замерев от увиденного.

Некоторые из завалившихся, разодранных в клочья шатров охватил огонь. По небольшой полянке, среди деревьев, валялись оторванные конечности и изуродованные тела двоих бояр и нескольких дружинников, явно вставших на их защиту.

Яромир подоспел следом за Игорем, успевшего вооружиться копьём одного из убитых.

— Вот так охота! — с ужасающим восторгом завопил Игорь, чьи глаза вновь налились кровью.

Яромир же не ошибся.

Дружинники, во главе с потрёпанным Руевитом, зажали борута в кольцо и практически безрезультатно тыкали в него копьями.

Тварь жадно вцепилась зубами в оторванную голову седого боярина, прыгала и дёргалась, но сбежать не могла. Мужики перекрыли все пути отхода.

Как же Яромир ненавидел этих чертей...

Игриво поблёскивающая в тусклом свете костра, лоснящаяся, чёрная, как смоль, толстая шкура. Передние, мощные как у саблезуба лапы и задние ноги, увешанные массивными копытами. Чешуйчатый хвост с булавой на конце и мерзкая пятиглазая морда с кривыми зубами и непомерно длинный, раздвоенный, ядовитый язык.

Котокозозмей, в простонародье борут, он же — лесной чёрт.

Одно радовало, что на них напал всего лишь молодой и явно неопытный самец. Старый уже давно бы с лёгкостью разделался с неподготовленной к охоте на него дружиной.

— Всем стоять! Он мой! — проревел Игорь и вышел перед расступившимися мужиками, пропускавшими его к боруту.

— Брат, позволь мне! — перегородил ему дорогу Яромир. — Ты ведь не знаешь, как с ним бороться...

— Не испытывай моего терпения, брат! Я ведь и осерчать могу! — прошипел на него Игорь и оттолкнул в сторону. — Слышали все?! Никому не вмешиваться! Сейчас покажу вам, что такое силушка богатырская!

Всё нутро Яромира так и порывалось оттащить Игоря подальше и заняться тварью самому, но остановила тяжелая, окровавленная ладонь Руевита, опустившаяся на плечо:

— Велено, не лезь! — бас воеводы показался Яромиру непривычно холодным и суровым. — Княже сказал стоять, значит стой, пока иного не прикажет. Не гоже славному воину под руку лезть!

— Но, он же не знает, как борута одолеть. Я помогу!

— Поможешь, обязательно поможешь, когда прикажет, а пока стой и жди. Князю давно пора напомнить людям, какая кровь течёт в его жилах!

Игорь, с яростным кличем, бросился в атаку.

Борут дёрнулся в сторону, но острые копы дружинников, болезненно уткнувшись в бок, заставили остаться на месте и принять вызов князя.

Тварь нехотя выплюнула добычу, зашипела и опасно метнула шипастый наконечник хвоста в голову быстро приближающегося Игоря.

Князь же от него ловко увернулся и отразил летящую следом лапу, проткнув её остриём копыя насквозь и намертво пригвоздив к земле.

Один из дружинников бросил князю клинок, который тот поймал на лету и сразу же полоснул шипящего борута по морде, лишив его одного из глаз и оставив после себя глубокий порез.

— Да, да! — Игорь победоносно вскрикнул и, с полным гордости видом, повернулся к дружине. — Знай, люд Слав-городский, что никого в Сварге нет сильнее и могучее князя Игоря!

Дружина залилась одобрительными возгласами.

А Яромир знал, что ещё мгновение промедления и самолюбие князя сыграет с ним самую злую шутку.

Пока Игорь стучал себя кулаком в грудь, Яромир подметил, как вытянулся хвост борута и напряглась шея.

Тварь приготовилась к последнему броску.

Жизнь князя висела волоске...

Терпение Яромира лопнуло. Он ловко выскользнул из-под руки воеводы и бросился к Игорю.

Яромир со всей дури влетел в брата и повалил его на землю, ровно тогда, когда змеиный язык борута, будто стрела, вырвался из пасти и пролетел в верхке от шеи Игоря.

Дружинники резко замолкли, а Яромир поймал на себе полный разочарования взгляд воеводы.

— Как ты посмел?! — Игорь в ярости оттолкнул Яромира. — Разве было велено?!

Краем глаза Яромир заметил, как борут приготовился ко новой атаке и вскочил на ноги, в самый последний момент успев помешать твари исполнить задуманное.

Склизкий, воняющий желчью язык, буквально перед лицом князя обхватил Яромира за

выставленное им предплечье и поволок по земле, прямым в пасть яростно клекочущего борута.

Яромир закричал от боли, руку обдало огнём, кожа задымилась, а воздух вокруг наполнился запахом палёной плоти.

Игорь, несмотря на всё недовольство своенравным Яромиром, тотчас бросился ему на помощь.

Неожиданно вынырнувший из темноты хвост болезненно ударил князя в грудь и отбросил назад, до крови разодрав кафтан острыми шипами.

Дружина тоже попыталась подойти, но всё тот же непредсказуемо рассекающий воздух хвост не позволял им приблизиться больше чем на шаг.

Слюнявая, зубастая пасть борута устрашающе плевалась желчью в предвкушении оттяпать Яромиру руку, но тот кувыркнулся по земле и, в последний миг, упёрся ногами в голову твари.

Борут принялся прыгать на месте, в надежде сбросить упорно сопротивляющегося Яромира с морды и уже замахнулся остававшейся свободной лапой, как подоспел Игорь.

Острая сталь его меча на лету отсекла когтистую лапу, заставив неугомонную тварь жалобно заскулить.

У Яромира появился шанс.

Скрежеча зубами от боли, он крепко вцепился в язык борута и рванул, что было сил, вырвав его по самый корень, а сам отлетел на несколько шагов назад.

Игорь воспользовался выпавшим шансом и вонзил клинок прямым промеж глаз твари.

— А-р-р-гх! — торжествуя воскликнул Игорь над едва дышащим, плюющимся желчью телом борута и глубоко вонзил клинок в его голову.

Яромир с облегчением выдохнул и распластался по земле.

Из-за спины воеводы выскочил Гришка с ножом в руках и хотел было схватиться за продолжающийся болтаться на руке Яромира язык борута, как тот его тотчас остановил:

— Тронешь — и ты покойник!

Гришка на мгновение остолбенел и осторожно вложил рукоять в протянутую Яромиром руку.

Яромир стиснул зубы, пропихнул лезвие под язык и тот, с противным хлюпаньем желчи, упал на землю.

При виде до костей сожжённого мяса, Гришку затошнило, и он поспешил отвернуться.

— Паршиво выглядит... — Руевит сел над Яромиром, с осторожностью осматривая его руку.

— Заживёт... — устало протянул скорчившийся от боли Яромир. — Всегда заживало... Вцепись борут в шею Игоря и его бы было уже не спасти, а для простого человека хватит и прикосновения. Яд лютей...

В очередной раз Яромир поблагодарил про себя старика за то, что тот с детства закалял его всевозможными ядами.

— То-то и оно, да только тебе это ещё ой, как аукнется... — в голос Руевита показался Яромиру непривычно взволнованным и полным сожаления. — Помняи моё слово.

К радости Яромира, борут же с каждым мгновением подавал всё меньше и меньше признаков жизни.

— Теперь же, окончательно избавимся от черной мрази! — Игорь склонился над борутом, срезал шипастый наконечник хвоста и протянул его одному из дружинников. —

Головой отвечаешь! Повешу дома на стену, как трофей!

Игорь перекинул хвост борута через плечо и поволок его ко всё ещё продолжавшему гореть костру.

Проходя мимо Яромира, князь остановился:

— Будь по-твоему, Яромир. — в голосе Игоря чувствовались нескрываемое недовольство и злоба. — Хочешь быть, как все — будешь! Воевода!

Руевит выпрямился перед князем, всем видом показывая, что готов выполнить любой его приказ.

— Этого гридня, за ослушание, высечь. Пятнадцать ударов, да чтобы не жалеючи! И на три месяца отстранить от службы. Может так уму разуму наберётся...

— Будет сделано, светлый княже! — Руевит поклонился Игорю, бросив ещё один, полный разочарования взгляд на Яромира.

Князь же молча придал тушу борута огню и велел воеводе проследить, чтобы тоже самое сделали с телами погибших.

Яромир же, совсем не понимая резко изменившему к нему отношению брата, вместе с остальными ранеными отправился на перевязку.

Глава 23: «Давай, уноси ноги, богатырь!»

Хуже, чем просидеть три месяца в гриднице, для дружинника и быть не могло.

Пока остальные тренируются, ходят в караулы и попросту занимаются обычными, дружинными делами, провинившийся гридь отвечает за порядок в гарнизоне. Целиком!

По сути — становится самой обыкновенной прислугой...

Обожжённая ядом рука Яромира затянулась быстро, но не бесследно.

Сумела скотина, всё-таки, оставить на память неприятного вида шрам.

Собственно, так же быстро зажили и шрамы от плети Руевита.

Приказ князя — есть приказ.

А приказы воевода исполнял ответственно.

Тем более, что князь велел наказать Яромира прилюдно, на позорном столбе Торговой площади.

Как он сказал: "в назидание остальным".

Но все прекрасно понимали, что без науськиания княжны тут дело не обошлось.

Благо, славная кровь не подвела и на этот раз, быстро поставив Яромира на ноги.

Все эти три месяца наказания Яромир то и делал, что драил гарнизон, выгробал навоз из конюшни и возился на кухне с поварами, поднося обеды товарищам по службе.

Что поделать, сам напросился...

Потому и решил не возникать, а принять всё, как есть.

Когда срок провинности подошёл к концу, то Руевит разрешил Яромиру вернуться на службу.

И сразу с корабля на бал...

В этот же вечер, князь Игорь велел ему и Гришке, что только утром вернулся с Дальней заставы, присутствовать на пиру.

Князь просто над ними издевается! Ведь брат прекрасно знал, что Яромир их всей душой ненавидел..

— Вот и не знаешь, что из этого может быть большим наказанием: оттирать сени до блеска или торчать тут и смотреть на эти окосевшие морды. — едва слышно возмутился

Яромир, стоя у дверей и наблюдая за опьяневшими от вина боярами. — Лизоблюды и прогнившие до дыр льстецы!

— Таки, я тоже не был бы против пропустить пару тройку чарок... — Гришка громко, завистливо сглотнул. — Как по мне, так здесь просто Ирий, по сравнению с Дальней заставой.

— Ой, началась старая песня...

— Холодно, голодно, сна никакого, так и бабу, даже самую неказистую, за сто вёрст не сыщешь. Кругом лишь дремучие леса и гадкие, сволочные рожи местных дружинников... Сплошная грусть-тоска. И старшина там — сущий изверг!

— Кому как... Но с последним соглашусь: Бирзерк — мужик лютый! Не хотел бы я с ним связываться. Ну, а ты? Раз так бабу хотел, искал бы альчиху по лесам. Та тебя так бы залюбила..., - Яромир едва сдержал приступ смеха, расплывшись в самодовольной улыбке. — до смерти!

— Все бы тебе меня какой твари пострашнее скормить...

— А что? Ты вон какой до девок прыткий! Хотя, альчих я сам не видел, но отец говорил, что леший им всю их девичью красоту сохраняет, а страшенький — кикиморами оборачивает. Так вот, чего тебе ещё надо?! Все знают, что тебе всё равно куда, лишь бы...!

— Вот чтоб тебя кикиморы и забрали, богатырь недоделанный! — Гришка хотел было стукнуть Яромира в плечо, но суровый вид идущего в их сторону воеводы заставил его передумать.

— Так я ж любя! — Яромир осекся, поймав на себе задержавшиеся взгляды Игоря и Марины, что-то старательно нашептывающей мужу на ухо. — Поганая змея.

— А я тебе говорил, — едва слышно пробурчал Гришка. — Таки, помяни мои слова, скоро она себя покажет во всей красе!

— Отставить разговоры! Смирно! — громко скомандовал подошедший Руевит, и только что весело шутившие друзья вытянулись по струнке с самым серьезным видом. — Вольно! Так зубоскалитесь, что всему залу видно ваши довольные хлебoreзки! Вы дружинники, али скоморохи? Перед боярами меня позорить удумали? Ещё раз кто хихикнет — посажу на "губу"! Усекли?

— Виноваты, батька. — Яромир виновато склонил голову, точно нашкодивший сорванец. — Не повторится!

— Не повторится у них... — Руевит тяжело, с прихрапом выдохнул. — Князь смотрит?

Гришка осторожно выглянул из-за плеча воеводы:

— Во все глаза, батька.

— Значит, так, — Руевит задумчиво нахмурился. — С самой охоты княже на вас двоих зуб держит. Не знаю, что там между вами, Яромир, произошло, но у Игоря ты в большой опале...

— Я-то тогда причём? — взволнованно перебил Гришка.

— А ты, как всегда, под горячую руку попался. А ну, встань прямо! Обалдуй... — Руевит прихлопнул Гришку по животу, от чего тот снова вытянулся, высоко задрав подбородок. — Знал бы ты, сколько труда стоило убедить Игоря в твоей пользе здесь, в городе, хотя, признаюсь, я и сам зачастую в этом очень сильно сомневаюсь. И ты, богатырь...

Руевит на мгновение замолчал, и впился в Яромира своим тяжёлым взглядом.

Тот же, хоть и напрягся, но глаза в сторону не отвёл.

— Нравишься ты мне, богатырь. Уважаю! Но твоё своенравие и упрямство до добра не

доведут, Яромир. Парень ты, безусловно, одарённый, только в лоб идти против воли князя боле не стоит. Вот вам двоим наука: в ратном деле, кто сломя голову и закатив шары ломится в атаку — первым головы и лишается. А жизни, всё точно так же, как и на поле брани. Хитрым надо быть, предусмотрительным, расчетливым и хладнокровным! Усекли? Зачем биться лбом в калитку, когда можно перемахнуть через забор? Наш князь хоть и широкой души человек, но у всякого терпения есть свои границы. Потому, сидите пока тише воды и ниже травы. И, если все пойдет по задуманному, то в очень скором времени для вас найдётся достойная работёнка.

Яромир, всё это время внимательно слушавший воеводу, коротко поклонился.

— Надеюсь, что вы меня поняли. Гришка, тебя это больше всех касается! — воевода пригрозил гонцу пальцем, повернулся к пирующим, перед столами которых, под шум бубнов и свирелей, запрыгали скоморохи и недовольно выдохнул. — Вы бы только знали, как меня это все бесит..., но, что поделывать? Служба!

Руевит ещё раз хлопнул расслабившегося Гришку по животу и нехотя вернулся к князю.

— Чего это сейчас было? — фыркнул Гришка, бросив на Яромира вопросительный взгляд.

— Видимо, воевода готовит для нас нечто особенное... — неуверенно пожал плечами Яромир в ответ. — И если ты снова втянешь нас в какую-нибудь историю, то видит Яромир — поколочу!

Гришка недовольно сконфузился и весь оставшийся вечер они провели в неприятном, гнетущем молчании.

Пир близился к концу, и наступила самая нелюбимая Яромиром его часть — выводить из терема самых захмелевших из бояр.

Видные мужи, от выпитого вина, теряли самообладание и уже ничем не отличались от простых завсегдатаев местных харчевен.

Они валились на столы, переворачивая кувшины, от чего медовуха рекой лилась по полу.

Её терпкий, сладкий запах быстро разносился по залу, ещё больше кружа собравшимся головы.

Вечно серьезные бояре совершенно никого не стесняясь сквернословили, едва держались на ногах, бессовестно зажимали служанок, толкались и засыпали напрямик за столами.

Так, владелец каменоломни обозвал судохода скаредным жопомордом, из-за чего завязалась драка и Яромиру пришлось взять их за загривки и выбросить на улицу, как каких-то пропитых забулдыг.

Зато князь смеялся и лишь довольно хлопал в ладоши.

Сейчас знать больше проходила на животных.

Яромир же ещё раз зарекся больше не прикасаться к вину..., по крайней мере в таких количествах.

Князь Игорь весь вечер смеялся над глупыми шутками, задорно хлопал в такт музыке, казался весёлым и жизнерадостным, но Яромир видел его насквозь. Глубокая тоска, нестихаемая раздражительность и жгучее недоверие съедали брата изнутри.

Когда первые бояре начали покидать большой зал, то и сам Игорь поспешил удалиться, оставив за место себя Руевита.

Только стоило князю подняться по лестнице, как Яромир почувствовал неприятно

пробежавший по спине озноб.

Он бегло осмотрел большой зал и заметил неожиданно пропавшую из виду княжну.

— Богатырь...

Станный, нежный, манящий шёпот гулом отозвался в голове, и он ещё раз огляделся в поисках его источника.

— Следуй за мной... — донеслось откуда-то сверху, со стороны лестницы, ведущей в покои княжны.

Нутро Яромира задрожало. Охватило необъяснимое желание, заставлявшее ноги идти сами собой. Он не мог сопротивляться зову. Он должен был найти его источник.

Яромир сделал несколько шагов и оглянулся на Гришку.

Хорошо устроился, гонец!

Спрятался за дверь и ждал, пока все не разойдутся. Хитрый лис.

Яромир же смешался с толпой и незаметно покинул пост.

Не смутил даже воевода, всё ещё остававшийся во главе стола.

— Я жду тебя, мой богатырь... — сладкий женский шепот усиливался с каждым пройденной ступенькой и с каждым сделанным шагом.

За все те полторы зимы, что он провёл в Слав-городе, Яромир ни разу не был в этой части терема.

Яромир шёл быстро и уже не замечал проплывающие мимо, слабо освещённые редкими лампами гобелены.

Игорь рассказывал, что их выплела сама богиня Жива, в память о Великой ассе.

Только Яромиру совсем не было дела до каких то там тряпок...

От опьяняющей страсти дрожали руки и сдавило грудь, хотя где-то внутри и понимал всю неестественность её природы.

— Я здесь, приди ко мне...!

Здесь.

Манящий голос доносился из-за тяжёлой, резной дубовой двери.

Яромир легко толкнул её, она на удивление отзывчиво поддалась и сразу же его ослепил яркий свет огня в камине.

Широкая комната, увешанная дорогим, блестящим зелёным атласом и редчайшим, нежным шелком впечатляла красотой.

Золото и серебро убранства задорно играло отражениями огня.

Воздух наполнял пьянящий аромат цветов, ягод и вина, стоящего на небольшом обсидиановом столе, в кувшине из чистого изумруда.

Одна лишь только эта комната могла стоять целого княжества...

— Как же долго тебя пришлось ждать. — из-за полога высокой кровати раздался томный, глубокий голос княжны Марины, не скрывающий раздражения и нетерпения его хозяйки.

Яромир замер в полном недоумении, едва сдерживая внутренние порывы сорвать балахон и наброситься на княжну.

Ему стоило больших усилий контролировать огонь в груди и животные порывы, но он сдержался.

Ткань балдахина отодвинулась и голые ступни княжны ступили на шкуру белого медведя, служившего ей ковром.

В свете огня её лоснящееся, стройное тело выглядело ещё привлекательнее, чем при их

первой встрече в саду.

Яромир до боли сжал кулаки и громко сглотнул, стараясь не смотреть куда-то в сторону, лишь бы не на её нагое тело.

Княжна, без капли стыда и смущения, грациозно проплыла по комнате и элегантно села на золотой, обитый мягкой телячьей кожей стул.

Она игриво забросла ногу на ногу и блики огня маняще пробежали по её идеальной коже.

— Ну же, богатырь, не заставляй меня в тебе разочаровываться! Прояви внимание, поухаживай за дамой, — она глазами указала на изумрудный кувшин.

Яромир, прекрасно понимавший, что за игру затеяла Марина, хотел развернуться и покинуть её покои, но ноги сами собой направились к столу.

«Дело дрянь...» — будто удар колокола прозвучало в голове, но тело было полностью подвластно её воле. — «Я снова угодил в её сети...»

Трясущимися руками он поднял бокал и осторожно наполнил его вином, когда острые ногти княжны страстно прошлись по его предплечью.

Он на мгновение замер и тяжело выдохнул.

— Какой ты, оказывается, застенчивый... — игриво усмехнулась Марина. — Совсем не такой, как твой брат. Расслабься, присядь со мной, выпей, я тебя не покусаяю.

«Придётся ей подыграть...» — Яромир снял пояс с мечом, осторожно повесил его на спинку стула и сел напротив княжны.

Желтые, змеиные глаза Марины пылали неестественным огнём. Она медленно приложила бокал к губам и сделала несколько глотков.

Кроваво-красная капля тонкой струйкой побежала по её щеке, стремительно спускаясь к налитой, обнаженной груди.

Яромир вновь сглотнул и с большим трудом отвёл глаза в сторону, вызвав этим у Марины самодовольную улыбку.

— Для чего всё это, княжна? — Яромир не смог скрыть бушующее в нём волнение. — Зачем ты меня мучаешь?

— Разве? — Марина медленно отставила бокал и забросила ноги на стол, прямо перед Яромиром. — Я тебе противна? Или тебя не привлекают женщины?

— Твоя красота не имеет сравнения, княжна... Только ты женщина моего брата, моего князя и я должен тебя защищать, а не...

— Именно так! — она подвинулась поближе и опустила ногу Яромиру на низ живота, заставив его вздрогнуть от желания и мертвой хваткой вцепиться в сидение стула. — Сегодня ты должен спасти меня от смертной скуки.

— Зачем я тебе? — он попытался подняться, но её нога с силой прижала его обратно.

— Один богатырь — хорошо, а два — целое сокровище! Скажу тебе по секрету: Игорь уже далеко не тот, кем был раньше. В нём нет той страсти и нежности. Его огонь стремительно угасает и мне не хватает...

— В прошлый раз, в саду, ты не была со мной так любезна.

— Я тебя недооценивала, Яромир. Ты казался мне простым облудем, обдувалой, но, присмотревшись к тебе поняла, на сколько глубоко я ошибалась.

Яромир недоверчиво покосился на княжну и закусил губу, от её очередного прикосновения.

— Ты полон сюрпризов, богатырь. — она встала и зашла за спину Яромира, обдав его

приторно сладким запахом цветов и обвив плечами плечи. — Признаюсь, я долго наблюдала за тобой.

Марина склонилась над ухом Яромира, от чего его тело покрылось мурашками и снова пришлось вцепиться в кресло.

Ему едва удалось удержать бурей вырывающийся изнутри порыв страсти...

— Княжна прошу...

— Умоляй! Проси меня о пощаде! — она игриво провела ногтем по его шее. — Разве я тебя не привлекаю? Разве ты не хочешь обладать мной, мой богатырь?

Яромир крепко зажмурил глаза и постарался представить отвратительную, зубастую рожу борута, но манящий образ оголённых бёдер княжны никак не хотел выходить из головы.

— Игорю не хватает ни мужества, ни сил, чтобы укротить мою страсть. В тебе же это всё есть! Преклонись предо мной, Яромир. Поклонись мне в вечной верности, и я стану целиком и полностью твоей.

Её рука скользнула по плечу и начала медленно расстёгивать пуговицы его кафтана, но Яромир крепко вцепился в её руку, не позволяя продолжить дальше:

— Прости меня, княжна, но верность Игорю для меня дороже моих желаний...

— Не обманывай себя, богатырь! — комнату наполнил звонкий смех Марины. — Я вижу тебя насквозь... Тщеславие, самолюбие, гордыня и непомерная спесь. Мне открыта каждая твоя сокровенная тайна! Как бы не были чисты твои намерения, каким бы благородным ты не старался оставаться, но тебе не удастся вечно скрываться от собственного естества. Не хочется признавать, но ты гораздо сильнее, смысленнее и прагматичнее своего брата.

— Услышь Игорь такие речи, тотчас бы велел вырвать тебе язык!

— Ха-ха-ха! — вновь рассмеялась Марина и, с ловкостью и плавностью змеи, улеглась на кровать в невыносимо привлекательной позе. — Даже при всём желании он и пальцем не сможет меня тронуть! Он слаб, изменен и труслив. Лишь благодаря мне ему всё ещё удаётся удерживать порядок в княжестве и не позволять боярам поднять головы, чтобы те не смогли разглядеть его никчёмности, как князя! Чего говорить, ты и сам всё прекрасно видишь, не так ли? Завистлив, жесток, до ужаса самовлюблён...! Слав-городу нужен новый, достойный, сильный князь. Мне нужен сильный князь!

— Это измена... — Яромира бросило одновременно и в жар, и в холод. — Я не могу...

— Да брось, богатырь. Все вы, мужчины, с ярой, можно сказать — большой, жадностью желаете власти и красивых женщин! И со мной ты всё это получишь, как на ладони! Всего лишь поддайся своему пороку, и я исполню всё, что ты только пожелаешь! Я буду твоей... Вся Сварга будет твоей!

Пот выступил на лбу Яромира. Всё его естество рвалось в её объятия и лишь тонкая, уже едва-едва держащаяся нить разума, заставляла его сидеть на месте и до крови закусывать губы.

— Твоей красоте нет равных, княжна, — слова с трудом вырывались из сдавленной спазмом груди задыхающегося Яромира. — но моя верность брату нерушима. Можешь мучить меня соблазном, искушать сладкими речами, пытаться раскаленным железом и манящими грудями, только знай, что я ни за что не свете не пойду против родного брата.

— Ты смеешь мне отказывать?! — Марина в гневе подскочила с кровати, её желтые глаза запылали огнём, а волосы поднялись дыбом. — Зазнавшийся идиот! Ещё ни один

мужчина не смел выступать против моей воли!

— Тогда, с твоего позволения, Я буду первым...

— Несказанный наглец! — она так сильно надрывала связки, что Яромиру казалось, будто её разъяренный крик сейчас слышит весь Слав-город. — Раз ты так упорно не желаешь быть моим, тогда я уничтожу тебя! Я разрушу всё, что тебе дорого! От тебя не останется ни имени, ни памяти! Даже чернь будет мочиться на твою посрамленную голову! Вся твоя жизнь не будет стоить и ломаного гроша!

Яромир чувствовал, что чем больше злилась княжна, тем чище становились его мысли.

— Аспид, милый, проучи этого недоноска!

Из-под кровати донеслось устрашающее шипение, и блики огня яркой вспышкой отразились в показавшихся из темноты зелёных глазах змея.

Яромир оттолкнулся ногами от пола и перекувыркнулся через спину, ровно в тот момент, когда огромный ядовито-желтый змей бросился в атаку и гулко врезался головой в деревянное дно стула.

— Да, давай, уноси ноги, богатырь! — в ярости продолжала кричать Марина. — Очень скоро ты их лишишься, как и своего поганого языка!

Так сильно мучившая Яромира страсть в мгновение утихла и тело вновь стало послушно только ему.

Он подскочил на ноги и ловко увернулся от нового выпада Аспида.

Змей пролетел мимо и Яромир умело подхватил его за хвост, с силой швырнув в стену, прямо над камином.

Марина с истерическими воплями бросилась на помощь покосившемуся от боли Аспиду, чем тут же поспешил воспользоваться Яромир.

Он подхватил ремень с мечом, с огромнейшим трудом отворил никак не желающую поддаваться массивную дверь и кубарем выкатился в коридор.

С громким ударом дверь захлопнулась следом.

— А ну слезь с меня, кабарина! — где-то под Яромиром раздался слабый писк Гришки.

Яромир, ещё не совсем пришедший в себя после чар княжны, перевалился на бок, освободив незадачливого товарища.

— Ты-то что тут забыл?! — пораженно прошипел Яромир, оперевшись спиной на стену.

— Таки, зад твой шёл спасать! Это что сейчас такое было? — разгневанный шёпот Гришки сейчас очень сильно напоминал Яромира назойливый комариный писк.

— Ты разве ничего не слышал? — Яромир вздернул брови и удивленно уставился на Гришку. — Ни шума, ни криков?

— Я звал тебя, звал, а ты шёл себе и шёл, будто заколдованный. Ты как в эту дверь занырнул, так ни тебя, ни единого звука я больше не слышал. Полнейшая тишина, будто в воду канул. И так, и эдак вокруг ползал — хренушки! — Гришка сложил увесистый кукиш и протянул его прямо к носу Яромира. — А тут на тебе — словно дух вылетаешь из ниоткуда и своим толстым задом прямо на меня сваливаешься!

— Сраное колдунство! — Яромир в полнейшем иступлении уставился на стену, где, вместо тяжелой двери, теперь висел гобелен, рассказывающий о победе Чернобога и его жены Морены в Забвение.

— И, вообще, откуда взялась эта чертова дверь?! — Гришка шарил руками по расшитому полотну, в безуспешном поиске чего-то похожего на прорези косяка. — Сколько живу, отродясь её здесь не видывал! Чернота творится, ох, чернота...!

— Пойдем отсюда поскорее. — крайне взволнованный произошедшим Яромир сильно дёрнул Гришку за рукав, и они быстрым шагом направились к выходу. — Сейчас такое расскажу, посидеешь!

— Чтобы ты сейчас не сказал, таки, поспешу тебе напомнить, что я тебя предупреждал...!

Больше книг на сайте - Knigoed.net